

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.
ISSN 2075-7794

Журнал зарегистрирован в 2009 г.
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-36765

№ 2, 2010
Выходит 2 раза в год.

Главный редактор
канд. полит. наук *Н. Г. Очирова*

Редакционный совет:

акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель),
чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*,
акад. РАН *Г. Г. Гамзатов*, чл.-кор. РАН *В. М. Гацак*, д-р экон. наук *О. В. Иншаков*,
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров*, д-р ист. наук *Э. П. Бакаева* (зам. гл. ред.),
д-р фил. наук *Т. Г. Басангова*, канд. юр. наук *Л. В. Батиев*,
канд. фил. наук *Е. В. Бембеев* (отв. секретарь), д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*,
д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*,
д-р ист. наук *К. Н. Максимов*, канд. фил. наук *Э. У. Омакаева* (зам. гл. ред.),
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, канд. пед. наук *Б. К. Салаев*,
канд. ист. наук *В. П. Санчиров*, д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*

Адрес редакции и издателя:
358000 г. Элиста Республики Калмыкия, ул. Илишкина, 8;
тел. (847)22 3-55-06, (847)22 3-55-39; факс (847)22 2-37-84
E-mail: kigiran@elista.ru
Сайт: www.kigiran.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

<i>Максимов К. Н.</i> Военная интеграция калмыков с донскими казаками в первой четверти XVIII века.....	3
<i>Очиров У. Б.</i> Ойраты западной Монголии и северно-западного Китая: вопросы этнической истории, демографии и географии расселения во второй половине XVIII века.....	9
<i>Судащев Н. Д.</i> Калмыкия в составе Ставропольского края в период восстановления автономии калмыцкого народа (1957–1958 гг.).....	15
<i>Гунаев Е. А.</i> Официальное наименование Республики Калмыкия: исторические и политико-правовые аспекты.....	20
<i>Канукова З. В., Гацалова Л. Б., Хубулова Э. Б.</i> Этническая группа моздокских «крещеных калмыков».....	26
<i>Федоров В. И.</i> Якутия в начале XX века в контексте национально-демократического движения народа саха.....	30
<i>Тетуев А. И.</i> Патриотическое воспитание молодежи как основа консолидации общества.....	34
<i>Намруева Л. В.</i> Социологический анализ идентичности калмыков и корейцев, проживающих в Республике Калмыкия (по итогам опросов, проведенных в 2009–2010 гг.).....	39
<i>Шараева Т. И.</i> Похоронно-погребальная обрядность у калмыков: подготовка покойного к захоронению.....	45

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Лиджиев А. Б.</i> К сравнительному изучению антропонимов западномонгольских народов.....	51
<i>Омакаева Э. У., Очирова Н. Ч.</i> Ономастическое пространство художественного текста (на материале топонимикона прозы К. Эрендженова).....	55
<i>Манджиева Б. Б.</i> Символика центра в описании эпической державы (дворец властителя, мировая гора).....	60
<i>Убушиева Д. В.</i> Мотивный фонд Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар».....	63
<i>Осорин У.</i> Шинжэнэ өөрд моңхлын ут дууна тускар (о протяжных песнях синьцзянских ойрат-монголов).....	68
<i>Сулейманов А. М.</i> Башкирские народные предания об исторических и этнокультурных связях калмыков и башкир.....	72
<i>Сарантуя.</i> Sinjiyang-un oyirad mongyolcud-un «Sečen emegtei-yin Üliger»-un keb sijī-yin qubiyarilal (типологические трансформации ойратского сказочного мотива о мудрой девушке).....	76

ЭКОЛОГИЯ

<i>Габунщина Э. Б.</i> Особенности развития сельского хозяйства Республики Калмыкия в переходный период.....	90
<i>Ташинова Л. Н.</i> Социальные аспекты экологической парадигмы.....	95

ЮБИЛЕИ

<i>Овалов Э. Б.</i> К 100-летию первой публикации эпического цикла песен «Джангара» выдающегося джангарчи Ээлян Овла.....	100
<i>Очирова Н. Г.</i> О жизни и деятельности Урюбджура Эрдниевича Эрдниева. К 100-летию со дня рождения.....	101
<i>Очирова Н. Г.</i> Исследователь монгольских языков (к 95-летию известного востоковеда Б. Х. Тодаевой).....	105
<i>Бембеев Е. В.</i> Бакиш монгольской филологии (к 70-летию со дня рождения профессора Г. Ц. Пюрбеева).....	107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	108
----------------------------	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Арутюнов С. А.</i> История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х томах. Элиста, 2009.....	112
Сведения об авторах	113

CONTENT

HISTORY, SOCIOLOGY, ETHNOLOGY

<i>Maksimov R. N.</i> Military integration of the Kalmyks with Don Cossacks in the first quarter of the 18th century.....	3
<i>Ochirov U. B.</i> Oirats of the western Mongolia and the north-west China: issues of the ethnic history, demography and geography of settling in the second half of the 18th century.....	9
<i>Sudavtsov N. D.</i> Kalmykia as a part of the Stavropol region in the period of reinstatement of autonomy of the Kalmyk people (1957–1958).....	15
<i>Gunaev E. A.</i> The official name of the Republic of Kalmykia: historical, political and legal aspects	20
<i>Kanukova Z. V., Gatsalova L. B., Khubulova E. V.</i> Ethnic group of Mozdok christian Kalmyks.....	26
<i>Phedorov V. I.</i> Yakutia at the beginning of the 20th century in the context of Sakha's national-democratic movement.....	30
<i>Tetuev A. I.</i> Patriotic education of youth as a base of society's consolidation.....	34
<i>Namrueva L. V.</i> Sociological analysis of identity of the Kalmyks and Koreans living in Kalmykia (on the results of surveys conducted in 2009–2010).....	39
<i>Sharaeva T. I.</i> Funeral rites and ceremonies of the Kalmyks: a preparation of the deceased to burying.....	45

PHILOLOGY

<i>Lidzhiev A. B.</i> Towards a comparative study of antroponyms of western-Mongolian peoples.....	51
<i>Omakaeva E. U., Ochirova N. U.</i> Onomastik space of art text (based on toponimicon of Erendzhenov's prose).....	55
<i>Mandzhieva B. B.</i> The symbolism of centre in description of epic majestic state (palace of governor, world mountain).....	60
<i>Ubushieva D. V.</i> Motivic fond of Bagatsohurovsky cycle of Kalmyk heroic epos «Dzhangar».....	63
<i>Osorin U.</i> About the Xinjiang Oyrat-Mongols' lingering songs.....	68
<i>Suleymanov A. M.</i> Bashkir national legends about historical and ethnocultural ties of the Kalmyks and Bashkirs.....	72
<i>Sarantuya.</i> The typological transformation of fairy-tale motif about a wise girl.....	76

ECOLOGY

<i>Gabunshchina E. B.</i> The peculiarities of development of the Republic Kalmykia's agriculture in the transitional period.....	90
<i>Tashninova L. N.</i> Social aspects of ecological paradigm.....	95

ANNIVERSARIES

<i>Ovalov E. B.</i> To the 100th anniversary of the first publication of an epic cycle of «Dzhangar»'s songs of dzhangarchy Eeljan Ovla.....	100
<i>Ochirova N. G.</i> About Urubdzhur Erdnievich Erdniev's life and work. To the 100th birthday anniversary.....	101
<i>Ochirova N. G.</i> The researcher of the Mongolian languages (to the 95th anniversary of the eminent orientalist B. X. Todaeva).....	105
<i>Bembeev E. V.</i> <i>Bakshi</i> of the Mongolian philology (to the 70th anniversary of professor G. TS. Purbeev).....	107

SCIENTIFIC LIFE.....	108
----------------------	-----

REVIEW

<i>Arutjunov S. A.</i> History of Kalmykia since the most ancient times up to now. Three volumes. Elista, 2009.....	112
--	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS.....	113
--------------------------------	-----

ВОЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАЛМЫКОВ С ДОНСКИМИ КАЗАКАМИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

К. Н. Максимов

В статье рассматриваются вопросы участия калмыков совместно с донскими казаками и регулярными войсками в войнах России в первой четверти XVIII века, когда Петр I решал проблемы укрепления позиций государства на западных и южных его рубежах.

Ключевые слова: *Россия, Петр I, донские казаки, калмыки, хан Аюка, Северная война, Крым, Турция, Швеция, Карл XII.*

The paper is devoted to the issues of participating of Kalmyks with Don Cossacks and regular armies in wars of Russia in the first quarter of XVIII century when Peter I sorted out the problems of consolidation of state positions on the western and southern boundaries.

Keywords: *Russia, Peter I, Don Cossacks, Kalmyks, khan Auka, the Northern war, the Crimea, Turkey, Sweden, Karl XII.*

Время великой реформы начала XVIII в. в России связано с деяниями Петра I. Ключевое звено в стратегии петровских преобразований заключалось, как известно, в определении политического статуса России в Европе, стабилизации ее государственных рубежей, размежевании зон влияния как с западными соседями, в первую очередь со Швецией и Польшей, так и с южными, прежде всего с Турцией, вассальным ей Крымом и Персией. Для решения этой стратегической задачи Петр I использовал все национальные силы, все имеющиеся средства в стране, в том числе людские и материальные ресурсы Калмыцкого ханства. Участвуя в войнах России того времени, окраинное ее население, среди которого были и калмыки, выставляло в помощь регулярной армии свои особые войска. Ежегодно донские казаки направляли на театр военных действий до 5 тыс., малороссийские казаки — до 15 тыс., слободские казаки — до 10 тыс. и калмыки — до 15 тыс. человек [1].

Сложившиеся в петровскую эпоху черты культа сильной личности — вождя, «отца нации» характеризовали и Калмыцкое ханство в лице его лидера Аюки, возвышению авторитета которого способствовали не только личные его качества как талантливого руководителя, крупного государственного деятеля, но и уважительное отношение к нему Петра I, которого Аюка полностью поддерживал в его милитаризированной политике.

XVII век в международных отношениях России завершился подписанием в Стамбуле перемирия с Турцией на 30 лет, согласно которому г. Азов остался за Россией, а «кубанская сторона» признавалась вассалом Турции. Однако конец XVII в. ознаменовался началом длительной Северной войны России со Швецией. 19 августа 1700 г. Петр I,

объявив войну Швеции и ее союзникам, приказал всем казачьим войскам, в том числе и донским казакам вместе с калмыками, и калмыцкому хану Аюке быть готовыми к выступлению в поход [2].

В начале XVIII в. в Калмыцком ханстве началась междоусобная борьба, сын Аюки Санджаб с улусом в 15 тыс. кибиток откочевал в Джунгарию, а дербетские улусы Мунко-Темира и его сына Четеря и брата Черкеса — на Дон. Несмотря на это, хан Аюка по требованию Петра I срочно сформировал и направил на театр военных действий калмыцкую конницу. Уже в январе 1701 г. в Москве состоялся смотр Петром I прибывших войск (30-тысячного калмыцкого (ханского и донского) и татарского), которые довольно успешно участвовали в нескольких боевых сражениях против шведов в этом же году; а в 1702 г. в Новгород прибыли пятисотенный отряд Мунко-Темира, улусы которого кочевали на Дону, и 1 100 донских калмыков (среди которых были 200 калмыков тайши Бока). В апреле 1702 г. по распоряжению Посольского приказа все они вошли в корпус фельдмаршала Б. П. Шереметева. В том же году калмыцкие конники приняли участие в июньском сражении против шведов при Гуммельсдорфе в составе русской армии Б. П. Шереметева, завершившемся полным разгромом шведов. Б. П. Шереметев в отчете Петру I по поводу победы писал: «... желание твое исполнили ... Пошлю в разные стороны отряды калмыков и казаков для конфузии неприятеля» [3].

В августе–октябре 1702 г. калмыцкая конница в составе войска Н. Г. фон Вердена участвовала в Лифляндии во взятии городов Вольмара и Алыста, Ведена, а в мае 1703 г. — городов Копорье и Ямбург. В августе 1703 г. корпус Б. П. Шереметева, в состав которого были возвращены калмыцкие конники, «пошел гостить в Эстонии таким же образом, как гостил прошлый год в Лиф-

ляндах. Гости были прежние: казаки, татары, калмыки, башкирцы, и гостили по-прежнему» [4]. Этот корпус Б. П. Шереметева, разгромив в Эстляндии шведские войска под командованием генерала Шлиппенбаха, в сентябре 1703 г. взял города Везенберг, Вейсентштейн, Феллин, Обер-Пален и Руин, а в июле–августе 1704 г. — старые отечественные города Дерпт и Нарва [4].

Петр I, учитывая, видимо, роль калмыков-казачков в начавшихся военных событиях, в охране южных границ, обратил внимание на укрепление их положения в составе Войска Донского. В грамоте Петра Алексеевича от 19 февраля 1703 г. войсковому атаману Лукьяну Максиму сообщалось, что в феврале этого года к царю прибыла делегация в составе 26 человек от калмыцкого тайши Мунко-Темира, его сына Четеря и брата Черкеса, тайши Шурум-Батыра, улусы которых кочуют на Дону. Они были приняты царем и отпущены с грамотой и жалованием. Донским атаманам и казакам предлагалось «впредь посланцев для челобития от калмыков включать в состав казачьих зимовых станиций¹ (делегаций)» [5] и разрешать им вести переписку с государственными учреждениями в установленном порядке через азовскую почту.

В царской грамоте от 2 марта 1703 г., в которой содержалось одобрение направления калмыков Балхаша и Батыра в Крым и Запорожье с разведывательной целью с тем, чтобы «принять предосторожности против замыслов крымского хана и запорожских казаков» [5], сообщалось о прибытии в составе зимовой станиции представителя калмыцких тайшей зайсанга Кочугея с товарищами. Далее шла речь о прикочевавших к Азову калмыцких улусах Мазана и его сына Септена, а также Ямана, Бока Эрке Тасурхая и о необходимости их закрепления на Дону. Особое значение придавалось прибытию к донским казакам Гунделека, сына хана Аюки, с целью согласования военных действий «для отвращения неприятельского прихода» [5].

В связи с откочевкой тайши Мунко-Темира на Волгу в 1704 г. положение и статус оставшихся на Дону тайшей Деद्याла, Адяки, Болгака, Кичиней и Кады были определены и урегулированы царской грамотой от 18 июля 1704 г. Все государственное жалованье, которое предназначалось Мунко-Темиру, подлежало раздаче указанным выше тайшам. Кроме того, им разрешалось не только кочевать около Черкаска и Азова, получать государственное жалование, служить наравне с казаками, но и проживать в крепостях. По переписи 1710 г. население Азова составляло 11 630 человек, в их числе значились и калмыки. В этом же году на Дон прибыло 10 тыс. калмыцких кибиток (семей). С учреждением в 1701 г. в Азове епархии разре-

шалось и кочевым народам принимать православную веру [5].

В 1705 г. положение на западном направлении несколько осложнилось: польский король Август II нуждался в усиленной поддержке; в Курляндии потерпел поражение Б. П. Шереметев от шведского генерала Адама Левенгаупта; шведский король Карл XII двинулся в поход на Гродно; начались бунты уфимских башкир и стрельцов в Астрахани. В подавлении последних наряду с регулярной армией под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева участвовала и «много-тысячная калмыцкая конница тайши Аюки» [6].

В этих условиях Петр I проводит очередной рекрутский набор, в целях укрепления юго-западной границы передвигает армию (в составе которой были и калмыки) на запад. В августе 1706 г. прибыл 8-тысячный отряд калмыков и яицких казаков в Киев, где в это время находились Петр I и А. Д. Меншиков. 18 октября А. Д. Меншиков под Калишем (Калицем) разбил 28-тысячную шведскую группировку во главе с генералом Мардефельдом, который был пленен вместе с 4 735 солдатами и офицерами. На поле битвы осталось убитыми более 6 тыс. шведов. Ханские калмыки в этом бою вместе с московской конницей бились на правом фланге под непосредственным командованием А. Д. Меншикова, а донские казаки и калмыки под руководством генерала Карла Эвальда Ренне [7].

1707 год оказался для России сложным: с запада нависла угроза нападения Карла XII, а на востоке продолжался большой бунт башкир, татар, чувашей, удмуртов, поднялось восстание казаков под предводительством К. А. Булавина. Казанский вице-губернатор Н. А. Кудрявцев 7 января 1708 г. писал царю: «Башкирское воровство умножается, и татары Казанского уезда многие пристали, и многие пригородки закамские...» [8]. В январе 1708 г. стольник Степан Бахметев получил царский приказ ехать к Аюке и уговорить его выслать 20 тыс. калмыков против башкир. С. Бахметев вынужден был разделить полученных воинов-калмыков на два отряда: 10 тыс. отправил под Саратов против восставших казаков, которых калмыки разгромили летом, а другие 10 тыс. отправились с С. Бахметевым на башкир [8].

Помимо того, в феврале 1708 г. астраханский воевода боярин П. М. Апраксин послал на помощь осажденной Терской крепости 1 200 солдат, несколько сот «верных татар» и 3 тыс. калмыков. 26 февраля крепость была освобождена, а восставшие полностью разгромлены. В соответствии с царской грамотой от 28 апреля 1708 г. в мае в Азов был направлен конный отряд донских казаков и калмыков для охраны от восставших

¹ Зимовая станиция — большая делегация.

булави́нцев, которым 6–7 июля вместе с регулярным войском пришлось отражать нападение 5-тысячного, как сказано в ведомости, «воровского собрания от вора Кондрашки Булавина» [10]. В результате двухдневного боя булави́нцев погибло 423, утонуло 400 и попали в плен 60 человек. В отряде, сформированном из казаков Войска Донского, было ранено 10 и 1 человек (калмык) погиб. После этого сражения в Азове был оставлен полк конной службы донских казаков численностью 574 человека, среди которых были 157 калмыков [9]. В соответствии с административно-территориальной реформой в декабре 1708 г. создается Азовская губерния во главе с генерал-губернатором Ф. М. Апраксиным, в состав которой были включены донские земли. В 1716 г. Петр I, переводя Войско Донское из ведения Посольского приказа в распоряжение Сената, окончательно ввел его в единую систему управления территориями страны.

Петр I, внимательно следя за передвижением Карла XII, продолжал укреплять Санкт-Петербург и Москву, армию и координировать действия русских войск. Обеспечение безопасности южных границ России Петр I поручил казанскому губернатору П. М. Апраксину и хану Аюке, выделив последнему необходимые ему пушки и снаряды к ним. В июне 1708 г. Карл XII переправился через Березину, и в начале июля произошла первая боевая встреча русских со шведами. «9 августа у местечка Доброе, на речке Черная Напа, русские войска под командованием генералов М. М. Голицына и Г. Флюка атаковали шведов. Об исходе этого сражения Петр I писал: «По двучасном непрестанном огне Голицына и Флюк неприятелей сбили и с 3 000 трупом, кроме раненых, положили, знамена и прочее побрали» [10].

В этих битвах в составе русской регулярной армии сражалась и калмыцкая конница. В бою со шведами, насчитывавшими 6 полков конницы и 4 тыс. пехоты, недалеко от г. Белин 22 сентября 1708 г. в составе русского корпуса, в котором было 10 тыс. регулярных войск, под командованием генерала Р. Х. Боура приняли участие 6 тыс. калмыков. Остроградский королевский полк, возглавляемый Карлом XII, был окружен калмыками и полностью уничтожен. Сам король чудом спасся от плена. Вплоть до Смоленска калмыки вместе с русскими конными частями вели арьергардные военные действия с наступающими войсками противника, изматывая его силы и нанося ему серьезный урон [11].

Карл XII, не дождавшись генерала Левенгаупта, как известно, 14 сентября повернул к Украине. Группировка Левенгаупта была настигнута Петром I 27 сентября 1708 г. недалеко от города Пропойск, при деревне Лесная. 28 сентября шведы потерпели сокрушительное поражение. По-

сле сражения донские казаки вместе с калмыками под командованием Максима Фролова преследовали разбитых шведов. Петр I писал своим приближенным: «...оного неприятеля сломив, побили наголову, так что трупов с 8 000 на месте осталось (кроме что по лесам от ран померло и калмыки побили); обоз весь, с 2 000 телег, 16 пушек, 42 знамя и поле осталось нам ... достальные шведы побежали вниз по реке Соже и в шести милях вплавь за реку переплыли, за которыми сзади калмыки гнали и зело много побили» [12]. В 1710 г. 2 тыс. донских казаков и калмыков участвовали в осаде и взятии Риги.

Петр I, определив намерения шведов и загородив путь им к Москве, заставил Карла идти к русской столице через Полтаву, где и последовала, как писал А. И. Заозерский, «развязка драмы». Одним из генеральных сражений в Северной войне 1700–1721 гг. стала Полтавская битва, состоявшаяся 27 июня 1709 г. (на два дня ранее согласованного обеими сторонами срока). Дату битвы в одностороннем порядке изменил Карл XII, узнав от перебежчика Семеновского полка, что Петр I ждет калмыцких конников, которые, по словам изменника, «когда придут ... [то] до генеральной баталии не допустят и всю армию его королевского величества могут по рукам разобрать» [12].

Готовясь к этому сражению, Петр I принимал все меры для увеличения и оснащения армии, в том числе и нерегулярной части войска, особенно кавалерии. В связи с этим он дал указание казанскому губернатору П. М. Апраксину, чтобы он приложил все усилия, «дабы от Аюки получить ... к майю месяцу ... к главной армии калмык ... тысячи три» [13]. Однако конный отряд в количестве 3 300 человек во главе с Чакдорджабом, сыном хана, несколько задержался в пути по вине сопровождавшего стольника С. Бахметева, так как он распорядился выступить против действовавшего в районе Бузулука отряда булави́нцев. Вторая причина опоздания к сражению калмыков, дополнительно запрошенных к тем частям, которые действовали в составе регулярных русских войск, заключалась в указанном выше факторе — переносе срока битвы. Все же калмыцкие конники успели к заключительному этапу «генеральной баталии». Для преследования и пленения остатков шведской армии Петр I сформировал специальный сводный отряд, в состав которого вошло и «легкое конное войско калмыков, бывшее при фельдмаршале-лейтенанте Гальце...» [13]. Еще накануне Полтавской битвы калмыцкие конные отряды (ханские и донские) вместе с казаками, частями регулярного войска участвовали в нападениях на шведов [13].

В связи с объявлением Турцией войны России в ноябре 1710 г., в которой должен был принять участие и Карл XII, дипломат граф С. Л. Рагузинский в своих «мнениях» писал: «Первое наше на-

ступление доведется показать на Кубани из Азова с калмыками и донскими казаками, чтоб силы анатолийские туда поход свой восприяли и диверсию учинили» [14]. Петр I, предпринимая дипломатические меры к предотвращению столкновения с турками, приступил к наращиванию военных сил на южных рубежах. Помимо оставленных калмыцких конников (в основном донских) в составе корпуса П. М. Апраксина под Полтавой, хан Аюка, согласно договору-обязательству от 5 сентября 1710 г., пообещал Петру I направить к Азову и Таганрогу 10-тысячную калмыцкую конницу. В январе 1711 г. этот отряд, цель которого состояла в охране южных уездов и приближении калмыков к театру будущих военных действий, направился «к Дону против Манацкого городка, которой недалеко от Черкасского, во главе с Дондук-Омбо и двумя тайшами с Чиметем Батырем, да Четерем Мункотемировым сыном, кочевать 10 000 человек» [14]. Этот 10-тысячный военный контингент калмыков стал главным сдерживающим фактором против выступления кубанских татар на помощь крымчанам в начале 1711 г.

Кроме того, в июне 1711 г. Аюка направил в распоряжение генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, организатора обороны Азовско-Кубанского направления, 20,5 тыс. калмыцких всадников под командованием своего сына Чакдорджаба. Из них 14 тыс. во главе с Дондук-Омбо 29 августа вместе с драгунами (3,5 тыс.) под руководством князя П. Г. Львова были посланы для преследования и уничтожения кубанских татар. Потери последних составили: убитыми и утонувшими — около 17 тыс. человек, пленными — около 3 тыс.; помимо того, победители угнали 120 тыс. голов крупного рогатого скота и 227 тыс. овец. Затем калмыцкий отряд полностью уничтожил кубанских грабителей мурзы Чар-Аслана, возвращавшихся из набега на города и села Саратовского и Пензенского уездов, отбили у них до 2 тыс. русских пленников [15].

Россия заключила в июле 1711 г. мирный договор с Турцией, условия которого были подтверждены в 1713 г. (Турции возвратили Азов и Таганрог). В обстановке продолжавшейся Северной войны царская администрация внимательно следила за обстановкой на Дону и в Калмыцком ханстве. Когда в начале 1713 г. на Дон вернулись 33 бывшие юртовские калмыцкие кибитки, ушедшие на Волгу во время Булавинского восстания, и вместе с ними 7 новых, Петр I во избежание конфликта удовлетворил просьбу хана Аюки и предложил донским казакам вернуть этих калмыков.

Несмотря на мирные соглашения, крымские и кубанские татары при подстрекательстве Турции продолжали совершать набеги на южные селе-

ния России. Донской атаман Аксен Орлов, будучи 5 октября 1717 г. с легкой станицею² у царя, доложил ему о том, что отряд донских казаков вместе с юртовыми татарами и калмыками численностью до 5 тыс. человек во главе с войсковым атаманом Василием Фроловым выступил против напавшего на Дон кубанского султана Бахты-Гирея-Дели. В результате боя было нанесено поражение татарам и «взято 4 языка, одного бея, отбито русского полону разных городов и уездов мужского и женского полу старых, средних и малых младенцев с 1 500 человек» [16].

На завершающем этапе Северной войны Петр I основательно готовился закончить ее успешно. Так, согласно указу Правительствующего сената от 7 января 1720 г., был утвержден очередной мобилизационный план. В указе говорилось: «Понеже настает ныне время к военному приготовлению против шведов и их союзников, того ради, дабы все служилые чины прежних служб всего Российского государства, и его царского величества поданной Войска Запорожского с обеих сторон Днепра — гетман г-н Скоропадский со всеми малороссийскими войсками и слободские полки, также донские, гребенские, яицкие, терские казаки, чугуевские калмыки и Аюки хана калмыцкой были к походу, когда впредь указом повелено будет, во всякой готовности, и для этого лошадей кормили, и ружье и запасы и прочее, что подлежит, готовили бы заранее, со временем, чего ради во всех губерниях и провинциях сей указ и публикуется» [17]. Согласно Ништадтскому мирному договору, подписанному 30 августа 1721 г., Швеция уступала России в полное «неотрицаемое вечное владение и собственность Ингерманландию, часть Карелии, всю Эстляндию и Лифляндию с городами Рига, Ревель, Дерпт, Нарва, Выборг, Кексгольм, а также с островами Эзель и Даго» [17]. Россия вернула княжество Финляндское Швеции. В эпоху Петра Великого казаков, способных носить оружие, исчислялось до 30 тыс., но около 10 тыс. человек погибло в войнах со шведами и во время булавинского восстания. В годы Северной войны на военную и охранную службу были привлечены более 50 тыс. калмыков (около 8 тыс. против Швеции, почти 20 тыс. против Турции, на южных границах 6 тыс., направлены на подавление восстаний 20 тыс. человек) [17].

Завершив Северную войну, Петр I вновь обратил свой взор на юг — на Каспийское море, западные и южные берега которого принадлежали Персии. Готовясь к персидскому походу, Петр I в марте 1721 г. перевел Войско Донское из ведения Сената в Военную коллегия, т. е. включил его в состав государственной армии как иррегулярное войско. С этого времени участие казаков в походах

² Легкая станиция — небольшая делегация.

регулярных войск и, шире, в вооруженной обороне государства стало определяться исключительно указаниями центральной государственной власти, общегосударственными интересами.

В мае 1722 г. Петр I выехал из Москвы в Астрахань, к месту сбора армии. 20 июня, по пути следования в армию, царь остановился в Саратове для встречи и переговоров с ханом Аюкой по вопросу участия калмыков в этом походе. Для предстоящей войны Петр I предложил Аюке выделить 10-тысячный отряд калмыков. Однако он не располагал такой возможностью, поскольку ханство еще не успело оправиться от предыдущих войн. Петр I согласился с доводами хана и установил задание выставить калмыцкую конницу численностью до 7 тыс., которая с августа того же года во главе с Бату, внуком Аюки, активно включилась в боевые действия против Персии.

В Персидском походе в августе–сентябре 1722 г. вместе с 9 тыс. казаками под начальством походного атамана Ивана Матвеевича Краснощекова и полковника Данилы Ефремова участвовало 4 тыс. донских калмыков. Первоначально они, находясь в авангарде, нанесли поражение 10-тысячному отряду султана Махмуда. Затем на завершающем этапе экспедиции по указанию Петра I разгромили владения указанного султана и вернулись с богатой добычей. За этот удачный поход донцы Ивана Краснощекова получили от государственной казны 26,5 тыс. рублей [18].

После заключения в сентябре 1723 г. Петербургского мирного договора между Персией и Россией донские калмыки продолжали нести внутреннюю службу. Они участвовали в строительстве крепости Святого Креста, заложенной Петром I, охраняли вместе с 1 003 казаками, ежегодно сменяемыми, южные рубежи, боролись с набегами крымских и кубанских татар. В соответствии с указами Правительствующего сената от 6 октября, 2, 3 и 9 ноября 1724 г. и 11 января 1725 г., подписанными императором Петром I, нерегулярные конные и оружейные войска — донские казаки до 3 тыс. (в это число входило 200 юртовых калмыков), донские калмыки до 500 (кочевавшие только вблизи Черкасска, владельцы тайшей Четеря и Солом-Доржи), яицкие до 1 тыс., слободские до 1 тыс., бунчуковые до 1 тыс. казаков — должны были подготовиться к отправке в марте 1725 г. в крепость Св. Креста. Здесь они поступали в распоряжение генерал-лейтенанта Матюшкина и должны были ждать дальнейших распоряжений. Ход подготовки и отправки казаков и калмыков к месту службы контролировала Военная коллегия. В это же время, в 1724 г., было переселено на Кавказ по 500 семейств донских казаков на Аграхань [Астрахань] и Гребень. Переселенные на Аграхань казаки не прижились вследствие неблагоприятных климатических условий. Переселенные же на Гребень

донские казаки образовали впоследствии Терское семейное войско. Возможно, с этим связано появление локальной группы терских калмыков, поскольку в составе 500 казачьих семейств были и донские калмыцкие семьи.

В соответствии с указом императрицы Екатерины I от 9 февраля 1725 г. указанная группа нерегулярного войска, в их числе донские казаки и калмыки под начальством походного атамана И. М. Краснощекова, выступила в крепость Святого Креста только в мае 1725 г. В крепости казаки и калмыки несли караульную службу, совершали походы в горы, «вылазки за языком». Рядовые казаки, в том числе и юртовые калмыки, получали жалование по 5 руб., а донские калмыки кочевых улусов — по 3 рубля. За год пребывания у многих казаков и калмыков пали лошади, были проблемы и с одеждой. Поэтому генерал-майор Кропотов в феврале 1726 г. обратился в Военную коллегию с просьбой заменить эту группу и прислать взамен ее в таком же количестве новую партию казаков и калмыков. Выполняя указ Правительствующего сената от 28 февраля 1726 г., подписанный императрицей Екатериной I, Военная коллегия разослала приказ. В нем говорилось: «Послать на Дон и вам войсковому атаману и казакам грамоту, в которой велеть нарядить с Дону казаков против прежнего наряду 3 тыс., да с ними калмыков доброконных и оружейных, кои близ Черкаского, 500 человек, избрав к ним походного атамана и старшин указанное число и отправить всех тех казаков и калмыков к крепости Святого Креста в марте сего 1726 году, и велеть им явиться командующему там генералитету, и когда они к той крепости придут, тогда обретающихся там донских казаков и калмыков, кои отправлены в прошлом 1725 году, отпустить на Дон» [19]. Калмыки (пешие сменялись ежегодно, конные — через два года) вместе с казаками служили в крепости Св. Креста вплоть до 1729 г. За службу в низовом корпусе в 1726–1728 гг. калмыки-казаки получили денежное жалование в сумме 3 тыс. руб. и за каждый год на «подъем» — по 600 руб. На смену предыдущей группы в апреле 1729 г. в соответствии с приказом Военной коллегии от 2 декабря 1728 г. отбыли в низовой корпус к крепостям Св. Креста и Дербент 2 тыс. донских казаков, 200 калмыков из улусов, кочевавших вблизи Черкасска, и 500 яицких казаков [19].

Участие калмыков в русско-персидской войне, как отмечают историки, было их последним крупным вкладом в борьбу России за укрепление южных государственных границ в период правления хана Аюки. С его смертью и начавшейся междоусобной борьбой за власть царская администрация стала способствовать оттоку из ханства калмыков на Дон. В 1725 г. астраханский губернатор А. П. Волынский в соответствии с указанием Правительствующего Сената, данным еще в

1716 г., принимать калмыков с женами и детьми на Дон и склонять их к крещению «ласкою, а не принуждением» [20], тайно разрешил дербетовскому владельцу Четерю вернуться на Дон. К этому времени на Дону уже находилось до 14 тыс. калмыцких кибиток, из них 10 тыс. юртовых («базовых») калмыков-казаков. Военная коллегия грамотой от 18 июля 1729 г., принятой в соответствии с указом высшего органа государственного управления того времени — Верховного тайного совета, всех их окончательно причислила к Войску Донскому [20].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История русской армии. Т. 1. СПб.: ООО «Изд-во Полигон», 2003. С. 223.
2. Пашков Б. Г. Русь — Россия — Российская империя: Хроника правлений и событий, 862–1917 гг. 2-е изд. М.: ЦентрКом, 1997. С. 359, 360; Ригельман А. И. История или повествование о донских казаках. М.: О-во истории и древностей российских, 1846. С. 102–103.
3. Соловьев С. М. Сочинения: в 18-ти кн. Кн. VII. История России с древнейших времен. Т. 13–14. М.: Мысль, 1991. Т. 14. С. 618; Шовунов К. П. Калмыки в составе русского казачества. Элиста: Джангар, 1992. С. 218.
4. Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. VIII. История России с древнейших времен. Т. 15–16. М.: Мысль, 1993. Т. 15. С. 8, 9, 10; Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVI — нач. XIX вв.). Элиста: Калмиздат., 1965. С. 55; Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М.: Наука, 1989. С. 271.
5. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск, 1891. С. 194–195, 209, 210, 237; Бурлака В. О. Азов — город с тысячелетней историей. Вып. 10. Азов, 2005. С. 172, 179; Бюлер Ф. А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт. Статья 1 // Отечественные записки. Т. XLIX: Науки и художества. СПб., 1846. С. 36.
6. История СССР / под. ред. Б. Д. Грекова и др. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII в. С. 570.
7. Пашков Б. Г. Указ. соч. С. 362; Беликов Т. И. Указ. соч. С. 57–58; Попов А. История о Донском войске. 1812 год. Часть 1. Новочеркасск, 1814. С. 262.
8. Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. VIII. Т. 15. С. 168, 169, 187.
9. Там же. С. 167; Акты, относящиеся к истории Войска Донского... Т. 1. С. 263; Т. 3. Новочеркасск, 1894. С. 306; Перепечаева Л. Б. Азов — пограничная крепость России. Конец XVII — нач. XIX в. Вып. 11. Азов, 2006. С. 164.
10. Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. VIII. Т. 15. С. 199.
11. Беликов Т. И. Указ. соч. С. 59.
12. Соловьев С. М. Сочинения. Книга VIII. Т. 15. С. 200; Заозерский А. И. Указ. соч. С. 109.
13. Беликов Т. И. Указ. соч. С. 60–63.
14. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. СПб., 1830. Собрание первое, с 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. 4. № 2 291. С. 548.
15. Беликов Т. И. Указ. соч. С. 67–68.
16. Акты, относящиеся к истории Войска Донского... Т. 1. С. 274, 276, 279–280.
17. Акты, относящиеся к истории Войска Донского... Т. 1. С. 284; Пашков Б. Г. Указ. соч. С. 379; Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919. С. 279.
18. Краснов П. Н. История войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М.: Вече, 2007. С. 148, 149; Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 3. Новочеркасск, 1902. С. 6; Никитин В. Ф. Казачество: нация или сословие? М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 282; Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 341. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.
19. Акты, относящиеся к истории Войска Донского... Т. 1. С. 317, 320; Т. 2. Ч. 1. Новочеркасск, 1894. С. 1, 5, 6–8, 11, 31, 32, 60; Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. 11. Ч. 3. Воинская повинность казачьих войск. Исторический очерк / гл. ред. генерал-лейтенант Д. А. Скалон; сост. А. И. Никольский и Н. А. Чернощев. СПб., 1907. С. 75.
20. Акты, относящиеся к истории Войска Донского... Т. 1. С. 312; Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. IX. История России с древнейших времен. Т. 17–18. М.: Мысль, 1993. Т. 18. С. 355; Кеппен П. Хронологический указатель материалов для истории европейской России. СПб., 1861. С. 286; Казин В. Х. Казачьи войска (хроника гвардейских казачьих частей). СПб., 1912. С. 53.

ОЙРАТЫ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КИТАЯ: ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ, ДЕМОГРАФИИ И ГЕОГРАФИИ РАССЕЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА*

У. Б. Очиров

В статье дается обзор этнической истории ойратов западной Монголии и северо-западного Китая во второй половине XVIII в. Автор статьи анализирует их численность, очерчивает основные ареалы расселения в этот период, который характеризуется значительными политическо-историческими переменами (ликвидация Джунгарского ханства, подавление восстания ойратов и др.).

Ключевые слова: *ойраты Джунгарского ханства, ойраты Синьцзяна, ойраты западной Монголии, этническая история, численность населения, география расселения.*

The author of this article gives the review of ethnic history of Oyrats of the western Mongolia and northwest China in second half of the XVIII century. The author analyses their number and outlines the basic areas of settling in this period which is known by all considerable political and historical changes (a liquidation of Dzungar khanate, suppression of Oirats' revolt and others).

Keywords: *Oirats of Dzungar khanate, Oirats of Xinjiang, Oirats of the Western Mongolia, ethnic history, a population, settling geography.*

Прежде чем приступить к рассмотрению непосредственно темы статьи, очертим основные контуры территории расселения и миграций ойратских этнических групп до середины XVIII в.

Первые достоверные упоминания об ойратах в истории можно найти примерно в конце XII — начале XIII в., в период формирования Монгольской империи. Они являлись достаточно крупным союзом племен (выставляли отдельный тумен) и относились к так называемым «лесным народам», поскольку проживали в районе Секиз-Мурэн (Восьми-речья), между Байкалом и Алтаем [1, § 87, 239]. Ордосский нойон Саган-Сэцэн в своей «Эрденийн тобчи» привел сведения об этническом составе союза ойратов в древности: огэлэты, хойты, батуты и кэргуды [цит. по: 2, s. 58–59]. Нужно признать, что в «Эрденийн тобчи» содержится немало ошибок, поэтому уверенно считать эти сведения достоверными мы, к сожалению, не можем. Иных данных об этническом составе ойратов того периода в источниках не сохранилось.

После вхождения в состав империи Чингис-хана ойраты переселились на территорию бывшего Найманского ханства, приблизительно в район современной западной Монголии и Синьцзяна. В этот период также были зафиксированы первые миграции ойратов за пределы «метрополии», связанные с завоевательными походами монголов. В качестве примера можно привести переселение в Иран нескольких тысяч ойратов, в том числе под предводительством нойонов Аргун-ака и Таргай-кюргн [3, с. 120]. В дальнейшем переселенцы-монголы оказались вытеснены на

территорию современного центрального Афганистана, где положили начало новым этносам — хазарейцам и чараймакам [4, с. 414]. Некоторые исследователи предполагают наличие родства между ойратами и афганскими хазарейцами, ссылаясь на антропологические исследования, выявившие высокую степень совпадений ряда генетических маркеров у этих народов [5, с. 70–71].

К концу XIII — началу XIV в. численность ойратов заметно увеличилась, в том числе и за счет присоединения новых этнических групп, видимо из уцелевших частей Найманского ханства. В этот период по отношению к ним впервые стал применяться термин «4 тумена ойратов» [6, с. 41–42]. Термин «дорбэн-ойраты» (четыре [тумена] ойратов) в противопоставлении или сочетании с «дочин-монгол» (сорок [туменов] монголов) фиксировался в монгольских исторических памятниках и при описании более позднего периода, например в середине XIV в. — в период падения Юаньской империи [см. напр. 7, с. 158].

В XV в. этнический состав союза заметно изменился. По мнению японского ученого Хидехиро Окады, которому, на наш взгляд, лучше всего удалось изучить этот вопрос, к этому времени в состав союза входило уже 8 этнических групп: «древние» ойраты — хойты и батуты (багатуты), северомонгольские баргуты и буряты (баргу-буряты), западномонгольские зюнгары и дербеты, южномонгольские торгуты, восточномонгольские хошуты [8, s. 194].

Зюнгары и дербеты до середины XV в. составляли единый цоросовский (чоросовский)

* Работа выполнена по проекту «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика» подпрограммы «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг.).

омок, который фиксируется среди ойратов уже с XIV в. По всей видимости, он сформировался из части племен Найманского ханства (часть территории современного Синьцзяна и западной Монголии) и вошел в состав ойратов в XIII в., при их переселении из Секиз-Мурэн в западную Монголию [8, с. 197–201]. Во второй четверти XV в., в период ойратской гегемонии при Тогоне (ум. в 1439 г.) и Эсэне (1407–1455 гг.), произошло присоединение к ойратскому союзу торгутов, происходивших от южномонгольских кераитов (кереитов) [см.: 9, с. 39–41], и хошуттов, происходивших от восточномонгольских урянхайских «трех вэй» [10, с. 73–74].

Ойратские этнические группы не всегда имели единого лидера: феодалы проводили независимую политику. Единая история и смежная территория проживания способствовали осознанию себя как этнокультурной общности, самоидентифицируемой как ойраты. На этот процесс повлияло также и отношение родственных монгольских племен к ним как к «дорбэн-хари» (четырем чужим [туменам]) в противопоставление себе как «дочин-монгол» (сорок [туменов] монголов). Таким образом, хотя об образовании единого ойратского этноса говорить еще рано, историческая судьба и политическая обстановка способствовали центростремительным процессам в среде западных монголов и их обособлению от родственных народов.

В конце XV — начале XVII в. ойраты из-за ряда конфликтов со своими южными и восточными соседями попали в полосу затяжного политического кризиса, который они пытались разрешить различными способами, в том числе и миграциями за пределы устоявшейся территории кочевков. В первой половине XVI в. в результате поражений, понесенных ойратами от могулистанского Мансур-хана (годы правления 1504–1544), группы ойратов были вынуждены откочевать на Кукунор и в современный Ганьсу [11, с. 262]. Вскоре ойраты сокрушили могулистанцев, но тех сменили вновь зарождающиеся княжества Восточного Туркестана (Турфан, Кашгар и др.). В 1588 г. правители Турфана нанесли одной из групп ойратов очередное поражение и принудили ее откочевать за Наньшаньский хребет.

В результате экспансии ордосских и халха-монголов во второй половине XVI — начале XVII в. ойраты были вытеснены с территории современной западной Монголии. При этом часть хойтов, батуттов и баргу-буряттов осталась на завоеванных территориях и подчинилась завоевателям. Договор 1640 г. зафиксировал раздел

территории между ойратами и халха-монголами по итогам войны 1618–1628 гг. Хойты и батутты с этого момента стали играть второстепенную роль в союзе, упоминания о баргутах и бурятах в составе ойратов остались лишь в хрониках. В условиях кризиса оставшиеся этнополитические объединения ойратов начали либо сплачиваться перед опасностью агрессии, либо перекочевывать на другие территории в поисках новых пастбищ и выходов на новые рынки.

К последним относились этнополитические объединения торгутского тайши Хо-Урлюка¹ и дербетского тайши Далай-Батыра, которые в конце XVI — начале XVII в. перекочевали на территорию южной Сибири, только что вошедшей в состав Российского государства. В 1606 г. Далай-Батыр, а в 1608 г. Хо-Урлюк дали тарскому воеводе первые шерты на верность России. В последующие годы они начали мигрировать на территорию современного северного Казахстана и южного Башкортостана, вытесняя тюркские племена. Во второй трети XVII в. торгуты под руководством Хо-Урлюка окончательно прикочевали в Нижнее Поволжье. Позже к ним присоединились представители других ойратских этнических групп (дербетов, хошуттов, зюнгаров и др.), в результате чего в Нижнем Поволжье со временем сложилась особая монголоязычная народность, получившая название «калмык»².

В начале второй трети XVII в. начались миграции ойратов в район озера Кукунор. Коалиционная армия ойратов под руководством хошутского Гуши (брата Кунделен-Убаши) в 1637 г. нанесла поражение халхаскому Цогту-тайджи на окраине Кукунора и способствовала победе буддийской школы Гелуг и установлению власти Далай-ламы V в Тибете. После этого Гуши, удостоенный Далай-ламой V титула Номин-хан, основал на Кукуноре новое ханство, получившее наименование Хошутского [12, с. 296–298].

На территории «старых» кочевий ойратов (будущий северный Синьцзян) зюнгарский тайша Эрдени-Батур-хунтайджи создал государство, известное как Джунгарское ханство. Его сын Галдан-Бошигту-хан включил в состав ханства всех оставшихся в регионе ойратов [13, с. 546–548]. Периодом конца XVII — начала XVIII в. фиксируются последние крупные миграции ойратов в регионе. В 1670 г. в состав Калмыцкого ханства откочевала 1 тыс. кибиток хошуттов, в 1697 г. — 1 тыс. кибиток зюнгаров. В 1702 г. из Калмыцкого ханства прикочевала большая группа торгутов во главе с Санджабом, поднявшим мятеж

¹ В русских источниках имя «Өрлөг» («витязь») пишут по-разному — Орлюк, Урлюк и т. д.

² В настоящее время слово «калмык» (хальмг) является этнонимом, обозначающим ойратов, которые переселились и живут в России; стало самоназванием и применяется в отечественной и зарубежной науке как устоявшийся термин.

против отца — Аюки-хана. В этот же период начались первые переселения ойратов на территорию современной западной Монголии, завоеванную Галдан-Бошигту-ханом. В начале 1670-х гг. из различных этнических групп были отобраны группы кочевников вместе с семьями для охраны границы (цзахэ). Со временем они превратились в этническую группу (оток) «захчинов» [14, с. 64]. В 1686 г. в западную Монголию были переселены и представители этнической группы хотонов. Отдельные группы ойратов, недовольные правлением Галдан-Бошигту-хана, бежали к халха-монго-

лам на территорию северного Китая или в Цинхай. Например, на территорию современной Монголии откочевали зюнгары Даныцзилы и Рабдана, хойты Лубсана. Маньчжуры образовали из них три хошуна, в каждом из которых числилось по 1 сомону. На территории, прилегающей к провинции Нинся, был поселен хошутский хошун (8 сомонов) Батур-Эрке-джинона. В Цинхай бежали зюнгары Цзотба-Батура и Зорикту-тайджи (сводные братья Галдан-Бошигту-хана) [15, с. 84–86, 114, 116, 131–132].

В 1698 г. Арабджур, сын калмыцкого нойона Назар-Мамута, вместе с матерью, сестрой и

Отоки и джисаи домена джунгарского хана по данным «Синьцзян-чжи-ляо»

Название отока	Количество зайсангов	Численность (в кибитках)	Район кочевков
1	2	3	4
«Старые отоки»			
Урут	4	5 000	долина реки Гунгис (район Или)
Хорчин	1	5 000	неизвестен
Эркэтен	1	5 000	долина реки Хаш-гол
Керят	2	6 000	долина реки Юлдус
Чотолок (?)	1	3 000	неизвестен
Бухус	1	3 000	долина реки Или
Абагас	1	2 000	неизвестен
Хадан	1	2 000	неизвестен
Эбит	1	3 000	долина реки Эмель
Алодай	2	3 000	неизвестен
Дологот	1	4 000	неизвестен
Хорбос	1	3 000	долина реки Гунгис (район Или)
Цохур	1	3 000	неизвестен
«Новые отоки»			
Бардамот (бюдермис?)	3	4 000	неизвестен
Кетчинер	5	4 000	неизвестен
Галцзат	3	4 000	неизвестен
Шалас	2	3 000	Карашар
Махос	1	5 000	Карашар
Букунут	1	2 000	Улан-Худжир
Тугут	1	500	Кобуксаир
Орат (Урат)	1	3 000	неизвестен
Алтачин ³	1	500	Хур-Хараусун
Захчин (пограничники)	3	2 000	Западная Монголия
Бучин (производители огнестрельного оружия)	3	1 000	Восточная Джунгария

³ У Н. Я. Бичурина приведено название *ардацинъ*, но современные исследователи расшифровывают этот этноним как алтачин [см., напр.: 18, с. 46].

1	2	3	4
Киргиз	4	4 000	к западу от Телецкого озера
Теленгут	4	4 000	к востоку от Телецкого озера, долины рек Катунь и Абакан
Эрчук	1	500	
Орхан-Цзиран	1	800	
Мингат	2	3 000	долина реки Кемчик
Джисаи			
Амба	2	4 000	неизвестен
Лаймарим	1	1 000	неизвестен
Дурба	1	1 000	неизвестен
Туйсулун	1	1 000	неизвестен
Ихэ-хурул	1	1 000	неизвестен
Ундусун	1	1 000	неизвестен
Шанпилин	1	1 000	неизвестен
Сандуй	1	300	неизвестен
Пинчень	1	300	неизвестен

500 подданными совершил паломничество в Тибет, однако на обратном пути был задержан китайцами. Переговоры о его возвращении затянулись, и император Канси (Сюань Е), сформировав из калмыков Арабджура новый хошун (1 сомон), поселил его недалеко от границы с Джунгарским ханством.

К началу XVIII в. под властью Цинов оказался весь Кукунор с проживавшими там хошутами, а также небольшими группами торгутов и хойтов. В 1724 г. часть хошуты под руководством Лубсан-Даньцзина — внука Гуши-Номин-хана подняла восстание, но китайцам удалось подавить его [15, с. 118]. После этого император Иньчжэнь (Юнчжэнь) разделил ойратов Цинхя на 29 хошунов, в том числе 21 хошутский (86 сомонов), 4 торгутских (12 сомонов), 2 зюнгарских (6,5 сомонов), 1 хойтский (1 сомон) [16, с. 15].

К середине XVIII в. Джунгарское ханство, располагавшееся на территории Синьцзяна и западной Монголии, состояло из 24 отоков (входивших в ханский домен), 21 анги (уделов нойонов) и 9 джисаев (уделов духовенства). Отоки и джисаи управлялись зайсангами, анги — нойонами. Сведения о них, сохранившиеся в «Синьцзян-чжи-ляо», впервые до российского читателя довел Н. Я. Бичурин [17, с. 70–73]. Численность населения измерялась в общепринятой для того времени величине — кибитках (семьях). 24 отока ханского домена делились на 12 «старых» и 12 «новых» отоков (см. таблицу). Поскольку изначально этнонимы были зафиксированы на китайском языке, то, к сожалению, не во всех случаях нам удалось точно установить правильное название отоков и джисаев. Отдельные этнонимы остались без изменений.

Как видно из таблицы, в состав «старых отоков» входили в основном более древние этнические группы, в составе «новых отоков» значатся

группы профессионального происхождения или «инородческие». Общая численность ханского домена составила 88 300 кибиток, однако у Н. Я. Бичурина итог получившейся суммы больше на 10 000 кибиток [17, с. 71].

Джисаи находились в центре Джунгарского ханства, близ пустыни Нам, в районе к юго-востоку от Чугучака и к юго-западу от Кызыл-баши-кюль. Общая их численность составила 10 600 кибиток. Названия последних трех оставлены в китайской транскрипции.

21 анги феодалов Джунгарского ханства представляли разные этнополитические объединения:

6 цоросских (зюнгарских) анги — владельцы Даваца (внук старшего Церен-Дондуба), Даши-Дава, Номохон Джиргал (племянник Даши-Давы), Дорджи-Дамба, Галцзан-Дорджи, Очир-Убаши;

3 дербетских анги — владельцы Церен, Даши, Бум-Ахаши (район рек Иртыш и Талас);

1 хошутский анги — владелец Чагдор-Манджи;

9 хойтских анги — владельцы Тарбахцинъ Сайн-Болок, Хотон-Эмеген, Долот-Церен, Дондук, Баяр, Церен-Баньджур, Батор-Эмеген, Цаган-туг Амурсана, бологотский Нохай Цецен;

2 торгутских анги — владельцы Батор-Убаши и Дондуб.

Большая часть анги находилась на территории будущего Чугучакского округа. Численность этих групп и подробный этнический состав Н. Я. Бичурин не указал.

В середине XVIII в. произошло событие, коренным образом изменившее политическую и этническую карту Центральной Азии: после безуспешных попыток, предпринимавшихся на протяжении длительного периода, цинским властям удалось наконец завоевать Джунгарское ханство. Во многом этому способствовали внутренние междоусобицы и непродуманная по-

литика джунгарского правителя Даваца. Уже в 1753 г. ряд дербетских нойонов был обвинен в заговоре против Даваца, некоторые из них казнены. Дербеты нойонов Церена (3 170 киб.), Церен-Мунке (700 киб.), Церен-Убаши (1 200 киб.) и Ган-Доржи (1 000 киб.), проживавшие на берегу Иртыша, вместе с аймаками байтов, кочевавшими вдоль рек Чингэл и Цаган, бежали за Алтай и подчинились китайцам [15, с. 137–143]. Те расселили дербетов по берегам реки Туйн на территории современной западной Монголии.

В 1753 г. торгутский хошун, которым правили потомки Арабджура, был переведен на Эдзин-гол, после чего он получил название Эцзинейский.

После подавления восстания 1756 г. цинские власти подвергли геноциду население бывшего Джунгарского ханства. По данным китайских историков, 30 % населения было уничтожено, 40 % — умерли от голода и болезней, 20 % — переселились в соседние государства (Кашгарию, Россию и др.) [19, с. 60]. Часть переселили в западную Монголию (дербетов, байтов, хотонов и др.), где они присоединились к ранее кочевавшим здесь ойратам. Почти половина дербетов бывшего Джунгарского ханства оказалась в Кобдоском крае. Позже девять дербетских нойонов взбунтовались и пытались бежать в родные кочевья, но потерпели неудачу. Мятежников казнили, а их подданных переселили на территорию современной АРВМ, в том числе дербетов нойонов Нэмэха и Басана (на территорию Хара-Мурэна и Хулун-Буира). В северо-восточный Китай переселялись и другие группы ойратов. Например, В. П. Санчилов упоминает о поселении 8 хошунов хошут (количество сомонов не указано) в 1758 г. в Чахаре, близ Великой стены, у провинций Чжили и Шаньси. К началу XX в. они «совершенно утратили у себя родовое управление» [цит. по: 20, с. 105–106].

Позже в состав округа Кобдо, образованного в 1762 г., также были включены и другие ойраты, проживавшие на этой территории ранее (урянхай Танну Ола, захчины, хотоны); затем — мянгаты и элюты.

В состав Калмыцкого ханства в 1758–1759 гг. после падения Джунгарского ханства и подавления восстания Амурсаны прибыло около 3 000 кибиток ойратов, в том числе хойтов, включенных в Хошеутовский улус. В 1771 г. группа недовольных политикой правительства Екатерины II калмыцких феодалов во главе с наместником Убаши откочевала в Джунгарию вместе с большей частью (тремя четвертями) калмыцкого народа. Калмыки, ушедшие с Убаши-ханом, по пути понесли огромные потери и по прибытии были вынуждены подчиниться маньчжурам, которые, опасаясь попыток восстановления Джунгарского ханства,

расселили их на значительно удаленных друг от друга территориях — от нынешнего Синьцзяна до западной Монголии. Добравшихся до территории бывшей Джунгарии калмыков разделили на 94 примерно одинаковых по численности сомона (82 торгутских и 12 хошутских), которые, в свою очередь (кроме одного), объединялись в хошуны (некоторые делились еще на большие и малые хошуны), а те — в чулганы. Их поулусный состав и расселение приведены ниже⁴.

Чулган «старых торгутов» Үнэн сүсэгт («Истинно верующие») состоял из 4 больших хошунов.

Самый крупный (54 сомона) — *Южный* ('Өмнөд') *большой хошун* составляли торгуты хана и нойонов — потомков Чагдорджаба, известные также как карашарские торгуты. Они кочевали первоначально в Тарбагатае, но потом их перевели в район Юлдуза и Карашара. Границы их кочевий простирались: на юго-восток до Карашара, на северо-запад — до Налатэдабахань (Или), на северо-восток — до гор к югу от Урумчи, на юго-запад — до Аксу и Кучи.

Южный большой хошун состоял из 4 хошунов.

1. Хошун Убаши-хана включал 5 малых хошунов (кереитский или керятский, цаатанский, Барун (правый), Запсар (центральный), шабинеровский), которые насчитывали 50 сомонов: Ики, Мухарын, Жаргалын, Баяжихын, Гончигийн, Дэнгийн, Хишигтийн, Ики-цаганов, Бага-керетов, Манж (Данжингийн), Хөхийн, Цаган-манжиков, Шаравын, Үлэмжийн, Хонгорын, Даваан, Эрденийн, Дөчитийн, Харнудов, Бүдээн, Баяны, Буянхишигийн, Өргөжихийн, Цэрэнгийн, Хойр, Багшийн, Дугарын, Санживын, Сэнгээн, Монголын, Борын, Гахайн, Бодорын, Шажны, Даваан, Дандарын, Санживын, Эрэнцээн, Цагаан, багши-шабинеров (Санжийн, Үжин, Баарайн), ламин-шабинеров (Шарын, Дээжийн, Баарангийн), Анжитан-шабинеров, цойчжингин-шабинеров, гегян-шабинеров, цзонхавын-шабинеров и хотонов (уйгуров).

2. Левый хошун Бөрө-Хашиха (Засгийн хошуу) состоял из 1 сомона.

3. Средний хошун Эмеген-Убаши (Бэйсийн хошуу) состоял из 2 сомонов.

4. Правый хошун Байджиху (Гүнгийн хошуу) состоял из 1 сомона.

Северный ('Хойд') *большой хошун* составляли торгуты — подданные потомков Гунджаба (14 сомонов). Они также известны как кобуксаирские торгуты, кочевали в Кобуксаире (Тарбагатай). Границы их кочевий простирались: на юго-западе — до кочевий переселенных чахаров и элютов, на северо-западе — до кочевий казахов, на

⁴ Этнонимы, устоявшиеся в отечественной историографии, приводятся на русском языке, остальные — на калмыцком.

северо-востоке — до Кобдоского Урянхая и озера Хэчжэлэбаши, на юго-востоке — до гор Хуаншань (Гоби).

Северный большой хошун состоял из трех хошунов.

1. Хошун Цебек-Дорджи (Вангийн хошуу) состоял из 4 сомонов: Ики- и Бага-барун, Ики- и Бага-зюн.

2. Хошун Гунга-Церена (до этого Кирипа) (Баруун хошуу) состоял из 6 сомонов: Ики- и Бага-барун, Ики- и Бага-зюн, Хошут, Шабинеровского.

3. Хошун Аксахала (Зүүн хошуу) состоял из 4 сомонов: Маанийнхан, Жаалайнхан, Бөгөрс, Гэхгэрийн.

Восточный ('Зүүн') *большой хошун* составили торгуты потомков Назар-Мамута (7 сомонов). Они также известны как харусунские торгуты, кочевали в Хур-Хараусу. Границы их кочевий простирались: на востоке — до Манаса, на севере — до Шарабулака (Тарбагатай), на юге — до Катуня, на западе — до военных станций Тодок.

Восточный большой хошун состоял из двух хошунов.

1. Хошун Бамбара (правый, или Вангийн хошуу) состоял из 4 сомонов: Хошутского, Кетченеровского, Хабучиновского и Цохоровского.

2. Хошун Кибдэна (левый, или Бэйсийн хошуу) состоял из 3 сомонов: Ики- и Бага-кёвюдовского и Цоросовского.

Западный ('Баруун') *большой хошун* составили торгуты — подданные потомков Лоузана (брата Шукур-Дайчина) (4 сомона). Они известны также как борталинские торгуты, кочевали на востоке Или. Границы их кочевий простирались: на востоке — до Цзинхэ, на юге — до гор Вэйчан и Хэши, на северо-западе — до кочевий илийских чахаров.

В состав хошуна входили сомоны Хораан, Бөгөрсийн, Цаатан-монголов, Барвисан.

Хошутский чулган Бат сэтгэлт («Надежный») состоял из 3 хошунов (11 сомонов). Кочевали они в районе Юлдуза, позже их включили в Южный большой хошун чулгана «старых торгутов».

1. Хошун Эрэмпея (средний) составили сомоны Үж, Боргог, Харын, Гөрөөчин.

2. Хошун Баярлаху (левый) составили сомоны Дороо Шарын, Шабинеровский, Баатад, Дундынхан.

3. Хошун Нохая (правый) составили сомоны Борын, Завсар [21, с. 8–9].

Чулган «новых торгутов» Чин сэтгэлт («Непоколебимый») кочевал в Кобдоском округе: по долине реки Булгун к югу от Алтая и юго-западу от Кобдо. Он делился на 2 хошуна: нойона Шераренга (правый) и его племянника Шара-Кюкена (левый) [22, с. 72]. Недалеко от них, в местности Хапчак (к югу от Кобдо), кочевал еще один сомон,

не входивший в состав хошунов и чулганов — хошутский нойона Мёнгёна.

Помимо указанных сомонов, в составе Кобдоского округа к концу XVIII в. значилось еще 27 хошунов и 68 сомонов [23, с. 16]. При этом 3 хошуна (23 сомона) дербетов, 11 хошунов (12 сомонов) байтов, 2 хошуна (2 сомона) хойтов, 1 сомон хотонов составили **чулган Сайн Заяата** («С хорошей судьбой»). 7 хошунов (23 сомона) урянхайцев, 2 хошуна (5 сомонов) захчинов, 1 хошун (1 сомон) элютов, 1 хошун (1 сомон) мянгатов в состав этого чулгана не вошли. Кроме того, за пределами округа Кобдо в Монголии и северном Китае кочевали: 1 хошун (8 сомонов) хошуты, 2 хошуна (2 сомона) элютов (зюнгаров), 1 хошун торгутов (1 сомон), 1 хошун (1 сомон) хойтов [15, с. 84–86, 114, 116, 153].

Таким образом, к концу XVIII в. в западной части Цинской империи числилось 255 сомонов ойратов (без учета урянхайцев, мянгатов и хотонов), сведенных в 67 хошунов, в том числе: в Цинхэ — 106 сомонов (28 хошунов), в Синьцзяне — 90 сомонов (13 хошунов), в Кобдо — 47 сомонов (21 хошун). Учитывая, что сомон являлся военно-административным подразделением с фиксированной численностью (к тому времени — 150 воинов), можно попытаться оценить приблизительную численность ойратов в Китае. Если предположить, что сомоны комплектовались по принципу 1 кибитка (семья) — 1 воин, то численность ойратов в западной Монголии и северо-западном Китае к концу XVIII в. должна была составить более 38 тыс. кибиток (семей).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 280 с.
2. Schmidt I. J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Ssanang Ssetsen chuntaihschi der Ordus. SPb., 1829. S. XXVI + 509 s.
3. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 219 с.
4. Сатцаев Э. Б. Хазарейцы — ираноязычные монголы Афганистана // Материалы Междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства, Элиста, 13–18 сентября 2009 г. Ч. 1. Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 413–416.
5. Хойт С. К. Кереиты в этногенезе народов Евразии: историография проблемы. Элиста: Броско, 2008. 82 с.
6. Алтан Тобчи [анонимная] (пер. Г. С. Гороховой и А. Д. Цендиной) // История в трудах ученых лам. М.: КМК, 2005. С. 19–61.
7. Шара туджи. Монгольская летопись XVII века / сводный текст, пер., введ. и прим. Н. П. Шастиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 199 с.

8. Okada H. Origins of the Dorben Oyirad // Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge. Band 7. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1987. S. 181–211.
9. Санчиров В. П. О происхождении этнонима *моргут* и народа, носившего это название // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. С. 31–50.
10. Кукеев Д. Г. О вхождении хошеутов в состав ойратов (XV век) // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: материалы Междунар. науч. конф., Элиста, 9–14 мая 2007 г. Ч. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 72–76.
11. История Востока. Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI — XVIII вв. М.: Вост. лит., 2000. 696 с.
12. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
13. Кычанов Е. И. Властители Азии. М.: Вост. лит., 2004. 631 с.
14. Орлова К. В. Захины Монголии: культовые места // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 64–68.
15. Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / пер. с кит. П. С. Попова. СПб., 1895. 281 с.
16. Уласинов Ю. Ю. К вопросу об изучении ойратов Китая // Вестник КИГИ РАН. 2008. № 3. С. 14–17.
17. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
18. Кукеев Д. Г. Расселение субэтносов Джунгарского ханства XVIII в. по данным современной китайской историографии // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 94–105.
19. Санчиров В. П. Приволжские калмыки в составе Цинской империи в конце XVIII в. // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста: Калмиздат, 1983. С. 60–73.
20. Санчиров В. П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. 137 с.
21. Лижээгийн Г. Шинжааны ойрадуудын түүх, соёл // Тод номын герел. 2007. № 3–4. С. 8–9.
22. Бакаева Э. П. Торгуты Монголии: этнический состав и этнические маркеры // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 69–86.
23. Сухбаатар На. Ойраты Монголии и проблемы изучения их истории // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: материалы Междунар. науч. конф., Элиста, 9–14 мая 2007 г. Ч. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 16–19.

ББК 63.3 (2Рос=Калм)

КАЛМЫКИЯ В СОСТАВЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ АВТОНОМИИ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА (1957–1958 гг.)

Н. Д. Судацков

Статья посвящена развитию Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края в 1957–1958 гг.: в период восстановления автономии калмыцкого народа и преобразования ее в самостоятельный регион в составе РСФСР.

Ключевые слова: *Калмыцкая автономная область, Ставропольский край, восстановление автономии после депортации.*

The article is devoted to development of Kalmyk autonomous region as a part of Stavropol region in 1957–1958: in the period since the beginning of the restoration of an autonomy of the Kalmyk people and till the transformation into independent region as a part of RSFSR.

Keywords: *Kalmyk autonomous region, Stavropol region, restoration of autonomy after deportation.*

Народы Калмыкии и Ставрополя связывают давние узы дружбы и сотрудничества с тех пор, как началось заселение современной территории Ставрополя выходцами из центральных губерний России и Малороссии. Первые контакты с русскими в Предкавказье произошли еще раньше, с приходом калмыков в Прикаспий. Здесь они взаимодействовали с казаками, проживавшими по берегам реки Терек, а затем с выходцами из Московского государства, бежавшими по разным причинам в Предкавказье от помещичьей неволи, рекрутчины, из острогов и т. д.

Когда же земли Предкавказья во второй половине XVIII в. были официально включены в состав России, сотрудничество между русскими и калмыками приобрело более интенсивный харак-

тер. В ходе административных преобразований после ликвидации Калмыцкого ханства Большедербетовский улус входил в состав Ставропольской губернии. На территории самой Калмыцкой степи после принятия указа о строительстве дорог создавались русские поселения. Следует отметить, что в основе взаимоотношений между русскими и калмыками всегда было взаимопонимание. Важную роль играла народная дипломатия, с помощью которой удавалось разрешать спорные вопросы и недоразумения. Заложенные издавна дружба и сотрудничество сохранились как ценное достояние и до настоящего времени.

Русские крестьяне, ощущая недостаток в земельных угодьях, арендовали у калмыков земли, на которых разводили скот, заготавливали корма

и сеяли зерновые. Они использовали их многовековой опыт, занимаясь животноводством в калмыцких степях. Созданные в годы советской власти на Ставрополье колхозы и совхозы имели отгонные пастбища на территории Калмыкии. Совместное ведение хозяйства способствовало укреплению дружеских отношений между народами. Во время Великой Отечественной войны, когда автономия Калмыкии была упразднена, а ее народ депортирован [1], подавляющая часть русских Ставрополья искренне сочувствовала калмыкам и сожалела о случившемся, и, безусловно, восстановление автономии калмыцкого народа было поддержано Ставрополем. В начале 1957 г. была создана Калмыцкая автономная область [2] в составе Ставропольского края [3], ставропольцы восприняли как свою святую обязанность сделать все от них зависящее, чтобы помочь калмыцкому народу как можно быстрее преодолеть трудности и восстановить нормальную жизнь.

Конечно, калмыцкий народ возвращался не «на пустое место»: в этот период здесь функционировали сельскохозяйственные, промышленные, торговые, кооперативные и бытового обслуживания предприятия, а также школы, медицинские и культурно-просветительные учреждения. Однако все эти организации не удовлетворяли полностью даже потребности местного населения и тем более значительной массы прибывающих в родные места людей. Положение осложнялось еще и тем, что приток калмыков был более интенсивным, чем это прогнозировалось: ничто не могло удержать людей, стремившихся на родную землю. В целом все это создавало большие трудности. Прежде всего, возникли проблемы с обеспечением прибывших жильем, которого катастрофически не хватало, затем не справлялись с обслуживанием быстро увеличивавшегося населения медицинские учреждения и торговые организации, что в свою очередь вызвало недовольство людей.

Для более быстрого и успешного решения этих вопросов требовалась повседневная оперативная работа краевых, областных организаций и учреждений, которые были созданы практически «на пустом месте». В этих условиях Ставропольский крайисполком и крайком КПСС приняли самые энергичные меры по оказанию помощи областному оргбюро в практическом решении вопросов восстановления автономной области.

В область направлялись опытные советские, партийные, профсоюзные и хозяйственные работники, которые были призваны решать уже на месте вопросы, входящие в их компетенцию. Необходимо было в кратчайшие сроки создать органы советской власти, провести выборы в местные со-

веты — при меняющем составе населения в ходе массовой миграции калмыков на территорию области. Большое внимание уделялось выдвижению на руководящую работу представителей калмыцкого народа.

Краевые руководящие органы провели существенную работу по оказанию помощи области строительными материалами, транспортом, квалифицированными кадрами, которые направляли из городов и районов края. Помимо этого, на месте открывались курсы по подготовке кадров массовых профессий из числа возвращающегося населения, что было важно, поскольку в области нарастало количество безработных и ощущалась острая нехватка рабочих мест.

Особое внимание уделялось развитию сельского хозяйства и традиционному для этих мест животноводству. Завозился племенной скот и необходимые препараты для санобработки животных, создавалась кормовая база, дополнительно направлялись ветеринарные работники. Подчеркивалась необходимость усиления внимания к интенсивному развитию общественного животноводства, для чего необходимо было постоянно совершенствовать племенную работу, повышать квалификацию и мастерство животноводов, добиваться продуктивности животных. Особые требования предъявлялись к сокращению падежа скота, решению вопросов кормопроизводства. Эти вопросы неоднократно рассматривались на заседаниях крайисполкома, бюро крайкома КПСС и совещаниях различного уровня.

Крайисполком и крайком КПСС предъявляли жесткие требования к тем, кто допускал серьезные недостатки в работе. Так, 7 февраля 1957 г. был рассмотрен вопрос «О неудовлетворительной организации зимовки овец на Черных землях». Было отмечено, что руководители колхозов и МТС Калмыцкой АО, особенно колхозов «Страна советов», им. С. М. Буденного, Ленина, «Родина», неудовлетворительно организовали перегон овец и не обеспечили необходимой подготовки кошар, завоз рештаков, водопойных корыт и бочек для подвоза воды. Несмотря на указания крайисполкома, эти колхозы перегнали на Черные земли большое количество слабого и больного молодняка овец. При наличии достаточного количества грубых кормов эти колхозы не обеспечили необходимого ухода и содержания слабого поголовья, что привело к его истощению и падежу. Особенно безответственно отнеслись к сохранению овец в колхозе им. Ленина в г. Элиста, где с начала зимовки пало 515 голов овец. В отаре старшего чабана Смолякова по вине руководства колхоза и старшего чабана пало 204 головы, в отаре чабана Василенко — 104 головы, в отаре Сизских — более 100 голов, а в колхозе «Страна Советов» — 424 головы.

Крайисполком и крайком КПСС предъявляли жесткие требования руководителям хозяйств, райисполкомам и райкомам за допущенные недостатки в организации зимовки овцепоголовья и требовали принять все меры к тому, чтобы исправить создавшееся положение и сделать выводы на будущее.

Труженики Калмыкии активно включались в производственную деятельность и добились существенных результатов в работе, преодолевая трудности восстановительного периода. Следует отметить, что краевыми руководящими органами широко практиковалось поощрение

лучших работников области наряду с работниками других городов и районов края. Бюро Ставропольского крайкома КПСС и исполкома крайсовета депутатов трудящихся, рассматривая 20 февраля 1958 г. итоги работы в 1957 г., приняли постановление о награждении передовых колхозов и совхозов края почетными грамотами за успехи, достигнутые в минувшем году в подъеме сельского хозяйства, а также о награждении почетными грамотами и премировании ценными подарками передовиков сельского хозяйства края. Среди 29 колхозов края были колхоз «Гигант» Сарпинского района, им. Ле-

Список награжденных и премированных

Колхоз или совхоз	Фамилия, имя, отчество и должность	Показатели за 1957 г.	Чем премирован
Совхоз «Троицкий»	Эдеев Болдн Эрдниевич, старший чабан	Настриг по 7 кг шерсти с овцы, получил по 140 ягнят на 100 овцематок	Ружьем
Совхоз «Черноземельский»	Суховеев Андрей Лаврентьевич, старший чабан	Настриг по 8,8 кг шерсти с овцы и получил по 134 ягненка на 100 овцематок	Ружьем
Колхоз им. Сталина	Кривкин Михаил Ефимович, старший чабан	Настриг по 7,4 кг шерсти с овцы, получил по 128 ягнят на 100 овцематок	Ружьем
Совхоз «Приозерный»	Сова Дмитрий Иванович, старший чабан	Настриг по 6,8 кг шерсти с овцы, получил по 111 ягнят на 100 овцематок	Ружьем
Совхоз «Лиманный»	Кичикова Шура Дохоновна, старший чабан		Отрезом на пальто
Колхоз им. Ленина	Омельченко Яков Андреевич, гуртоправ		Ружьем
Совхоз № 2	Монкуров Басаих Манкурович, заведующий фермой	Получил по 7 кг шести с каждой овцы на каждой ферме	Ружьем
Совхоз «Южный»	Булавин Михаил Николаевич, тракторист	Выработал на тракторе ДТ-54 2 015 га мягкой пахоты и сэкономил 2 621 кг горючего	Отрезом на костюм

нина г. Элисты, а из 19 совхозов — 4 из Калмыкии: «Черноземельский», совхоз № 4, совхоз № 107 и «Сарпа». Среди награжденных грамотами и премированных 87 передовиков сельского хозяйства края были представители из Калмыкии (см. табл. ниже).

На территории области в 1957 г. разворачивались строительные работы. Постановлением крайисполкома и крайкома КПСС 7 марта был утвержден план поставки для Калмыцкой АО сборных домов и деталей на 42 тыс. м². Хотя строительство жилья и стояло на первом месте¹, но не менее значимым было и строительство школ и больниц. Темпы строительства жилья не удовлетворяли областное и краевое руководство. Несмотря на оказанную помощь в виде предоставления строителей, механизмов и

стройматериалов, к октябрю 1957 г. строительные организации выполнили план года лишь на одну треть, что привело к серьезным проблемам обеспечения населения жильем в Яшкульском, Черноземельском и Юстинском районах, а также в г. Элисте, где к тому же не было завершено строительство школы на 400 мест. По данным отдела переселения Калмыцкой области, на 10 октября 1957 г. в Калмыцкую автономную область прибыло 9 306 семей калмыков в количестве 35 146 человек, из них были трудоустроены лишь 14 470 человек. Эти семьи были расселены в 10 сельских районах области и в г. Элисте. Проблемы бытового устройства, нехватка жилья, питьевой воды, товаров первой необходимости, проблемы медицинского обслуживания и взаимоотношений различных слоев населения, а также

¹ Особенно остро встал вопрос о жилье летом, когда в область приехали те семьи, которые задержались из-за детей, которым требовалось закончить учебный год в школе.

меры по преодолению этих трудностей постоянно находились в поле зрения отделов и управлений крайисполкома и крайкома КПСС.

Летом 1957 г. резко возрос приток молодежи калмыцкой национальности в высшие и средние специальные учебные заведения края. Предвидя это, крайком КПСС и крайисполком еще весной рассмотрели эти вопросы и приняли соответствующие решения, которые обязали руководителей учебных заведений разработать меры по принятию на обучение калмыцкой молодежи. По предложению крайисполкома и калмыцкого облисполкома и с разрешения Минпроса РСФСР в Ставропольском пединституте в сентябре 1957 г. было создано отделение калмыцкого языка и литературы, которое возглавили доценты Б. Б. Бадмаев и У. У. Очилов. При создании уже Калмыцкого государственного педагогического института это отделение стало его составной частью. В области ощущалась острая нехватка учителей, особенно перед новым учебным годом. Поэтому власти края и области обратились в педагогические учебные заведения с призывом направить на работу в школы области старшекурсников.

Особое внимание крайисполком и крайком КПСС обращали на медицинское обслуживание населения, поскольку в условиях увеличивающейся миграции резко возросла опасность вспышек инфекционных заболеваний. И хотя области была оказана большая помощь медицинскими кадрами, тем не менее, к концу 1957 г. медицинские учреждения области не были полностью укомплектованы персоналом: не хватало около 80 врачей и медицинских сестер. В область часто направлялись бригады узких специалистов, которые проводили обследования населения сельских районов и оказывали практическую помощь в лечении больных. Тяжелых больных направляли на консультации и лечение в краевую больницу и другие специализированные медицинские учреждения.

Исходя из того, что дальнейшее развитие области было невозможно без развитой транспортной системы, крайисполком и крайком КПСС обратили особое внимание на состояние транспортного сообщения, которое из-за незначительной протяженности дорог с твердым покрытием становилось невозможным в ненастную погоду. В результате этого снабжение всем необходимым (например, строительными материалами) городов и районов было парализовано, затруднялась перевозка населения. В архивах содержится немало документов, в которых ставятся вопросы по дорожному строительству, развитию транспортной системы, в том числе сооружению железной дороги Дивное — Элиста, имевшей важное значение не только для Калмыкии, но и для Ставрополя и Ростовской области. В связи с этим краевым комитетом партии в ЦК КПСС и Совет

Министров СССР было отправлено предложение о включении строительства этой дороги в план 1959 г. (что позже было выполнено).

Большое внимание уделялось работе учреждений культуры, изданию областных газет «Хальмг үнн» и «Советская Калмыкия» на калмыцком и русском языках, созданию калмыцкого областного книжного издательства с тематическим планом по выпуску учебной, технической, сельскохозяйственной и художественной литературы общим тиражом 65 тысяч экземпляров. 21 октября 1957 г. крайкомом КПСС было принято решение об издании в Калмыцкой автономной области литературного альманаха «Теегин герл» объемом восемь печатных листов. Это давало возможность популяризировать национальную литературу.

Анализ документов крайисполкома и крайкома КПСС показывает, что с первых дней пребывания Калмыцкой АО в составе Ставропольского края ее районы были включены в общекраевую деятельность. Все решения, принимаемые крайисполкомом и крайкомом КПСС, касались непосредственно и области. Так, при подготовке к краевому совещанию «Проект мероприятий по увеличению производства сельскохозяйственных продуктов на 100 гектаров земельных угодий, применительно к природно-экономическим зонам Ставропольского края» в области, как и во всех районах края, были проведены совещания по всестороннему обсуждению проекта. На совещании было избрано 23 представителя Калмыцкой области, которые приняли заинтересованное участие в обсуждении намечаемой программы. Крайисполком и крайком КПСС 25 марта 1957 г. утвердили план откорма свиней на 1957 г. в подсобных хозяйствах учреждений, предприятий (в размере 1 165 ц) для Калмыцкой АО. При этом разбивка по кварталам шла с нарастанием: в I квартале — 100 ц, во II квартале — 142 ц, в III квартале — 293 ц и в IV квартале — 628 ц. На апрель 1957 г. индивидуальным сдатчикам следовало предоставить 280 т молока, колхозам и совхозам — 1 080 т. По Калмыцкой АО предусматривалось заготовить в 1958 г. 20 200 т мяса и 11 035 т молока в хозяйствах.

При рассмотрении плана развития овцеводства в крае Калмыцкой АО было установлено выходное поголовье на 1 января 1958 г.: по колхозам — 966 тыс., трестированным совхозам — 1 149 тыс., не трестированным совхозам — 46 тыс., всего 1 891 тыс. из 7 219,5 тыс. по краю. Таким образом, в области была сосредоточена четверть овцепоголовья края. Для этого предусматривалось закупить у населения 15 тыс. овец. Из совхозов края было передано более 57 тыс. голов овец в совхозы Калмыцкой АО. По решению крайисполкома и крайкома КПСС о продаже овец районами края Калмыцкой АО из 4 районов продавалось 15 тыс. голов на условиях

взаимной договоренности. На летний период для обеспечения животных привозной водой в Калмыцкую АО было направлено 69 машин из 9 районов Ставропольского края (из 150 единиц, выделенных для степных районов края).

Для обеспечения стабильности урожаев и заготовки кормов для общественного животноводства крайисполком и крайком КПСС приняли решение о строительстве и проведении лиманного орошения в районах края и Калмыцкой АО на 200 тыс. га (к весне 1958 г. — на 100 тыс. га), в том числе по Калмыцкой АО, соответственно, на 132 тыс. га и 68 тыс. га за счет стоков вод, использования атмосферных осадков, паводковых вод, сбросных вод обводнительно-оросительных каналов. Решение этой задачи по Калмыцкой АО было получено Пятигорскому филиалу института «Южгипроводхоз» и краевому управлению сельского хозяйства.

В 1957 г. на Ставрополье по решению правительства техника, находившаяся в машинно-тракторных станциях, была продана колхозам. Для поддержания ее в надлежащем техническом состоянии крайисполком и крайком КПСС постановлением от 25 апреля 1957 г. реорганизовали 10 МТС Калмыцкой АО в ремонтно-технические станции.

1957 год показал, что в Калмыцкой АО неудовлетворительно развивалось обеспечение населения овощами. Чтобы решить эту проблему, крайисполком и крайком КПСС 8 апреля 1958 г. прикрепили к г. Элисте 7 колхозов Петровского района, которые должны были поставить 887 т овощей, а колхозы и совхозы области — всего 305 т. Калмоблпотребсоюзу колхозы Калмыцкой АО должны были поставить 455 т овощей, а 6 колхозов и совхозов Шпаковского, Прикумского, Александровского районов — 948 т овощей, из Карачаево-Черкесской АО — 1 600 т картофеля.

Для проведения работы требовались опытные кадры. На первых порах большое внимание было уделено обеспечению области опытными руководящими кадрами различных уровней: направление советских, партийных комсомольских, профсоюзных работников и специалистов. Большая работа была проведена по подготовке и проведению выборов в областной, районные, сельские и поселковые советы депутатов трудящихся Калмыкии, которые состоялись 3 марта 1957 г. и прошли в обстановке высокой общественно-политической активности населения автономной области.

Следует отметить, что в Калмыцкую область были отправлены наиболее опытные работники и, прежде всего, из числа коренного населения, имевшего опыт руководящей деятельности, а также из городов и районов края. Многие из них в Калмыкии выросли в крупных работников. К примеру, Г. Агрызков был направлен директором совхоза, затем избран секретарем райкома КПСС, позже стал

заместителем министра сельского хозяйства РСФСР. Виктор Иванович Постников работал секретарем райкома КПСС, затем заместителем председателя Совета министров Калмыцкой АССР, позже был удостоен звания Героя Социалистического труда. Многих из ставропольцев и сегодня помнят в Калмыкии. К примеру, первым секретарем обкома комсомола работал Владимир Бушин, 80-летие которого широко отметили в республике, он удостоен звания Почетного гражданина Республики Калмыкия.

В Калмыкию из Ставрополя направлялись кадры и уже после того, как она вышла из состава края и приобрела статус автономной республики. Например, Н. Т. Поротов, заведующий отделом, секретарь обкома КПСС, заместитель председателя Совета министров республики, председатель республиканского комитета партгосконтроля (1959–1965 гг.). Однако в Калмыкии росли и свои национальные кадры, так, В. П. Дорджиев, первый секретарь обкома комсомола, а затем директор совхоза № 108, первый секретарь Ики-Бурульского райкома КПСС, министр сельского хозяйства Калмыкии, народный депутат России.

1958 год был годом подготовки к празднованию 350-летия добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России. Придавая исключительное значение этому событию, крайком КПСС и крайисполком одобрили план мероприятий, разработанный Калмыцким обкомом КПСС и облисполкомом, по подготовке празднования этого юбилея, понимая важность его не только для Калмыкии, но в целом для всего Ставропольского края как яркого свидетельства дружбы и взаимопомощи между народами.

По мере того, как крепла экономика Калмыцкой АО, многое было сделано в социальной и культурной сферах. Калмыцкий облисполком и обком КПСС приняли постановление ходатайствовать о преобразовании области в автономную республику. Ставропольский крайисполком и крайком КПСС своим постановлением от 18 июля 1958 г. поддерживали ходатайство о преобразовании Калмыцкой автономной области в Калмыцкую АССР. И, как известно, был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Калмыцкой автономной области в Калмыцкую автономную советскую социалистическую республику», который был опубликован средствами массовой информации 29 июля 1958 г. Вместе с калмыцким народом этому событию радовались и ставропольцы. По этому поводу в области прошли митинги населения, участники которых (трудящиеся Калмыкии) по случаю выхода данного Указа Президиума Верховного Совета СССР о преобразовании Калмыцкой АО в Калмыцкую АССР зачитали обращение к партийным и советским органам, населению Ставрополя, в котором выразили искреннюю благодарность за бескорыстную помощь, оказанную

в восстановлении экономики и культуры калмыцкого народа. Прошедшие после этого десятилетия убедительно подтверждают, что чувства дружбы и добрососедства между Ставрополем и Калмыкией сохраняются и укрепляются и по сей день.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Убушаев В. Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1957 гг. Элиста: Санан, 1991. 96 с.
2. Область // БСЭ. 3-изда. М., 1974. Т. 18. С. 314.
3. Край // БСЭ. 3-изд. М., 1973. Т. 13. С. 928–930.

ББК 67.400

ОФИЦИАЛЬНОЕ НАИМЕНОВАНИЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Е. А. Гунаев

В статье рассматриваются изменения официального наименования Республики Калмыкия в 90-е гг. XX в. Исследуется право субъекта Российской Федерации решать вопрос о своем наименовании.

Ключевые слова: наименование, Калмыкия, Хальмг Тангч, субъект Российской Федерации, законодательство.

The article examines the changes of the official name of the Republic of Kalmykia in the 90-s of the XXth century. The author studies the right of the subject of the Russian Federation to decide an issue about its name.

Keywords: name, Kalmykia, Khal'mg Tangch, the subject of the Russian Federation, legislation.

Официальное наименование — один из элементов государственности субъекта Российской Федерации [1, с. 125–135]. С принятием Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия 1994 г. и внесением соответствующего изменения в ч. 1 ст. 65 Конституции РФ 1993 г. Указом Президента РФ от 10 февраля 1996 г. официальным наименованием республики стало «Республика Калмыкия» [2].

В советский период, до начала 1990-х гг., официальные наименования автономных республик в составе РСФСР включали указание на форму государственности — автономная республика. Наименования автономных республик включали также определения «советская» и «социалистическая», т. е. содержали указание на тип государственности [3, с. 53–59]. Официальное наименование Республики Калмыкия изменилось с принятием Декларации о государственном суверенитете Калмыцкой ССР 18 октября 1990 г., согласно которой Калмыцкая АССР, как и другие автономные республики в составе РСФСР, была преобразована в Калмыцкую Советскую Социалистическую Республику. 24 мая 1991 г. данное изменение было признано в Конституции РСФСР 1978 г. [4].

В процессе принятия Декларации о государственном суверенитете вносились предложения о наименовании республики. В частности, предлагались следующие варианты: «Калмыцкая Советская Республика», «Калмыцкая Народная Республика». Однако Верховный Совет республики не согласился с этими предложениями. Сохраняя в наименовании республики определения «советская» и «социалистическая», Верховный Совет исходил из того, что политическую основу Кал-

мыкии составляли Советы народных депутатов, а социально-экономические отношения в республике по своему характеру являлись социалистическими [5. Д. 2533. Л. 14].

Отказавшись от статуса автономной республики, Калмыцкая ССР, оставаясь субъектом РСФСР, стремилась, как и другие автономии, в новых политических условиях стать субъектом СССР (подробнее см. [6]). Как известно, отличие автономных республик (в большинстве своем входивших в состав РСФСР) от союзных заключалось в том, что они не являлись субъектами СССР и состояли в нем, находясь в составе союзных республик. Кроме того, союзная республика де-юре считалась суверенным государством и имела формальное право выхода из состава СССР. Автономии таким правом не обладали, и в советской государственной доктрине автономные республики характеризовались в качестве несuverенных государств. Накануне распада СССР были предприняты попытки заключения нового Союзного договора, в первых вариантах которого субъектами СССР наряду с союзными были обозначены и бывшие автономные республики в составе союзных республик. Таким образом, если бы СССР не распался и удалось бы построить новую федерацию, то она бы представляла собой «матрешку» из множества субъектов. Бывшие автономные республики не желали быть республиками как бы «второго сорта» и стремились повысить свой политический и экономический статус. Этим и объясняются соответствующие шаги по провозглашению суверенитета и переименованию республик [5. Д. 2 533. Л. 12–18].

В январе 1991 г. к словам «Калмыцкая ССР» было добавлено словосочетание на калмыцком

языке — «Хальмг Тангч», которое подразумевает под собой понятие «Калмыцкая республика» или же «Республика Калмыкия». Однако калмыцкое слово «тангч» в зависимости от контекста переводится как «область, страна, государство», но не «республика». В итоге было принято решение о двойном наименовании республики — «Калмыцкая ССР — Хальмг Тангч».

Впервые название «Хальмг Тангч» было зафиксировано в законопроекте «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Калмыцкой ССР», который был внесен на рассмотрение 5-й сессии Верховного Совета Калмыцкой ССР в январе 1991 г. При обсуждении проекта закона депутат А. И. Хмелевской обратил внимание на статью законопроекта, где приводилось двойное наименование республики — «Калмыцкая Советская Социалистическая Республика — Хальмг Тангч». А. И. Хмелевской указал, что в принятой Верховным Советом Декларации о государственном суверенитете Калмыцкой ССР название республики устанавливалось однозначно — «Калмыцкая Советская Социалистическая Республика». Если второе название — дань моде, заметил депутат, то нет необходимости в таком наименовании. С ним не согласился депутат А. Г. Балакаев, призвавший Верховный Совет проголосовать за предложенные редакции статей.

Председатель Комиссии Верховного Совета по вопросам законодательства и законности В. С. Сергеев представил разъяснения по выступлениям депутатов, в том числе относительно калмыцкого названия «Хальмг Тангч». По мнению В. С. Сергеева, между Декларацией о государственном суверенитете Калмыцкой ССР и предложенным законопроектом не было противоречий в части наименования республики. В Декларации калмыцкое название республики не упоминалось, но в ней же было оговорено, что Декларация является основой для разработки новой Конституции республики [7].

Дискуссия развернулась и по предложенной в проекте редакции статьи 64, в которой, как и в статье 1, не принятой при первом голосовании, Калмыцкая ССР имела калмыцкий вариант названия «Хальмг Тангч». Депутат А. Г. Балакаев предложил оставить оба названия республики и в связи с этим вернуться к повторному голосованию по статье 1. В результате предложение было поддержано и обе статьи приняты с уточнениями и поправками [8]. Таким образом, в Конституции Калмыцкой ССР 1978 г. (в ред. от 29 января 1991 г.) двойное наименование республики приводится только в двух статьях — 1 и 64. Эти статьи являлись, по сути, основными, поскольку в них была дана конституционно-правовая характеристика республики как «суверенного многонационального государства» и субъекта федера-

тивных отношений в составе РСФСР и Союза ССР (5. Д. 3 031. Л. 52–60). Отсутствие двойного наименования республики по всему тексту Конституции Калмыцкой ССР, за исключением статей 1 и 64, на наш взгляд, объясняется чисто техническими причинами, дабы не перегружать текст Основного Закона.

Так с января 1991 г. официальным наименованием республики стало «Калмыцкая ССР — Хальмг Тангч». Это подтверждают принятые в дальнейшем республиканские законы, в заглавии которых значилось данное наименование.

С распадом СССР в конце 1991 г. был вновь поднят вопрос о наименовании республики. В ходе обсуждения на страницах республиканской периодической печати высказывались различные мнения, вносились предложения. Так, к примеру, предлагалось отказаться от этнонима «калмыки» и вернуться к этнониму «ойраты». По мнению С. Минаева, название «Хальмг Тангч» не соответствовало национальному миропониманию ойратов. Согласно аргументации этого автора, еще издревле у ойратов и монголов понятие государства ассоциировалось с образом величественного дворца (*монг.* «ордонг»). Следовательно, слово «ордонг» в языковом контексте ойратского и монгольского миропонимания и означает «государство». В национальном эпосе «Джангар», например, образ дворца занимает одно из центральных мест и символизирует идею государственности, т. е. построить дворец означало создать государство. Поэтому логичнее было бы использовать это слово в названии республики. С. Минаев также предлагал отказаться от самоназвания «калмыки», поскольку «это название дали соседние народы и в некотором смысле оно является прозвищем». Он предложил принять для республики наименование «Ойрат Ордонг» — «как наиболее соответствующее ойратскому миропониманию» [9].

Г. Кукеев, напротив, полагал, что наименование республики «Хальмг Тангч» полнее отражает «непреходящие основы народа». Согласно его точке зрения, «подобно тому, как дают имя ребенку родители или родственники, название этноса закрепляется историей, которую творят все народы». «Если же мы хотим изменить свое этническое название, значит, нас не удовлетворяет история или же мы хотим родиться вновь. В истории, как и в природе, никто и ничто не рождается дважды или по-своему желанию. Калмыки как этнос в течение нескольких веков фигурируют на исторической арене Азии и Европы, такими их воспринимали и воспринимают сейчас другие нации. Возможно, именно это, — утверждал Г. Кукеев, — является высшим проявлением калмыцкого менталитета в глазах и умах других народов, а не в собственном представлении» [10].

Б. Эрендженов считал, что наименование республики не должно быть политизированным, нести на себе отпечаток какого-либо общественного строя. Он также признавал, что «название „калмык“ прочно вошло в нашу историю и языки других народов. Это факт почти четырех столетий» [11]. В то же время, по мнению Б. Эрендженова, необходимо было в новом названии республики непременно констатировать слово «ойрат», «дабы не забыть настоящее название этноса». Он предлагал следующие варианты — «Ойрат-Хальмг Тангч», «Ойрат-Калмыцкая Республика» [11].

Высказывались также мнения относительно словосочетания «Хальмг Тангч». Утверждалось, что двойное наименование республики является громоздким, а калмыцкое словосочетание «Хальмг Тангч» трудно выговорить и т. д. [12].

Вопрос о новом наименовании республики обсуждался на 13-й сессии Верховного Совета Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч в феврале 1992 г. Преобладали в основном две точки зрения. Согласно одной из них, которой, в частности, придерживались депутаты А. Г. Балакаев, П. М. Оконов, М. А. Эренценов и другие, в наименовании республики должно было присутствовать слово, производное от этнонима «ойраты». Например, депутат А. Г. Балакаев предложил наименование — «Республика Ойрат-Калмыкия — Хальмг Тангч». Были высказаны и другие, похожие, варианты. Это мотивировалось необходимостью восстановления исторических корней, подчеркивалось, что этноним «калмыки» появился гораздо позже. Другая часть депутатов придерживалась предложения постоянной Комиссии по вопросам работы Советов народных депутатов, развития управления, самоуправления и гласности о том, что исторически и научно более обоснованным является название «Республика Калмыкия».

Следует отметить, что дискуссия о наименовании республики в средствах массовой информации, на которую возлагались определенные надежды, не стала широкой и не выявила определенного мнения общественности по данному вопросу. В результате сложилась ситуация, когда Верховный Совет республики «в какой-то момент заколебался взять на себя полную ответственность за выбор» [13]. Однако предложения вынести данный вопрос на всенародное обсуждение или провести опрос также были отклонены.

В последний день работы сессии обсуждение вопроса продолжилось. Одним из решающих в обосновании окончательного варианта наименования республики явилось выступление доктора филологических наук П. Ц. Биткеева. Он, в частности, напомнил, что еще в начале XVII в. в русских письменных источниках калмыков называли «калмыками, калмаками». «Это свидетельство

того, — отмечал П. Ц. Биткеев, — что нынешнее наименование с тех времен закрепилось за теми ойратами, которые оказались в России на берегах Волги, образовали свою государственность в форме ханства. В 1771 г. государственность калмыков была практически ликвидирована, и фактически вновь калмыки обрели ее в 1920 г., при советской власти». Как утверждал П. Ц. Биткеев, на съезде калмыцкого народа в п. Чилгир в 1920 г. вопрос о названии автономии также обсуждался, говорилось о связях с монголами и ойратами, предлагалось включить в название производное от слова «ойрат». Но все-таки было принято решение называться «Калмыцкая автономная область». П. Ц. Биткеев отметил, что в то время тоже были по этому поводу свои соображения, глубоко аргументированные обоснования. В целом его выступление было патриотическим и эмоциональным. Он говорил, что название «калмык» — это «...символ выстраданного национального „я“, пронесенного через века самосознания, оно впитало в себя все взлеты и падения, радости и невзгоды, которые испытал народ», с этим именем калмыки участвовали в войнах России и, даже находясь в сибирской ссылке в годы сталинской депортации, не отрекались от него. П. Ц. Биткеев обратил внимание также на фактическую идентификацию калмыков. Он отмечал: «Спросите у кого угодно: кто он? И даже не зная о своей этнической принадлежности [имеется в виду субэтническая принадлежность — Е. Г.] — торгоут, дербет, он скажет: „калмык“. Ни один не ответит: „ойрат“». П. Ц. Биткеев считал, что республика должна называться — «Калмыкия», официально — «Республика Калмыкия» [14].

Завершению спора способствовало предложение депутата Г. М. Борликова голосовать поэтапно, отбирая в следующий тур предложения, набравшие наибольшее число голосов. В ходе обсуждения были названы следующие варианты: «Республика Калмыкия», «Ойрат-Калмыкия (Хальмг Тангч)», «Республика Ойрат-Калмыкия», «Хальмг Тангч (Калмыкия)», «Калмыцкая республика». 76 голосов было подано за первый из вариантов — «Республика Калмыкия» и 12 — за «Ойрат-Калмыкию (Хальмг Тангч)». При повторном голосовании соответственно — 74 и 17. Ни одно из названий не получило необходимых 2/3 голосов, поскольку изменение названия рассматривалось как изменение Конституции республики. И тогда были предложены новые варианты: «Калмыцкая Республика — Хальмг Тангч» и «Республика Калмыкия — Хальмг Тангч». Как отметил депутат В. М. Остапенко (о. Зосима), название «Республика Калмыкия — Хальмг Тангч» «будет отражать интересы всех народов, живущих в Калмыкии». Вариант «Республика Калмыкия — Хальмг Тангч» поддержали 88 депутатов.

Результаты голосования зал встретил аплодисментами [15].

С 20 февраля 1992 г. республика стала именоваться Республика Калмыкия — Хальмг Тангч. Было принято специальное Постановление Верховного Совета КССР — ХТ «Об изменении названия республики», в котором устанавливалось: Калмыцкую Советскую Социалистическую Республику впредь именовать Республика Калмыкия — Хальмг Тангч (п. 1). Специально оговаривалось, что в течение 1992 г. допускалось использование прежних наименований «Калмыцкая Советская Социалистическая Республика», «КССР» в официальном делопроизводстве (бланки, печати и штампы) [16]. 21 апреля 1992 г. новое наименование республики было включено в Конституцию РФ 1978 г. [17].

29 января 1993 г. был принят Закон РК — ХТ «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Калмыкия — Хальмг Тангч», согласно которому в связи с изменением наименования республики в тексте Конституции РК — ХТ 1978 г. слова «Калмыцкой Советской Социалистической Республики» и «Калмыцкой ССР» заменялись на слова «Республики Калмыкия — Хальмг Тангч» [18].

В марте–апреле 1994 г. во время обсуждения проекта нового Основного Закона республики — Степного Уложения в числе прочих вновь дискутировался вопрос о наименовании Республики Калмыкия. Дискуссия развернулась относительно калмыцкого варианта «Хальмг Тангч». Профессор Калмыцкого государственного университета Д. А. Павлов считал, что термин «тангч» не передает точно понятия «республика». В частности, он ссылаясь на словарь А. Позднеева, где слово «тангч» означает «народ, нация». Согласно утверждению Д. А. Павлова, в 1920 г. на I Общекалмыцком съезде Советов, где решался вопрос об образовании Калмыцкой автономной области, слово «область» было принято по-калмыцки называть «тангч». С преобразованием Калмыцкой автономной области в Калмыцкую АССР калмыцкий вариант названия республики звучал следующим образом: «Хальмг автономин республик». Считая, что термин «тангч» (область) по сравнению с термином «республика» обозначает низший тип административного деления, Д. А. Павлов предлагал называть республику на русском языке — Калмыцкая Республика, а на калмыцком — Хальмг Республик [19].

Народный писатель Калмыкии А. Г. Балакаев отмечал, что при принятии нового Основного Закона республики не менее важно сохранить собственное название калмыцкой государственности — «Хальмг Тангч». Он считал, что мнение, согласно которому слово «тангч» означает «народ», не совсем верно. А. Г. Балакаев утверждал,

что термином «Хальмг Тангч» калмыки пользовались в течение многих веков, и указывал на многозначность понятия слова «тангч» — народ, республика, страна, государство и т. д. В то же время он полагал возможным согласиться с тем, что название республики на русском языке будет звучать как Республика Калмыкия, а на калмыцком — Хальмг Тангч [20].

С принятием 5 апреля 1994 г. Степного Уложения из наименования республики было исключено калмыцкое название «Хальмг Тангч». К. Н. Максимов и Ю. В. Ванькаев объясняли это тем, что «...у ученых-филологов имеется неоднозначное толкование его точного перевода на русский язык. Поэтому было предложено применять его только при переводе русского текста на калмыцкий язык» [21, с. 44].

Субъект РФ обладает собственным официальным наименованием, которое включено в ч. 1 ст. 65 Конституции РФ. Согласно ч. 2 ст. 137 Конституции РФ, в случае изменения наименования республики, края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа новое наименование субъекта РФ подлежит включению в ст. 65 Конституции РФ. Данная норма нашла отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1995 г. № 15-П [21], где было установлено, что статьи 71 и 72 Конституции РФ не относят вопрос об изменении наименования республики, края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа ни к ведению РФ, ни к совместному ведению РФ и ее субъектов. Следовательно, заключил Конституционный Суд РФ, в силу ст. 73 Конституции РФ решение вопроса об изменении своего наименования относится к исключительному ведению субъектов РФ. Такое решение, принятое в порядке, установленном законодательством субъекта РФ, является правовым основанием для внесения нового наименования в ст. 65 Конституции РФ.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, в отличие от изменений ст. 65, которые связаны с принятием в РФ и образованием в ее составе нового субъекта, а также с изменением конституционно-правового статуса субъекта РФ и вносятся на основании федерального конституционного закона, для включения в Конституцию РФ лишь нового наименования субъекта РФ принятие федерального конституционного закона не требуется.

Не является необходимой в данном случае и процедура, предусмотренная ст. 136 Конституции РФ, которая в соответствии с толкованием, данным в Постановлении Конституционного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 12-П, завершается принятием специального правового акта о конституционной поправке, имеющего особый

статус и отличающегося как от федерального закона, так и от федерального конституционного закона. Как отмечается в комментарии к Постановлению Конституционного Суда РФ № 15–П, «при рассмотрении дела Конституционный Суд исходил из того, что конституционная поправка должна изменять регулирующее воздействие Конституции на общественные отношения. Другими словами, если изменение Конституции не влечет изменения ее текста по содержанию, такое изменение является всего лишь редакционной правкой Конституции и поэтому не может проводиться по процедуре, предусмотренной для принятия конституционных поправок» [23, с. 59].

Конституционный Суд установил и ограничения на переименование. Новое наименование субъекта РФ, по смыслу ч. 2 ст. 137 Конституции РФ подлежащее включению в ст. 65 Конституции РФ в упрощенном порядке, не может затрагивать основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, интересы других субъектов РФ, Российской Федерации в целом и интересы других государств, а также подразумевать изменение состава РФ или конституционно-правового статуса ее субъекта. В частности, оно не должно содержать указания на иную форму правления, чем предусмотренную Конституцией РФ, затрагивать ее государственную целостность, подразумевать или инициировать какие-либо территориальные претензии, противоречить светскому характеру государства и принципу отделения церкви от государства, ущемлять свободу совести, включать противоречащие Конституции РФ идеологические и иные общественно-политические оценки, игнорировать исторические и этнические традиции.

Обязанность включать своим указом новое наименование субъекта РФ в ст. 65 Конституции РФ Конституционный Суд РФ возложил на Президента РФ как главу государства и гаранта Конституции (ст. 80 Конституции РФ). Указом Президента РФ наименование субъекта РФ в тексте Конституции РФ приводится в соответствии с решением субъекта РФ. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, это не противоречит содержанию и смыслу Конституции РФ и не исключает возможности дополнительного урегулирования ч. 2 ст. 137 Конституции РФ федеральным законом.

Официальное наименование субъекта РФ включает две составные части: название организационно-правовой (историко-правовой) формы, которую субъект РФ имел до принятия Конституции РФ 1993 г., т. е. республика, край, область и т. д.; — индивидуальное (персонифицированное) название субъекта РФ, которое имеет национально-территориальную или же историко-географическую природу.

Официальное наименование субъекта не является указанием на организационно-правовую форму конкретного субъекта. Все «виды» субъектов (республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа) равноправны и имеют одинаковую, единую организационно-правовую форму — «субъект Российской Федерации». В то же время они не тождественны, поскольку каждый субъект РФ индивидуально определен — имеет персонифицированное название. В этой связи, как отмечается в литературе и подтверждается практикой (например, Федеральный конституционный закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» от 17 декабря 2001 г.), под изменением конституционно-правового статуса субъекта РФ, по сути, понимается изменение историко-правовой формы субъекта РФ, т. е. такое изменение расценивается как переход из одного «вида» в другой в рамках перечня, приведенного в ч. 1 ст. 5 и ч. 1 ст. 65 Конституции РФ. Из этого следует, что упрощенный порядок изменения наименования субъекта РФ касается только его индивидуальной (персонифицированной) формы (названия) [24, с. 82–85].

Необходимо отметить, что смена наименования субъекта РФ — вопрос не только сугубо правовой, но и в определенной степени политический. Субъекты РФ не имеют права самостоятельно осуществлять присвоение наименования либо переименование географического объекта, расположенного на территории Российской Федерации. В соответствии со ст. 71 Конституции РФ наименование географических объектов относится к исключительному ведению Российской Федерации. Порядок присвоения наименований географическим объектам, их переименование и нормализация, регистрация, учет и сохранение, единые требования, нормы и правила в области наименования установлены Федеральным законом от 18 декабря 1997 г. «О наименованиях географических объектов». В этой связи федеральный законодатель не случайно среди прочих отнес к географическим объектам республики, края, области, города федерального значения, автономную область, автономные округа (ст. 1) [25]. В 2008 г. в указанный федеральный закон были внесены изменения, согласно которым «присвоение наименований республикам, краям, областям, городам федерального значения, автономной области, автономным округам и их переименование осуществляются в соответствии с законодательством Российской Федерации» (п. 4 ст. 9). Прежде значилось: «переименование республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов, а также городов Российской Федера-

ции осуществляется федеральными законами по представлениям субъектов Российской Федерации» [26].

В этой связи О. С. Кулакова отмечает, что «теперь, когда наименования крупным населенным пунктам присваиваются в соответствии с законодательством РФ, а не согласно федеральным законам по представлениям субъектов Российской Федерации, значительно расширяется круг субъектов в данной сфере». Здесь имеется в виду круг субъектов права законодательной инициативы, которые могут вносить предложения о наименованиях. С другой стороны, как и прежде, уполномоченный орган субъекта РФ, принявший решение о присвоении нового наименования либо о переименовании республики, края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа, вносит на рассмотрение в Государственную думу Федерального Собрания РФ проект федерального закона о наименовании или переименовании данного географического объекта. Следующей стадией является принятие этого федерального закона в установленном законодательством РФ порядке. Таким образом, считает О. С. Кулакова, «можно сделать вывод, что окончательное решение о присвоении нового наименования либо о переименовании республик, краев, областей, городов, автономной области, автономных округов относится к исключительному ведению все-таки субъектов РФ» [27].

Как видим, субъектам РФ предоставлено право решать вопрос о своем наименовании, однако право окончательного утверждения нового наименования принадлежит федеральным органам государственной власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституционное право субъектов Российской Федерации / отв. ред. В. А. Кряжков. М.: Городец-издат. 2002. 864 с.
2. Указ Президента Российской Федерации «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» от 10 февраля 1996 г. № 173 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 7. Ст. 676.
3. Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд. М.: Юристъ. 2001. 776 с.
4. Декларация о государственном суверенитете Калмыцкой Советской Социалистической Республики от 18 октября 1990 г. // Советская Калмыкия. 1990. 23 октября; Закон РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» от 24 мая 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 22. Ст. 776.
5. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. Р-1. Оп. 4.
6. Гунаев Е. А. Государственно-правовой статус Калмыцкой ССР в 1990–1992 гг. // Монголоведение. Элиста, 2007. № 4. С. 194–205.
7. Шалхакова С., Вихоцкий Л. На обсуждении — Основной Закон // Советская Калмыкия. 1991. 30 января.
8. Яковлев В., Вихоцкий Л. О кадрах — вне очереди // Советская Калмыкия. 1991. 31 января.
9. Минаев С. Язык правит миром // Известия Калмыкии. 1991. 18 декабря.
10. Кукеев Г. Ничто не рождается дважды // Известия Калмыкии. 1992. 25 января.
11. Эрэндженов Б. Название республики не должно быть политизированным // Известия Калмыкии. 1992. 18 февраля.
12. Хальмг Тангч — это не по-русски // Известия Калмыкии. 1992. 22 января.
13. Яковлев В. Парламент показывает характер // Советская Калмыкия. 1992. 25 февраля.
14. Калмыки — название древнее // Советская Калмыкия. 1992. 27 февраля.
15. Куменова Н., Вихоцкий Л., Шалхакова С. У республики новое название // Известия Калмыкии. 1992. 25 февраля.
16. Постановление Верховного Совета Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «Об изменении названия республики» от 20 февраля 1992 г. // Известия Калмыкии. 1992. 27 февраля.
17. Закон РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» от 21 апреля 1992 г. № 2 708-I // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 20. Ст. 1 084.
18. Закон Республики Калмыкия — Хальмг Тангч «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Калмыкия — Хальмг Тангч» от 29 января 1993 г. // Известия Калмыкии. 1993. 11 февраля.
19. Павлов Д. А с терминами надо разобраться // Известия Калмыкии. 1994. 31 марта.
20. Балакаев А. Великое Степное Уложение // Известия Калмыкии. 1994. 2 апреля.
21. Максимов К. Н., Ванькаев Ю. К. Степное Уложение — важный шаг в развитии государственности Калмыкии // Выбор Калмыкии: сб. ст. Элиста: КИОН РАН, 1995. 266 с.
22. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «О толковании части 2 статьи 137 Конституции Российской Федерации» от 28 ноября 1995 г. № 15-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 49. Ст. 4 868.
23. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «О толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации» от 31 октября 1995 г. № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 45. Ст. 4 408; Комментарий к постановлениям Конституционного Суда РФ / отв. ред. Эбзеев Б. С.: в 2 тт. М.: Юристъ, 2001. Т. 1. Государственная власть и местное самоуправление. 589 с.
- Лебедев А. Н. Статус субъекта Российской Федерации (Основы концепции, конституционная модель, практика). М.: ИГП РАН, 1999. 197 с.; Федераль-

ный конституционный закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» от 17 декабря 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4 916.

24. Федеральный закон «О наименованиях географических объектов» от 18 декабря 1997 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 51. Ст. 5 718.

25. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О наименованиях географических объектов“» от 27 октября 2008 г. № 191-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 44. Ст. 4 997.

26. Кулакова О. С. Комментарий к Федеральному закону «О наименованиях географических объектов» от 18 декабря 1997 г. № 152-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

ББК 63.3 (2Рос=Калм)

ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА МОЗДОКСКИХ «КРЕЩЕННЫХ КАЛМЫКОВ»*

З. В. Канукова, Л. Б. Гацалова, Э. Б. Хубулова

В статье анализируется исторический опыт жизнеустройства этнической группы моздокских крещеных калмыков, история ее образования и развития в конце XVIII — начале XX в. Дано описание процесса их интеграции в новое социальное, экономическое, политико-правовое и культурное пространство при сохранении этнической самобытности и приверженности традициям.

Ключевые слова: калмыки Моздокского полка, терские калмыки, кумские калмыки.

The article is devoted to the analysis of the historical experience of living of an ethnic group of the Mozdok Kalmyks and the history of the formation and development in the end of the XVIIIth — beginning XXth century. The author gives a description of the process of their new social, economic, political, legal and cultural space with maintenance of ethnic identity and devotion to the traditions.

Keywords: Kalmyks of the Mozdok regiment, Tersky Kalmyks, Kumsky Kalmyks.

В кавказской политике Российской империи с целью оптимизации интеграционных процессов активно использовался метод расселения среди коренного населения иноэтнических и иноконфессиональных групп. В результате Северный Кавказ сформировался как полиэтнический регион, где активно взаимодействовали представители разных культур и цивилизаций.

Одной из первых этнических групп, поселенных в регионе, стала этническая группа крещеных моздокских (также называемых терскими) калмыков, из которой со временем выделились т. н. хуторские калмыки. История жизнеустройства этой группы позволяет определить особенности процесса освоения национальных окраин, дополняет представления о российской политике на Северном Кавказе и вариантах адаптационного процесса этнических меньшинств в инокультурном окружении.

Оказавшись на территории России, калмыки включились в сложный процесс хозяйственно-культурной и социально-политической адаптации. В середине XVII в., пройдя через степи Центрального Казахстана, они подошли к низовьям Яика и Волги и обосновались в степной зоне, соответствующей их традиционной системе жизнедеятельности.

Российская администрация была заинтересована в размещении калмыцких кочевий, создававших заградительный кордон от нападений с юга.

Поэтому калмыков наделяли государственными малозаселенными землями на юго-востоке и в степях Нижней Волги.

Укрепление государственности, усиление различных форм зависимости калмыков-простолудинов приводили к обострению социальных противоречий, породивших такую форму сопротивления подвластных людей, как бегство от своих владельцев. Калмыки, как и представители других народов региона, самовольно уходили от своих владельцев, откочевывали на Урал, на Дон, в низовья Волги, на Терек. Они примыкали к казачьим поселениям, а гарантом их безопасности и защиты от преследования нойонов стало принятие христианства.

В середине XVIII в. часть калмыков Яндыковского улуса Ах-Цатанова рода в результате внутренних противоречий и с целью освобождения от власти своего зайсанга откочевала от соплеменников и стала осваивать северо-западное побережье Каспийского моря, междуречье Терека и Кумы. Они сумели адаптироваться к новой среде обитания, примкнули к русским рыбным промыслам и занялись нетрадиционным для кочевников рыболовством. В 1764 г. калмыки этой группы, состоявшей из 200 семейств, изъявили желание принять христианскую веру, прошли обряд крещения, после чего и получили название крещеных калмыков.

3 марта 1777 г. генерал Григорий Александрович Потемкин предписал Астраханскому

* Исследование проведено в рамках Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез».

губернатору Ивану Варфоломеевичу Якобию переселить крещеных калмыков на вновь проложенную линию по реке Терек и причислить к Моздокскому казачьему полку. Эта акция рассматривалась Г. А. Потемкиным как важный шаг в процессе интеграции калмыков в российское социально-культурное и правовое пространство. Как видно из предписания, Г. А. Потемкин рассчитывал на то, чтобы «калмыки были русскими в станицах, могли познавать существо закона и забыть кочевую жизнь» [1, с. 35].

Распоряжение Г. А. Потемкина не было выполнено. Калмыки были причислены к Моздокскому казачьему полку, но не вошли в казачье сословие. Неопределенность статуса, не позволявшая калмыкам пользоваться льготами и преимуществами казаков, сохранялась долгое время. Терские казаки явно не форсировали процесс сближения как с кочевниками, так и с горцами, который был осложнен набегами и тех, и других на казачьи станицы.

Таким образом, группа крещеных калмыков была оторвана от основного этнического массива, но не примыкала и к русским поселениям. К тому же православное духовенство ограничило свою заботу о новой пастве обрядом крещения, оставив ее «без попечения и назидания в истинах христианской веры» [1, с. 35]. Неудивительно, что большая часть калмыков оставалась кочевниками и буддистами по вероисповеданию.

Неопределенность положения калмыков и некоторая двойственность политики России объясняются, очевидно, ее незаинтересованностью в переходе калмыков к оседлости, что ослабило бы оборону южных рубежей. Освобождение степной зоны могло провоцировать других кочевников к набегам.

Кроме того, колонизационное движение русских и украинских крестьян на Северный Кавказ, в низовья Волги ограничивало планы по наделению калмыков землей.

Период 1777–1833 гг. можно назвать «темным» в истории крещеных калмыков, поскольку в архивах сохранилось немного сведений об их жизни. В 1833 г. калмыки обратились с прошением к первому наказному атаману бывшего Кавказского линейного казачьего войска генерал-майору Петру Сергеевичу Верзилину, в котором указывалось на отсутствие земель для кочевий и выпаса скота, на необходимость аренды земли по высоким ценам. 1833 г. вошел в историю региона как особенно тяжелый, «голодный» год. Очевидно, поэтому калмыки вынуждены были напомнить о себе. В прошении указывалась их численность — 400 кибиток (семейств), всего 950 человек [1, с. 35]. Приводятся и другие сведения — 1 950 человек, а также 2 091 человек [2, с. 229].

П. С. Верзилин с пониманием отнесся к положению калмыков и обратился к командовавшему в то время войсками генерал-лейтенанту Ивану Александровичу Вельяминову с просьбой о наделении их землей между Маджарской и Гайдукской соляными заставами, в междуречье Кумы и Гайдука. Генерал И. А. Вельяминов сделал запрос в Комиссию о наделении землями поселенных на Кавказской линии казачьих полков о возможности удовлетворения просьбы калмыков.

Оказалось, что земли, которые просили крещеные калмыки, находились в пределах Астраханской губернии в числе прочих земель, пожалованных калмыцкому народу царской властью. Ни Комиссия, ни Кавказская казенная палата не могли распоряжаться этими участками. Выяснилось также, что по проекту генерального размежевания по Кавказской линии калмыкам была определена казенная пустопорожня земля в Пятигорском округе, между реками Тоузловой и Карамыком, где планировалось основание новых казенных селений. Кроме того, по инструкции, данной в руководстве Комиссии, было рекомендовано не выделять крещеным калмыкам земли при казачьих полках.

Генерал П. С. Верзилин, представляя 1 марта 1834 г. на усмотрение корпусному командиру эти обстоятельства, выразил мнение, что в целях успешной адаптации калмыков к новому образу жизни их следовало поселить дисперсно по разным станицам Моздокского полка, что позволило бы предотвратить их «привычные шалости», т. е. набеги на станицы. С последним предложением И. А. Вельяминов согласился.

Государь император поддержал эту идею, но предупредил, чтобы акция ни в коей мере не ущемила интересы ни казаков, ни калмыков, а также запросил подробный план проведения этого мероприятия с указанием конкретных мест и численности переселенцев. В ответ И. А. Вельяминов составил подробный рапорт, в котором расписал детали предполагаемого переселения группы калмыков. Выяснив, что Моздокский казачий полк не имеет достаточного количества земли, он предложил поселить калмыков при Кавказском, Кубанском и Ставропольском полках, имевших более плодородные и многочисленные земли [1, с. 38]. Генерал планировал также построить для калмыков недорогие дома из сырого кирпича, по одному на каждое семейство, возложив эту функцию на командиров полков. Для вознаграждения казаков за содействие в строительстве предлагалось выделить по 200 рублей за каждое переселенное семейство. По расчетам генерала И. А. Вельяминова, переселение калмыков можно было завершить к зиме 1838 г.

Планы И. А. Вельяминова были одобрены, однако, несмотря на это, калмыки оставались в

неопределенном положении. Очевидно, это было связано с усилением миграционного потока из внутренних губерний России и Украины. Начальник штаба войск Кавказской линии генерал-майор Павел Иванович Петров сообщил о том, что определить места для поселения калмыков не представляется возможным, пока не завершится процесс их переселения в кавказские полки.

Иосиф Бентковский писал, что причина была надуманной, подавляющая часть переселенцев к этому времени уже обосновалась в специально отведенных для них местах [1, с. 38]. Однако колонизационное движение, действительно, ущемляло хозяйственные интересы калмыцких кочевий [3, с. 124].

К этому времени численность Моздокского полка составляла всего 6 867 человек, из них крещеных калмыков — 1 029 человек. Было решено подселить к Моздокскому полку еще 35 семейств калмыков (183 человека), из них в станицы Наурскую, Ищерскую и Галногаевскую по 10 семейств, и в Стодереvскую — 5 семейств. Кроме того, предписывалось поселить калмыков в Волжский, Хоперский, Горский, Ставропольский, Кубанский и Кавказский полки [1, с. 38].

В октябре 1837 г. император посетил Кавказ, после чего последовали кадровые перемены. Вместо генерала И. А. Вельяминова был назначен генерал-лейтенант Павел Христофорович Граббе. Новое руководство выработало по переселению калмыков следующее соглашение:

«1) На первый случай разделить калмыков по полкам и станицам, как сказано выше; предоставить, впрочем, полковым командирам свободу делать изменение по ближайшему усмотрению в размещении их по станицам, как укажет необходимость.

2) Весною 1839 г. калмыки, назначенные по сему разделению в полки, могут быть приняты полковыми командирами по спискам, чрез посланных офицеров, на сборном месте в Моздокском полку и под прикрытием нарочитых команд доставлены в полки, где последует уже разделение их по станицам.

3) По прибытии к полкам и разделении по станицам оставить калмыка на обычное житье в кибитках и приучать их к оседлой жизни постепенно, отнюдь не делая принуждения, дабы отворотить побег и смертность, ибо для калмыков, не знакомых с оседлою жизнью, дом на первых порах будет тяжелее тюремного заключения. Но тем, которые пожелали бы теперь же принять постоянное водворение, позволять, сделав им пособие от станиц при постройке домов, с платою от казны по 200 руб. за каждый.

4) В первый год по переселении калмыков не употреблять ни в какую службу, а допустить только, если бы кто из них пожелал, назначение для

пастбы станичных табунов и рогатого скота на добровольном с ними условии; во второй же год можно будет употребить их по возможности для несения некоторых станичных повинностей, а по прошествии трех лет ознакомившихся лучше с русским языком и достаточнейших по состоянию записать и в служащие казаки.

5) При самом начале по переселении полковые командиры обязаны употреблять калмыков сколько можно совокупнее с казаками, дабы они приучились к русскому языку, которого не знают, и таким образом приближать к оседлой жизни и к понятиям о христианской вере» [1, с. 42].

Казалось бы, выработан определенный, детально продуманный вектор в политике российского правительства, направленной на постепенную адаптацию к новым условиям и не лишенной заботы о подданных. Было учтено все, кроме мнения самих калмыков и казаков.

В сентябре 1838 г. калмыки направили в Ставрополь делегацию из 14 человек, которые просили оставить их в обжитых местах, мотивируя просьбу тем, что переход от кочевой жизни к оседлой, перемена климата и употребление пресной воды угрожают здоровью людей и приведут к гибели скота. Калмыки напоминали, что со времени причисления к Моздокскому полку они ежегодно вносили в полковую сумму вместо всех повинностей деньги со своего скотоводства: с рогатого скота по 15 коп., с лошади — по 25 коп., с барана — по 5 коп., с верблюда — по 35 коп. Кроме того, они держали караул из 50 человек при маджарской соляной заставе [1, с. 42].

Характер переписки позволяет предположить, что высокое начальство не было осведомлено о вкладе калмыков в хозяйственное развитие полка и с удовлетворением восприняло эту информацию.

Войсковое руководство в свою очередь не желало уступать своих земель. Полковые командиры подтверждали, что сбор денег, действительно, производился с 1822 г. по распоряжению бывшего командира полка полковника П. Х. Петрова на том основании, что калмыки, хотя и были причислены к полку, но не несли службы наравне с казаками. Вместе с тем казачьи командиры пытались нивелировать роль калмыков и утверждали, что только в случаях крайней необходимости их привлекали для конвоирования и заготовки сена.

Учитывая изложенные обстоятельства, император решил предполагаемых к расселению по станицам Кавказского линейного казачьего войска калмыков (952 человека) оставить при Моздокском казачьем полку с условием, чтобы они продолжали нести караул в Маджарской и Гайдуконской соляных заставах, вносить ежегодно вместо повинностей в полковую сумму за выпас скота и помогать казакам.

Князь Михаил Семенович Воронцов предлагал причислить крещеных калмыков к Ставропольской губернии, за исключением особой, отделившейся от остальных группы, — «хуторские калмыки». Эту группу он предлагал оставить при Моздокском полку, считая, что в перспективе они могут примкнуть к казачьей службе, будут отдавать своих детей на воспитание в полковую школу, приобщаться к христианской приходской жизни.

Были и другие соображения. Граф Павел Дмитриевич Киселев высказывался против отчисления калмыков из Моздокского полка и считал невозможным принять их в ведение министерства государственных имуществ. Генерал Николай Андреевич Ред, временно исполнявший обязанности наместника, предполагал поселить их на Горькобалковских участках в Ставропольской губернии.

В результате было принято окончательное решение ввести крещеных калмыков, кочующих между реками Кумой и Гайдуком, в состав Ставропольской губернии, а группу «хуторских крещеных калмыков» причислить к Моздокскому полку, т. е. было принято предложение князя М. С. Воронцова.

В XIX и начале XX вв. хуторские калмыки продолжали кочевать вблизи станиц и хуторов Моздокского полка [4, с. 1], часто оседали в станице Наурской. По материалам первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Терской области числилось 3 595 калмыков [5, с. 67].

Крещеные калмыки не приобщились к христианской приходской жизни, оставались приверженцами традиционных религиозных верований, в конце XIX в. содержали хурулы — буддийские монастыри. Миссионерская деятельность православных священников в условиях полукочевого образа жизни не имела успеха.

По мнению соседних народов, хуторские калмыки считались «людьми трудолюбивыми, честными и по своей нравственности стоящими далеко выше астраханских калмыков; в чрезвычайно редких случаях попадают в воровства и еще реже — в грабежах» [1, с. 42].

Кроме того, отмечается их адаптация к новой экономической среде, занятия нетрадиционными видами хозяйственной деятельности — рыболовством, ежегодной добычей соли на маджарских и гайдуцких соляных озерах, а также торговлей овцами на ярмарке в станице Наурская. Наблюдались заметные перемены в материальной культуре этой группы: наряду с кибитками появились землянки — наземные саманные дома; стали использоваться телеги, фабричные ткани для изготовления одежды, новые виды посуды и т. п.

Проблема административно-территориального обустройства моздокских калмыков обсуждалась с разной степенью интенсивности вплоть до Октябрьской революции, но конкретных мер не предпринималось [6, с. 36].

За это время у моздокских калмыков сложилась своя система жизнеустройства, вполне адаптированная к социально-экономическому состоянию принимающего общества. Несмотря на статусную неопределенность, они имели свою нишу в жизнедеятельности Моздокского полка: вооруженный караул для охраны соляных озер, конвоирование почтового и пассажирского транспорта, заготовка сена лошадям артиллерийских частей, взносы в полковые суммы от общего количества скота, которые использовались на ремонт парка, содержание полкового лазарета и другие нужды [1, с. 38].

В ходе успешной адаптации и установления взаимодействия с иноэтническим окружением группа хуторских калмыков сохраняла этнокультурную самобытность и самосознание, что позволило ей войти в структуру Терской области в качестве самостоятельного сообщества.

В настоящее время калмыки также входят в этнический состав республик Северного Кавказа. В Чеченской Республике проживает 148 калмыков, в Дагестане — 105, в Ингушетии — 98, в Осетии — 88; они проживают также в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии [7].

В рамках Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» выполняется проект «Модернизационные, демографические и миграционные процессы на Северном Кавказе: исторический опыт и современное состояние», в ходе которого среди калмыков, живущих в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, был проведен опрос. Большая часть опрошенных подтвердила наши предположения о том, что они являются потомками моздокских крещеных калмыков и связывают свое прошлое со станицей Наурская [8].

Сравнительный анализ статистических данных за 1989 и 2002 гг. в обеих республиках показывает стабильность численного состава калмыков [9, с. 7], среди них не наблюдается тенденций к оттоку, в отличие от некоторых других диаспорных и этнических групп Северного Кавказа.

Таким образом, исторический опыт жизнеустройства этнической группы моздокских крещеных калмыков демонстрирует интересный вариант их интеграции в новое социальное, экономическое, политико-правовое и культурное пространство при сохранении этнической самобытности и приверженности традициям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бентковский И. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Моздокские так называемые крещеные калмыки // Ставропольские губернские ведомости, 1880. № 35. С. 1–2; № 38. С. 1–2; № 42. С. 1–2.

2. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 477 с.
3. Губанов Г. Очерк жизни калмыков на Тереке // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 123–154.
4. Сурувицкий. Крещенные калмыки в Терской области // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. I. Ставрополь, 1911. С. 1–5.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 году. Терская область. Тифлис, 1905. Т. 68.
6. Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVIII–XIX вв.): автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону: РГУ, 1994. 43 с.
7. Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=6> (дата обращения: 01.09.2009).
8. Полевые материалы авторов, 2009 год.
9. Национальный состав населения Северо-Осетинской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Владикавказ, 1991.

ББК 63.3 (2Рос.Яку)

ЯКУТИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НАРОДА САХА

В. И. Федоров

Статья освещает события, происходившие в Якутии в начале XX в., в период становления национально-демократического движения народа саха. Это движение придало динамизм развитию социально-экономических и общественно-политических процессов, способствовавших пробуждению национального самосознания народа.

Ключевые слова: *Якутия, саха, национально-демократическое движение.*

The article deals with events in Yakutia in the beginning the XXth century during formation of the national democratic movement of the Sakha people. This movement has given the dynamism to the development of the socioeconomic and sociopolitical processes promoted the awakening of national consciousness of the people.

Keywords: *Yakutia, Sakha, the national-democratic movement, the XXth century.*

Многие нерусские народы, находясь в составе Российской империи, не имели своих национально-государственных образований. Их история вливалась в единый поток всероссийского исторического пространства. Однако, занимая немалую территорию компактного проживания, эти народы сохранили традиционный уклад жизни, культуру, язык, исторические и этнонациональные особенности и ценности. Все это в полной мере относится к народу саха и другим народам, населявшим Якутский край.

События начала XX в., значимого исторического периода в судьбах народов Якутии, придали динамизм развитию социально-экономических и, особенно, общественно-политических процессов, способствовали пробуждению общественно-го и национального самосознания народов.

Именно в этот период завершился начальный этап формирования первого поколения национальной интеллигенции, ставшей генератором национальных идей и двигателем общественно-политического прогресса.

Якутский край был местом проживания политических ссыльных, которые сыграли большую роль в пробуждении национального самосознания народов Севера. На одном из сходов наслега якуты решили обратиться к «царю-батюшке» с просьбой увеличить число ссылаемых государственных преступников, т.к. они оказывают неоценимую помощь в просвещении народа.

В начале XX в. в развитии образования в Якутии, особенно светского, отмечается заметный динамизм. Сеть начальных училищ Министерства просвещения в области по сравнению с 1900 г. увеличилась в 4,6 раза (до 74). Все это создало хорошую почву для повышения самосознания народа саха, его лучшие представители дополнили ряды борцов за лучшую долю своего народа.

По отношению к народам Ленского края царским правительством проводилась колониальная политика. Их условно называли инородцами. Они являлись поставщиками пушнины, мамонтовой кости; продукции скотоводства — мяса, масла, кожи; рыбного промысла — соленой рыбы. Инородцы ограничивались определенным расстоянием в своем продвижении по территории региона, платили характерный только для них налог — ясак, поступающий в кабинет Его Величества и расходующийся только по соответствующему повелению. Обучение детей в школах и делопроизводство в учреждениях проводилось на русском языке. Инородцы не допускались к работе в государственных учреждениях, область не имела права избирать своего представителя в Государственную думу, а также была лишена права на земское самоуправление.

Существенный толчок развитию национально-демократического движения народа саха дала Первая русская революция 1905–1907 гг. Консолидирующей и организующей силой дви-

жения стало Якутское сельскохозяйственное общество (ЯСХО) во главе с его председателем В. В. Никифоровым, признанным лидером национальной интеллигенции. Под его руководством деятельность ЯСХО с началом революции приобрела общественно-политическую направленность. Она была связана с поддержкой ЯСХО постановления Московского сельскохозяйственного общества от 14 января 1905 г., осудившего Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. и признавшего необходимым созыв Учредительного собрания на основе всеобщего равного прямого и тайного избирательного права граждан [1]. Выражением солидарности этому постановлению Московского СХО явилась первая организованная акция, направленная на осуждение царского произвола со стороны столь авторитетного и легитимного объединения, каким являлось ЯСХО.

Следующим этапом деятельности ЯСХО была его активная борьба за введение земского самоуправления в Якутии. В Сибири на основе Указа Николая II от 12 декабря 1904 г. о введении земских учреждений развернулась деятельная подготовка положения о земском самоуправлении. Совет ЯСХО к лету 1905 г. успел подготовить «Проект основных начал о земских учреждениях в Якутской области» и представил его губернатору. Поскольку проект был разработан не на основе положения о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г., губернатор его отверг. Тогда совет ЯСХО под руководством В. В. Никифорова подготовил доклад «Задачи земства в Якутской области», обнаруженный автором статьи в 1998 г. в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)) [2].

В этом документе В. В. Никифоров и руководимый им Совет ЯСХО выдвинули идею обновления и модернизации Якутского края по всем социально-экономическим направлениям: от совершенствования и развития традиционных форм хозяйствования до разработки и использования минерально-сырьевых ресурсов края. Признавалось, что, в первую очередь, необходима организация железопрокатного дела и выплавки стали вкупе с природоохранными мероприятиями. Предусматривались также реформирование народного образования и медицинского обслуживания, «полнейшее прекращение ссылки» и т. д.

Условием успешного решения этих важных для жизни коренного населения края задач авторы доклада считали введение в области земских учреждений. Они рассматривали земство как панацею для решения всех проблем бедствующего, многострадального народа. Как идея, как философия поиска путей самобытного развития народа саха предложения, содержащиеся в докладе, были не только оригинальны, но и являлись отражением уровня общественно-политической и экономиче-

ской мысли начала XX в. Обсуждение и рассмотрение доклада властями были запрещены, но в 1906 г. авторы успели его опубликовать в Иркутске.

Областное управление и общественность области не могли найти общего мнения по поводу составления единого проекта положения земских учреждений в Ленском крае. В Иркутск были направлены три варианта проекта, которые были оставлены без последствий ввиду, как выразились власти, «неутихающих революционных событий». Этот довод получил одобрение в Министерстве внутренних дел Российской империи [3].

В проекте ЯСХО особо подчеркивались три момента: во-первых, земля в области должна принадлежать местным жителям; во-вторых, в пределах области вводится полное земское самоуправление; в-третьих, законность или незаконность действий земства определяет только независимый суд. В. В. Никифоров и его единомышленники выступали в этом вопросе как сторонники сибирского областничества, требовавшего автономии Сибири.

Проект областного управления предусматривал деление инородцев на два разряда — «оседлых» и «бродячих» (упускались из виду инородцы-кочевники), а также введение института крестьянских начальников и сельского волостного управления для якутов [4]. Эта была попытка организации управления коренным населением Якутии по образцу центральных губерний России и полного подчинения его внутренней жизни областной администрации. Она неоднократно повторялась и в последующем.

Таким образом, борьба за введение земского самоуправления в Якутии являлась центральным направлением национально-демократического движения народа саха со дня его организованного выступления в начале XX в.

Потерпев первую неудачу, В. В. Никифоров вступил в открытую оппозицию к существующему режиму и выбрал путь организованной борьбы за осуществление своих идей посредством создания политической организации, призванной возглавить национально-демократическое движение народа саха. В начале января 1906 г. он и его единомышленники создали первую политическую организацию «Союз якутов» со своим уставом и программой действий. В. В. Никифоров при создании этого Союза прямо заявил о связи этой акции с недавними революционными событиями и подчеркнул, что нужно «поддержать освободительное движение в центре созданием союза инородцев-якутов» [5]. В состав ЦК Союза вошли лучшие представители национальной интеллигенции: П. А. Афанасьев, И. Г. Васильев, И. С. Говоров, В. Н. Ксенофонтов, В. В. Никифоров, И. И. Аммосов, П. В. Слепцов, Н. Н. Скрыбыкин, И. А. Попов, кандидатом в члены ЦК был избран В. Ф. Артамонов [6]. Устав «Союза якутов» опре-

делил его основную цель — прочное установление гражданских и экономических прав коренного населения края. Для достижения этой цели Союз поставил себе следующие задачи: добиться признания всех земель, находящихся в пользовании инородцев, а также владеемых казной в виде оброчных статей, монастырями, церквями и ссыльными поселенцами по распоряжениям правительства, собственностью самих инородцев; скорейшего утверждения положения о земском самоуправлении, выработанного всеми представителями инородцев области; предоставления якутам права иметь своего отдельного представителя в Государственной думе; немедленной ликвидации опеки полиции над инородческими общественными учреждениями и прекращения всякого сношения администрации с ними.

Союз в своем уставе определил способы, с помощью которых предполагалось достигнуть удовлетворения поставленных целей: а) предъявление выдвинутых требований местной и центральной администрации; б) отказ от всякого сношения с чинами полиции; в) отказ от платежа податей и повинностей. Свои требования и условия их выполнения Союз телеграммой отправил председателю Совета министров России С. Ю. Витте [7, с. 164].

Союз просуществовал только 13 дней. По указанию МВД Российской империи его члены были арестованы и осуждены. В историографии советского периода «Союз якутов» оценивался как организация либеральных, обуржуазившихся тойонов и представителей нарождающейся буржуазии, стремившихся своими требованиями упрочить свое политическое и экономическое господство в Якутии. Такая оценка являлась данью политизированной трактовке исторических процессов и отдельных событий и не соответствовала действительности. «Союз якутов» выступал в рамках национально-демократического движения народа саха за свое достойное место в геополитическом пространстве России.

После поражения Первой русской революции национально-демократическое движение на периферии России, в том числе в Якутии, ослабло. Но в связи с подготовкой к юбилею 300-летнего царствования Дома Романовых нашелся удобный повод для проведения съезда якутов в конце августа 1912 г. На съезде делегаты, наряду с избранием депутации на празднование в честь знаменательной даты (21 февраля 1913 г.), провели широкий обмен мнениями по насущным вопросам перспектив развития народа саха и дали наказ избранной депутации поставить наиболее важные вопросы перед центральной властью.

Избранная депутация съезда в составе ее секретаря В. В. Никифорова, врача П. Н. Сокольникова, мирового судьи Олекминского окру-

га А. Е. Капитонова, головы Мегинского улуса Д. И. Слепцова, приняв участие в праздновании юбилея Дома Романовых, работала в течение месяца по выполнению наказа съезда, обобщенного в 14 вопросов, поставленных перед министерствами и ведомствами [8].

В Министерстве внутренних дел России были поставлены следующие вопросы: о восстановлении права на избрание одного депутата в Государственную думу от Якутской области; о введении земского самоуправления; об отмене ссылки в Якутскую область; о причислении якутов Олекминского округа из оседлых в кочевые; о создании местной цензуры для ускорения вопроса издания литературы на якутском языке. Главноуправляющему землеустройством и земледелием был адресован земельный вопрос, Министерству финансов — о ссудных кассах и учреждении мелкого кредита и сложении недоимок прошлых лет, Министерству путей сообщения — о строительстве железной дороги Тулун — Усть-Кут и т. д.

Поставленные вопросы являлись продолжением требований Совета ЯСХО и «Союза якутов». Почти все они, кроме сложения недоимок, остались без ответа. У власть имущих не было ни желания, ни средств решать эти проблемы. Но, тем не менее, «поднимаемые в ходатайствах проблемы являли собой продукт новой эпохи, проявление новой общественной потребности, выразителем которой была и национальная интеллигенция» [9, с. 87].

Рост национально-демократического движения «инородцев» был замедлен с началом Первой мировой войны. Представители национальной интеллигенции В. В. Никифоров, Г. В. Ксенофонтов, И. С. Говоров и др. активно подключились к мероприятиям по оказанию помощи фронту и семьям мобилизованных в действующие армии якутян, сбора средств и теплой одежды. Для этого был создан специальный инородческий комитет во главе с В. В. Никифоровым при якутском отделении Всероссийского Красного Креста, развернувший большую работу.

Якуты и аборигенное население Севера освобождались от несения воинской повинности, что объективно положительно повлияло на сохранение численности населения и относительной стабильности хозяйства. Вместе с тем большой неожиданностью для инородческого населения стало царское «повеление» от 25 июня 1915 г. о призыве на работу по устройству оборонительных сооружений в районе действующей армии [10]. Национальная интеллигенция не высказалась против реквизиции, ограничилась обсуждением ряда организационных вопросов на собрании инородческого комитета. Но мобилизация якутов на тыловые работы не состоялась. Она была отменена правительством по ходатайству руководства «Лен-

золота», которое высказало опасения, что с призывом якутов, являвшихся главными поставщиками сельхозпродукции и лесных материалов на прииски, могло произойти сокращение добычи золота. Эти доводы возымели действие на правительство и достигли своей цели [11].

Передовая часть якутской интеллигенции, будучи носителем идей национального возрождения, всегда считала одной из первоочередных задачу народного просвещения. Просветитель, поэт, философ А. Е. Кулаковский написал в 1912 г. письмо «Якутской интеллигенции». Поэт ставит в нем общечеловеческие, социологические, философские вопросы о судьбах народов мира и высказывает свои соображения относительно спасения народа саха от вымирания. Это спасение автор видит в повышении культуры народа в широком смысле слова.

Главным в данном процессе национальная интеллигенция видела народное просвещение, обучение детей на родном языке. Грамотность населения на рубеже XIX–XX вв. оставалась крайне низкой. По данным переписи 1897 г., грамотные в области составляли 4,11 %, в том числе в округах (без городов) — 3,23 %. Следует отметить, что в начале XX в. темп развития школ Министерства просвещения ускорился: к 1917 г. число учащихся во всех школах увеличилось до 4 660 [12, с. 245]. Однако это не могло удовлетворить растущую потребность в образовании населения. Материальная база школ была убогой, насыщенность округов школами — крайне низкой, к тому же неравномерной. Обучение детей на родном языке проводилось лишь в порядке эксперимента. Передовые представители национальной интеллигенции постоянно поднимали эти вопросы, однако заметных результатов не достигли.

Деятели национально-демократического движения также всегда были озабочены состоянием медицинской помощи населению края. В начале XX в. в этом деле наметился некоторый прогресс: создавались участковые больницы и медицинские пункты, увеличилось число врачей и фельдшеров. Но с началом Первой мировой войны количество медицинских учреждений и число медработников резко сократилось. К 1911 г. число врачебных участков было увеличено до 12 (вместо 7 в 1903 г.), а к 1917 г. осталось только 6 больниц и 21 фельдшерский пункт. В области не прекращались эпидемии, имели массовое распространение опасные социальные болезни — туберкулез, трахома и сифилис.

Проблемы правового порядка, вопросы образования, медицинской помощи и другие остава-

лись не решенными до Февральской революции, которая открыла широкие возможности для реализации демократических преобразований — предмет мечты и борьбы якутской национальной интеллигенции, но это отдельный вопрос, выходящий за рамки темы нашей статьи.

В заключение надо отметить, что все перечисленные выше вопросы, касающиеся национальных интересов якутов, ставились и рассматривались в рамках существующего режима власти, без требований его деформации, тем более разрушения. Представители национальной интеллигенции ни разу и нигде не высказывались за отделение от России. Они всегда считали Якутию неотъемлемой частью России, вне пределов которой не представляли жизнь якутов. Вот почему национальное движение якутов по своему характеру было национально-демократическим, либеральным движением за возрождение родного народа, за приобщение его к достижениям общечеловеческой цивилизации. Бытующее до сего времени представление об этом движении как о национально-освободительном, по мнению автора, не соответствует действительности, так как такое движение предполагает борьбу, выходящую за рамки правового поля существующего режима с целью освободиться от него насильственным путем или выхода из него. Такую задачу народ саха и его лидеры никогда не ставили.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный Архив Республики Саха (Якутия) (далее — НА РС (Я)). Ф. 429. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.
2. НА РС (Я). Ф. 22. Оп. 1. Д. 279. Л. 3–19.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 194. Д. 115. Л. 23.
4. Яковлев Э. М. В. В. Никифоров и вопросы введения земства в Якутии // В. В. Никифоров — Ключом к человеку — человек и личность. Якутск, 1997. С. 27–28.
5. Цитата по кн: Малькова А. Василий Никифоров. События, судьбы, воспоминания. Якутск: Бичик, 1994. С. 147.
6. НА РС (Я). Ф. 15. Оп. 18. Д. 280. Л. 8.
7. Документы о революционных событиях 1905–1907 гг. в Якутии. Якутск, 1957.
8. НА РС (Я). Ф. 12. Оп. 6. Д. 603 (Записки депутации собраны в одном деле).
9. Иванов В. Н. Пересечение исторических судеб: Народы и люди. Якутск: ИЯЛИ АН РС (Я), 1995. 169 с.
10. НА РС (Я). Ф. 288. Оп. 1. Д. 628. Л. 1.
11. Якутские вопросы. 1916. 24 июля.
12. Федоров В. И. Якутия в эпоху войн и революций. М.: Academia, 2002. 326 с.

ББК 74.200.50

**ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ
КАК ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА****А. И. Тетуев*

Автор рассматривает вопросы патриотического воспитания молодежи как основы консолидации общества. В статье дан анализ деятельности органов власти, общественных организаций, ветеранов в воспитании патриотизма.

Ключевые слова: *молодежь, патриотизм, консолидация, духовность, нравственность, мир, согласие.*

The author considers issues of patriotic education as basis of society consolidation. The author gives the analysis of activity of organ of power, public organizations, etc.

Keywords: *youth, patriotism, consolidation, spirituality, morality, peace, agreement.*

События последнего времени подтвердили, что экономическая дезинтеграция, социальная дифференциация общества, девальвация духовных ценностей оказали негативное влияние на общественное сознание большинства социальных и возрастных групп населения страны, резко снизили воспитательное воздействие российской культуры, искусства и образования как важнейших факторов формирования патриотизма. Стала все более заметной постепенная утрата нашим обществом традиционно российского патриотического сознания. Объективные и субъективные процессы существенно обострили национальный вопрос. Патриотизм на некоторых территориях стал перерождаться в национализм. Во многом утрачено истинное значение и понимание интернационализма. В общественном сознании получили широкое распространение равнодушие, эгоизм, индивидуализм, цинизм, немотивированная агрессивность, неуважительное отношение к государству и социальным институтам. Проявляется устойчивая тенденция падения престижа военной и государственной службы. В этих условиях очевидна неотложность решения на государственном уровне острейших проблем системы воспитания патриотизма как основы консолидации общества и укрепления государства.

Поэтому проблемы патриотического воспитания молодежи актуальны и имеют не только научное, но и практическое значение.

Чтобы объединить усилия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, скоординировать и направить их работу на все социальные и возрастные группы, семью как главную ячейку общества, нужна единая государственная политика в области патриотического воспитания граждан России и соответствующая этой политике государственная система патриотического

воспитания граждан, способная консолидировать и координировать эту многоплановую работу.

Эта система должна включать в себя деятельность соответствующих государственных структур, нормативную правовую базу воспитательной деятельности на всех уровнях, начиная с первичного коллектива и заканчивая высшими органами государственной власти, а также комплекс мероприятий по формированию патриотических чувств и сознания граждан Российской Федерации.

Героические события отечественной истории, выдающиеся достижения страны в области политики, экономики, науки, культуры и спорта еще сохранили качества нравственных идеалов. Это создает реальные предпосылки для разработки комплекса мероприятий по патриотическому воспитанию граждан с учетом сложившихся к настоящему времени тенденций, связанных с консолидацией общества и подъемом патриотизма, переносом основных усилий по патриотическому воспитанию в регионы, общественность которых демонстрирует негативное отношение к сепаратизму и указывает на необходимость более активного участия центра в проводимых на местах мероприятиях патриотической направленности.

Система патриотического воспитания предусматривает формирование и развитие социально значимых ценностей, гражданственности и патриотизма в процессе воспитания и обучения в образовательных учреждениях всех типов и видов; массовую патриотическую работу, организуемую и осуществляемую государственными структурами, общественными движениями и организациями; деятельность средств массовой информации, научных и других организаций, творческих союзов, направленную на рассмотрение и освещение проблем патриотического воспитания, на формирование и развитие личности гражданина и защитника Отечества.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РАН в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез», подпрограммы 12 «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» по проекту «Этнополитические процессы на Северном Кавказе».

Основным институтом, обеспечивающим организацию и функционирование всей системы патриотического воспитания, является государство. Создание такой системы предполагает консолидацию деятельности органов государственной власти всех уровней, научных и образовательных учреждений, ветеранских, молодежных, других общественных и религиозных организаций, творческих союзов по решению широкого комплекса проблем патриотического воспитания на основе программных методов и единой государственной политики в соответствии с Концепцией национальной безопасности Российской Федерации.

Основные задачи патриотического воспитания в нашей стране в последние годы решались в ходе реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» [1].

На основе этой программы в субъектах Российской Федерации были разработаны соответствующие долгосрочные программы с учетом региональных особенностей, что в совокупности явилось правовой и нормативной базой для развертывания и системной организации патриотического воспитания граждан России. Постановлением Парламента Кабардино-Балкарской Республики от 29 марта 2002 г. была утверждена Республиканская программа «Патриотическое воспитание граждан Кабардино-Балкарской Республики на 2002–2006 годы» [2]. Координацию патриотического воспитания молодежи осуществляют Министерство образования и науки КБР и Госкомитет КБР по физической культуре и спорту.

В ходе реализации программы был подготовлен и принят ряд нормативных актов. В этот период Министерством образования и науки КБР и Госкомитетом КБР по физической культуре и спорту было подготовлено более 20 положений о проведении военно-спортивных игр, смотров-конкурсов, слетов, спартакиад республиканского уровня и школьных музеев [3].

В сфере нормативно-правового обеспечения государственной молодежной политики действуют законы Кабардино-Балкарской Республики «О молодежной политике в Кабардино-Балкарской Республике» и «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» [4].

Большое значение в патриотическом воспитании молодежи имеет реализация мероприятий республиканских целевых программ «Молодежь Кабардино-Балкарии» (2002–2006 гг.), «Молодежь Кабардино-Балкарии» (2009–2012 гг.). В процессе реализации программ при администрациях городов и районов республики созданы структуры по вопросам работы с молодежью.

В образовательных учреждениях введены дополнительные штатные единицы заместителя ди-

ректора по организации патриотической работы, педагогов-организаторов, психологов. Но, несмотря на проведенную большую и результативную работу, проблема подготовки специалистов по вопросам работы с молодежью и патриотического воспитания остается актуальной еще для многих районов и городов республики.

Большую роль в патриотическом воспитании молодежи имеет использование и популяризация государственных символов России. В этих целях принято распоряжение Президента Российской Федерации от 7 декабря 2004 г. «О реализации Программы мероприятий по популяризации государственных символов России до 2010 г.». Во исполнение данного документа принято распоряжение Правительства КБР от 20 января 2005 г. «О мерах по выполнению распоряжения Президента Российской Федерации от 7 декабря 2004 года „О реализации Программы мероприятий по популяризации государственных символов России до 2010 года“» [5].

Использование государственных символов России в Кабардино-Балкарской Республике, в том числе и в муниципальных образованиях, осуществляется в соответствии с федеральным конституционным законодательством.

В целях геральдического обеспечения и координации работы по созданию официальной местной символики, содействия проведению единой государственной политики в области геральдики на территории КБР распоряжением Президента КБР от 18 сентября 1994 г. была образована геральдическая комиссия при Президенте Кабардино-Балкарской Республики. В числе основных задач геральдической комиссии — распространение информации о государственных символах Российской Федерации и об официальных символах Кабардино-Балкарской Республики, их популяризация, а также контроль за правильным их использованием.

Для пропаганды среди населения республики государственной символики России специально издан красочный буклет, где помещены изображения флагов и гербов, а также тексты гимнов Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики.

Популяризация государственных символов России и КБР происходит и в образовательных учреждениях на уроках, посвященных таким темам, как: «Гражданин России», «Конституция Российской Федерации».

Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 июля 2005 г. № 422 утверждена государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» [6], которая разработана в соответствии с Концепцией патриотического воспитания граждан Российской Федерации. На осно-

ве указанной программы разработана и утверждена республиканская программа «Патриотическое воспитание граждан в Кабардино-Балкарской Республике на 2007–2011 годы» [7].

Цель этой программы — воспитание гражданина, знающего отечественную историю и культуру, стремящегося приумножить достижения общества в экономике, науке, литературе и искусстве.

В современных условиях преподавание истории в российских школах направлено на развитие личности ученика, воспитание гражданина-патриота.

Анализ тенденций, сложившихся в школьном историческом образовании в Кабардино-Балкарии, показывает, что учителя истории в большинстве случаев реализуют названные задачи, исходя из принципов гуманистического образования. Используются следующие основные направления гуманизации образования.

Во-первых, в ходе обучения происходит обращение к ценностям общечеловеческого характера. Так, при изучении темы «Взаимоотношения кабардинцев и балкарцев с соседними народами» учитель может сделать следующий вывод: многовековая история свидетельствует о том, что народы Северного Кавказа относились друг к другу с большим уважением, имели дружественные и родственные связи, обменивались материальными и культурными ценностями. Широкое распространение среди народов Северного Кавказа имели институты аталычества, куначества, побратимства, способствовавшие развитию дружбы и братства горских народов.

Как в прошлом, так и сейчас ценятся этнокультурная близость народов, понятие их общей исторической судьбы, приверженность идеям мира и согласия, историческим местам проживания, уважительное отношение к достоинству и свободе человека. Таким образом, духовные ценности народов Северного Кавказа имеют большую социальную значимость, так как основаны на общечеловеческих гуманистических традициях. Они несут огромный заряд духовности и нравственности. И сегодня, когда интенсивно происходит процесс возрождения и развития национального самосознания народов региона, нам крайне важно воспитывать подрастающее поколение на гуманистическом духовном наследии горских народов.

Во-вторых, рассматривается альтернативность, многовариантность путей исторического развития. Изучение некоторых тем носит «открытый» дискуссионный характер, с изложением альтернативных точек зрения. Заслуживает внимания опыт преподавания тем «Октябрьская революция» и «Гражданская война». Существует множество суждений о

причинах Гражданской войны, о красном и белом терроре. Какая же из вышеизложенных точек зрения ближе к истине? Думается, безнравственна сама постановка вопроса о том, какой террор «лучше». Карательная политика красных, белых, зеленых была одинаково жестока и преступна. Античеловечны любые попытки узаконить беззаконие, оправдать произвол и насилие над жизнью и достоинством людей. Поэтому с общечеловеческой точки зрения Гражданская война в России явилась великой исторической драмой народа, где победа одних классов и социальных групп была поражением и трагедией других. Виновником случившегося стали и «левые», и «правые» партии. Большевики и монархисты не были склонны к компромиссу [10].

Многообразный опыт учителей по преподаванию истории республики, безусловно, требует осмысления и систематизации. Бесспорно одно — методические поиски ведутся в направлении гуманизации исторического образования, воспитания демократических ценностей, патриотизма и взаимопонимания между народами.

В-третьих, используются инновационные образовательные технологии, ориентированные на включение ученика в активную деятельность, способствующие общему развитию личности.

Оснащение всех общеобразовательных школ компьютерной техникой создало условия для использования новых информационных технологий в процессе обучения и контроля знаний учащихся. Практикуется проведение кино-, теле-, видеоуроков. Так, в МОУ «СОШ № 6» г. Нальчика проводятся компьютерные уроки по темам «Никто не забыт, ничто не забыто», «Награды Великой Отечественной войны» и др.

В практику военно-патриотической работы МОУ «СОШ № 6» г. Нальчика вошли такие мероприятия, как смотр-конкурс чтецов (читаются произведения по военной тематике), брейн-ринг — проверка знаний учащихся 8–11 классов истории вооруженных сил и основных судьбоносных событий Великой Отечественной войны. Более 15 лет школа является постоянным участником Вахты памяти на «Посту № 1» у мемориала «Вечный огонь славы».

В Кабардино-Балкарии возрождению самобытных народных традиций способствуют многие факторы как объективного, так и субъективного порядка. В республике соседствуют и тесно взаимодействуют культуры русского, кабардинского, балкарского и других народов, проживающих на ее территории.

В этом плане заслуживает внимания и распространения опыт работы Кабардино-Балкарского фонда культуры по возрождению традиций наро-

дов, проживающих в республике. В рамках фонда функционируют 16 культурно-национальных центров и объединений: славянский, белорусский, украинский, кабардинский, балкарский, казацкий, греческий, татарский, дагестанский, армянский, азербайджанский, грузинский, корейский, еврейский, эстонский, польский. Мероприятия, призванные возрождать духовные традиции народов, играют важную роль в укреплении взаимопонимания между ними. В процессе культурного обмена вырабатывается и совершенствуется единая система общечеловеческих ценностей, повышается ответственность за судьбы человечества.

Кабардино-Балкария стала местом проведения региональных фестивалей «Студенческая весна», «Кавказ — наш общий дом», «Мир Кавказу», региональных научно-практических конференций «Мир на Северном Кавказе через диалог культур», «Танцы над Эльбрусом».

Таким образом, на примере опыте Кабардино-Балкарии можно наглядно наблюдать взаимодействие, взаимовлияние духовных традиций народов, проживающих в республике, — традиций, которые создают возможность для межнационального мира, согласия и созидания.

Нас объединяет понимание того факта, что высшие духовные ценности создаются всем человечеством и для всего человечества. Достижения в области культуры каждого этноса должны вызывать у каждого радость и чувство гордости за человека, восхищение его талантами, должны не разъединять, а объединять людей. Особое внимание следует обратить на гуманистическую направленность этнокультур. Наш опыт показывает, что как внутренние факторы развития культуры, выражающиеся во все большей ее гуманизации, так и социально-экономические и другие процессы в целом свидетельствуют об усиливающемся взаимодействии этнокультур, их интеграции. Разумеется, это не противоречит суверенности, самобытности каждой нации, народа и их культуры.

Нам представляется, что следует утверждать единство культуры в ее общечеловеческих устремлениях, своеобразие культуры в ее индивидуально-человеческих характеристиках. Иначе говоря, речь идет о единстве и единственности этнокультур. При этом гуманистическая основа культуры является залогом того и другого, а именно целостного многоцветия и многозвучия культуры.

Важный вклад в развитие духовных, самобытных традиций народов нашего Отечества вносят средства массовой информации.

Вместе с тем, на наш взгляд, в СМИ недостаточно представлена вся многонациональная культура нашей страны. Полагаем, программа «Культура» российского телевидения должна быть ориентирована именно на идеи сближения

народов через пропаганду культур, обычаев, традиций, знакомство с историей народов, проживающих в Российской Федерации, что будет способствовать дальнейшему развитию и единению их интересов.

В ходе реализации Программы возрождаются и получают развитие народные художественные промыслы, начали действовать центры (дома) фольклора, народных ремесел, традиционной народной культуры. Положительный опыт работы по возрождению традиционной культуры и ее использованию в патриотическом воспитании накоплен в республиканских учреждениях дополнительного образования: Республиканском дворце творчества детей и юношества, Республиканском центре научно-технического творчества, Школе культурного наследия им. Жабаги Казанова [9].

Заслуживает также внимания опыт проведения республиканских конкурсов патриотической песни, военно-спортивных игр и соревнований, а также спартакиад школьников по военно-прикладным и техническим видам спорта, спартакиад среди молодежи допризывного возраста.

Традиционными стали региональные соревнования по авиационным, техническим и военно-прикладным видам спорта, посвященные военно-историческим датам, выдающимся историческим личностям КБР и России. Развивается движение юных патриотов КБР. Сейчас в его рядах более 12 тысяч юношей и девушек.

Большой вклад в возрождение духовности и формирование патриотических чувств у подрастающего поколения вносят музеи, в том числе школьные. Богатые фонды и хорошие традиции имеют музеи в Баксанском районе (школа-интернат № 2, селе Кызбурун I), Терском районе (средняя школа в селе Нижний Курп), Прохладненском районе (средняя школа в селе Алтуд), Майском районе (средняя школа в станице Котляревской) и др.

Особого внимания заслуживает деятельность ветеранских организаций республики. Большую работу по проведению дней воинской славы и памятных дат России проводят ветераны (пенсионеры) Великой Отечественной войны, труда, Вооруженных сил РФ и правоохранительных органов.

Весомый вклад в патриотическое воспитание молодежи вносят ученые республики, которые подготовили и издали Книгу Памяти в пяти томах «Кабардино-Балкария. Тыл и фронт 1941–1945 годов. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны» [10].

Реализация республиканской программы патриотического воспитания и проведение мероприятий, посвященных празднованию 65-летия Победы в Великой Отечественной войне, вызвали интерес к героическому прошлому

России, Кабардино-Балкарии и росту патриотических чувств всех граждан и, что особо значимо, значительной части молодежи. Большой резонанс вызвали мероприятия, проходившие в Кабардино-Балкарии: выставки художественного творчества детей «Я горжусь, что родился в России», «Я помню заветы отцов», «Творчество юных — Великой Победе»; историко-литературные выставки «Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны», «Ваш подвиг бессмертен», «Страницы немеркнувшей славы»; республиканские конкурсы — всероссийская эстафета «Равнение на Победу», конкурс патриотической песни «Я люблю тебя Россия», кинофестиваль «Нам дороги эти позабыть нельзя» [16].

Социологический опрос «Патриотическое воспитание и условия формирования гражданской позиции учащихся», проведенный нами среди учащихся 10–11 классов школ г. Нальчика в ноябре 2010 г., показал, что 84,3 % респондентов испытывают чувство гордости за свою родину, 63 % учащихся знакомы с Конституцией РФ. Вместе с тем результаты социологических исследований позволяют выявить ценностные ориентации учащихся в вопросах гражданственности и патриотизма, сформировать стратегию дальнейшей работы в области патриотического воспитания учащихся [11].

Патриотическое воспитание молодежи стало неотъемлемой частью повседневной деятельности учреждений образования. Повышается роль и место Министерства образования и науки КБР, Госкомитета КБР по физической культуре и спорту в организации и координации патриотического воспитания молодежи. Меняется понимание молодежью чести и достоинства Отечества, отношение его к историческому прошлому, достижениям в различных сферах жизни республики. Все больший интерес проявляется к традициям и обычаям народов страны, Кабардино-Балкарии, нравственным ценностям. Анализ итогов реализации республиканской целевой программы «Патриотическое воспитание граждан в Кабардино-Балкарской республике на 2007–2011 годы» позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшей системной работы по совершенствованию патриотического воспитания молодежи по следующим направлениям:

— определение приоритетных направлений работы по патриотическому воспитанию на современном этапе;

— обогащение содержания патриотического воспитания;

— развитие форм и методов патриотического воспитания на основе новых информационных технологий;

— совершенствование системы подготовки специалистов в области патриотического воспитания молодежи;

— совершенствование системы управления процессом патриотического воспитания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» // URL: http://www.rg.ru/official/docpostanrf/122_1.shtm (дата обращения: 08.06.2010).
2. Патриотическое воспитание граждан Кабардино-Балкарской Республики на 2002–2006 годы // Кабардино-Балкарская правда. 2002. 24 апреля.
3. Закон Кабардино-Балкарской Республики «О молодежной политике в Кабардино-Балкарской Республике» // Кабардино-Балкарская правда. 2002. 23 апреля.
4. Закон Кабардино-Балкарской Республики «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» // Кабардино-Балкарская правда. 2002. 23 апреля.
5. Текущий архив Правительства КБР. 2004–2010 гг.
6. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» // Вестник образования. 2005. № 19. С. 11–59.
7. Текущий архив Министерства образования и науки КБР за 2006 г.
8. Тетуев А. И. Ведущий принцип — гуманистический // Кабардино-Балкарская правда. 2001. 8 октября.
9. Актуальные проблемы воспитания личности в современных условиях // Республиканская научно-практическая конференция. 3 декабря 1999 г. Нальчик, 2002. С. 28–32.
10. Текущий архив Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2010 г.
11. Материалы социологических исследований, проведенных автором в МОУ «СОШ № 16» г. Нальчика в ноябре 2010 г.

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИДЕНТИЧНОСТИ
КАЛМЫКОВ И КОРЕЙЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ
(по итогам опросов, проведенных в 2009–2010 гг.)**

Л. В. Намруева

В статье рассматриваются различные виды социальной идентичности калмыков и корейцев, проживающих в Республике Калмыкия. В ходе анализа материала, полученного в результате социологических опросов, было выяснено, что наиболее востребованными ее видами среди калмыков, титульного этноса республики, и корейцев, проживающих в Калмыкии, являются возрастная, профессиональная, этническая и локальная идентичности.

Ключевые слова: *калмыки, корейцы, виды социальной идентификации.*

The author considers the different types of social identity of the Kalmyks and Koreans living in the Republic of Kalmykia. The analysis of material received as the result of sociological surveys revealed that the most demanded kinds of social identity among the Kalmyks, the title nation, and the Koreans living in Kalmykia are as follows: age, professional, ethnic and local.

Keywords: *the Kalmyks, the Korean, kinds of social identification.*

В последние годы возрос интерес к проблеме социальной идентичности, что связано с миграционными и интеграционными процессами, глобализацией, развитием технических коммуникаций. Многие экономические, политические, культурные и другие проблемы современной жизни, безусловно, влияют на идентичность человека.

Термин «идентичность» широко используется в социологии, философии, психологии, этнологии, культурной и социальной антропологии (с разными значениями или в разных аспектах). Исследователи отмечают, что в самом общем понимании он означает осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, единичного и всеобщего. Идентичность понимается как процесс перенесения индивидом на самого себя качеств и особенностей своего внешнего окружения, стремление актуализировать в своей личности такие черты, которые имеют важное и жизненно необходимое значение в данных условиях. Идентификация служит основой процесса подражания, т. е. не насильственного, а свободного выбора человеком тех качеств, умений и ценностей, какими он хотел бы обладать [1, с. 155]. Этот термин широко распространен в общественных науках в последнее десятилетие. Под ним понимается «отождествление друг друга и себя с определенной культурной категорией, социальными символами, территорией, статусом, ценностями, исполняемой ролью и т. п.» [2, с. 121].

Судьба калмыков и корейцев России имеет много сходных черт: общая Родина — Россия, депортация и затем реабилитация прав лишь спустя десятилетия. Депортация, годы страданий и невосполнимых потерь, нанесла огромный ущерб культуре обоих народов. Ее болезненный след — сужение сферы употребления родного языка — в различной степени проявляется в культуре калмыков и проживающих в России корейцев.

Анализом идентичности калмыков, титульного этноса Республики Калмыкия, занимаются такие ученые, как А. Н. Овшинов [3], С. З. Сенглеева [4], В. Н. Бадмаев [5], Б. М. Мунянова [6], А. Б. Имкенова [7] и др. В рамках коллективной темы научно-исследовательской работы КИГИ РАН «Народы Калмыкии: социокультурный облик» предпринимается попытка проанализировать особенности идентификационных процессов, происходящих у представителей корейской диаспоры, которые более сорока лет живут и трудятся на территории республики.

История калмыков и корейцев в российском сообществе наглядно свидетельствует о том, что в целом они не только сохранили свою уникальную культуру, традиции, обычаи, но и продолжают успешно развиваться, находят новые пути и способы своего сохранения и развития. Один из них заключается в освоении множества новых социальных ролей, каждая из которых имеет свою идентичность. В зависимости от того, какой объект является основанием идентификации, выделяют различные типы социальных идентичностей: профессиональную (ученый, рабочий, фермер, учитель), региональную (москвич, сибиряк), политическую (коммунист, либерал, социалист), религиозную (верующий, атеист), конфессиональную (мусульманин, православный, буддист), этническую (русский, калмык, даргинец). Индивид может иметь множественную идентичность, т. к. соотносит себя сразу со многими группами и общностями [8].

В 2009 г. было опрошено 318 человек, из них 60,7 % составили респонденты-калмыки. Во втором анкетном опросе, проведенном в 2010 г., участвовали только 52 представителя корейской диаспоры — жители Октябрьского района.

Одна из задач нашего исследования заключается в изучении распределения групповых иден-

тификаций, для регистрации которых нами была использована методика, применяемая учеными Института социологии РАН. Анализ строится на ответах респондентов на вопрос: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хоть и живут рядом, остаются всегда чужими. Как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о ком вы могли бы сказать: *Это мы?* Варианты ответов: „часто“, „иногда“, „никогда“, „затрудняюсь ответить“» (см. таблицу 1).

Суммарные данные по двум позициям шкалы «часто» и «редко» образуют в соответствии с используемой методикой градацию «позитивная идентификация». Считается, что первая градация характеризует широту ощущения близости респондентов с той или иной общностью, а отдельно взятый показатель шкалы — «часто» — глубину этого ощущения. «Негативная идентификация» соответствует позиции «никогда» [9].

На первом месте в иерархии идентичностей у респондентов-калмыков оказалась возрастная

идентификация, ее положительный выбор составляет 90,7 %. При этом почти нет отрицательных ответов, свидетельствующих о негативной идентификации с людьми своего возраста (0,5 %). Это позволяет нам констатировать, что отношения между представителями одного поколения носят прочный и устойчивый характер.

С людьми своей профессии, рода занятий отождествляют себя 84,4 % респондентов. Частота выбора, характеризующая глубину связи с выбранной группой, составила 63,2 %.

Если принять во внимание суммарные показатели, т. е. данные позитивной идентификации, то окажется, что национальная (этническая) идентификация (83,4 %) находится на третьем месте. В нашем исследовании «с людьми своей национальности» отождествляют себя часто 71 % опрошенных калмыков и редко — 12,4 %. Соглашаясь с мнением П. М. Козыревой, мы считаем, что этническая принадлежность выступает сегодня наиболее осознанной и близкой, восполняя трудности идентификации в других измерениях социального простран-

Таблица 1. *Распределение различных видов социальной идентичности респондентов-калмыков*

Виды идентичности	Варианты ответов				Положительная идентификация	Ранг
	часто	редко	никогда	затрудняюсь ответить		
С людьми своего поколения, возраста	78,8 %	11,9 %	0,5 %	2,6 %	90,7 %	1
С людьми своей профессии, рода занятий	63,2 %	21,2 %	2,1 %	5,2 %	84,4 %	2
С людьми такого же достатка	45,1 %	30,1 %	3,6 %	13,0 %	75,2 %	5
С людьми своей национальности	71,0 %	12,4 %	2,1 %	4,1 %	83,4 %	3
С жителями того же города или села	56,5 %	24,9 %	0,5 %	6,2 %	81,4 %	4
С людьми своей веры	51,8 %	20,7 %	1,0 %	13,0 %	72,5 %	7
С жителями той же области, республики	47,2 %	25,9 %	2,6 %	10,9 %	73,1 %	6
С людьми, близкими по политическим взглядам	22,3 %	25,4 %	10,9 %	29,5 %	47,7 %	9
Со всеми гражданами России	23,8 %	28,5 %	6,7 %	30,1 %	52,3 %	8

ства, именно она является важной интегрирующей константой в условиях, когда другие ориентиры оказываются размытыми и утраченными [9].

Наше исследование, по результатам которого локальная идентичность (81,4 %) заняла четвертую позицию, подтверждает и другой вывод социологов, считающих, что в меньших социальных общностях плотность доверия и ощущение единства, близости с согражданами повышается [9, с. 32]. Так, 56,5 % респондентов-калмыков часто и 24,9 % редко идентифицируют себя с жителями одного и того же города или села. В этом виде социальной идентификации практически отсутствуют отрицательные ответы. Позитивная локальная идентичность (81,4 %) оказалась выше позитивной региональной идентичности (73,1 %). С жителями республики ощущают свою близость часто 47,2 % респондентов и редко — 25,9 %. Эти различия можно объяснить тем, что в меньших общностях, каковыми являются село, малый город, прочнее связи между индивидами и теснее социальное взаимодействие. Последнее в большей мере опирается на эмоциональное отношение, тогда как при соотношении с крупными социальными объектами возрастает роль рационального и рефлексивного отношения [9, с. 32].

Полученные данные позволяют отнести к числу основных идентификацию по признаку материальной обеспеченности. С людьми равного материального достатка отождествляют себя 75,2 % респондентов (часто — 45,1 %, редко — 30,1 %).

В нашем опросе участвовали респонденты так называемой базовой социальной страты, куда входят представители массовых профессий, работники бюджетной сферы, имеющие единственный источник дохода — заработную плату. Поэтому уровень материальной обеспеченности является достаточно сильным маркером групповой идентификации.

Иерархия идентичностей в сознании индивида не является догмой и меняется в зависимости от ситуации, времени и места. Например, религиозно-конфессиональная идентичность в одних условиях не играет существенной роли и вообще никак не выражена в ролевой функции («религиозный индифферентизм»), в других — выступает на первый план и даже доминирует (конфессиональная принадлежность — исламские ваххабиты), вытесняя другие идентификации индивида [8]. В ходе опроса на тесную связь с людьми одной конфессии указали 51,8 % респондентов, а 20,7 % опрошенных отметили, что близость с людьми одной веры ощущают редко.

Одной из наиболее характерных особенностей идентификационных процессов является недостаточно высокий уровень гражданской (российской) идентичности, о чем свидетельствует доля респондентов, испытывающих тесную связь с гражданами своей страны. Удельный вес респондентов, ощущающих единство со всеми гражданами России, составил 52,3 %. Гражданская идентификация уступает возрастной (90,7 %), професси-

Таблица 2. Распределение различных видов социальной идентичности представителей корейской диаспоры

Виды идентичности	Варианты ответов				Положительная идентификация	Ранг
	Часто	Редко	Никогда	Затрудняюсь ответить		
1	2	3	4	5	6	7
С людьми своего поколения, возраста	61,5 %	25 %	—	—	86,5 %	1
С людьми своей профессии, рода занятий	48,1 %	28,8 %	—	9,6 %	76,9 %	3
С людьми такого же достатка	38,5 %	32,7 %	2,0 %	11,5 %	71,2 %	6
С людьми своей национальности	55,8 %	25,0 %	4,0 %	—	80,8 %	2
С жителями того же города или села	46,1 %	30,8 %	2,0 %	6,0 %	76,9 %	4
С людьми своей веры	38,5 %	32,7 %	6,0 %	7,7 %	71,2 %	7

1	2	3	4	5	6	7
С жителями той же области, республики	44,2 %	32,7 %	6,0 %	6,0 %	76,9 %	5
С людьми, близкими по политическим взглядам	3,8 %	32,7 %	21,1 %	25,0 %	36,5 %	11
Со всеми гражданами России	28,8 %	32,7 %	9,6 %	15,4 %	61,5 %	8
С корейцами из стран СНГ	9,6 %	26,9 %	30,8 %	15,4 %	36,5 %	10
С гражданами Северной и Южной Кореи	11,5 %	32,7 %	28,8 %	11,5 %	44,2 %	9

ональной (84,4 %), этнической (83,4 %), локальной (81,4 %), материальной (75,2 %), региональной (73,1 %), религиозной (72,5). Таким образом, среди количественных данных, зафиксированных в ходе анализируемого исследования, показатель 52,3 % довольно низкий.

Также заметно снижение уровня патриотических настроений в обществе в сравнении с дореформенным периодом. Речь идет о чувствах, основанных на идейных и нормативных установках человека, которые подвергаются переосмыслению или даже кризисной переоценке. Необходимо иметь в виду и то, что самоотождествление индивида со всеми гражданами России связано преимущественно с абстрактным доверием, которое по силе значительно уступает доверию первичных отношений, возникающих при интенсивных ежедневных контактах людей. Сообщество «граждане России» настолько широкое, что в нем не образуются социальные связи, которые ведут к формированию конкретных групп [9, с. 30].

Исследователи отмечают, что одним из проявлений ослабления традиционных идентичностей является размывание политико-идеологических связей [9]. В ходе нашего анкетного опроса эта тенденция подтвердилась. Согласно полученным данным, тесную связь с людьми, близкими по политическим взглядам, испытывают часто — 22,3 % респондентов, редко — 25,4 %. При этом 10,5 % не пытаются идентифицировать себя со сторонниками того или иного политического течения, и почти каждый третий опрошенный не знает, как реагировать на поставленный вопрос. Если принять во внимание суммарные показатели позитивной идентификации, то окажется, что политико-идеологическая идентификация (47,7 %) находится на последнем месте, уступая гражданской идентичности (52,3 %). Отсюда следует, что половина опрошенных не заинтересована в уча-

стии в политических процессах, т. е. в определенной степени аполитична. Чаше обычного солидарность с людьми, близкими им по политическим взглядам, испытывают лица зрелого возраста (от 40 лет и старше), т. е. наиболее ответственная часть электората, которая активно проявляет себя в любых избирательных кампаниях.

Как видно из таблицы 2, на первом месте в иерархии идентичностей у респондентов-корейцев, как и у респондентов-калмыков, оказалась возрастная идентификация (86,5 %). Большая часть опрошенных (61,5 %) указала на тесную связь со своими ровесниками.

Этническая идентификация (80,8 %) находится на втором месте. Потребность в ощущении глубокой связи с людьми своей национальности наблюдается у большей половины опрошенных (55,8 %).

С людьми своей профессии или рода занятий отождествляют себя 76,9 % респондентов. Частота выбора, характеризующая глубину связи с выбранной группой, составила 48,1 %.

Локальная идентичность (76,9 %) занимает четвертую позицию. 46,1 % респондентов часто и 30,8 % редко идентифицируют себя с жителями одного и того же города или села. Следует отметить, что в основном группа опрашиваемых состояла из корейцев, которые продолжительное время проживают на территории Октябрьского района республики. Поэтому возможность и потребность в соотношении себя с жителями одной и той же местности проявляется у них достаточно сильно.

Региональная идентичность характерна для 76,9 % опрошенных. С жителями республики ощущают свою близость часто 44,2 % респондентов и редко — 32,7 %. Как отмечено выше, корейцы более четырех десятилетий живут и трудятся на калмыцкой земле. По этой причине они ощущают близость со всеми жителями республики и могут сказать о них и о себе: «Это мы».

С людьми равного материального достатка отождествляют себя 71,2 % респондентов (часто — 38,5 %, редко — 32,7 %). Почти все опрошенные имели одинаковый уровень материальной обеспеченности. Из них 54 % отметили, что средств хватает только на самое необходимое, а 32 % указали, что имеют определенный материальный достаток, но покупка дорогих вещей вызывает затруднения. Отметим, что идентификация по признаку материального достатка у наших респондентов проходила довольно легко.

Теперь перейдем к рассмотрению социальных идентичностей, которые замыкают наш ранжированный список. С людьми одной и той же конфессиональной принадлежности готовы себя отождествлять 71,2 % респондентов-корейцев. На глубокую связь с людьми своей веры указали чуть более трети опрошиваемых (38,5 %). Корейцы республики относят себя к разным конфессиям: буддистам, протестантам, православным, однако есть и атеисты. Поэтому количество респондентов, указывающих на глубокую связь с людьми своей веры, оказалось значительно меньше.

Сравним результаты употребления ответов «часто» в первых позициях нашего рейтинга идентичностей среди респондентов — калмыков и корейцев. В них более половины респондентов дают именно этот ответ, что указывает на глубокую связь с определенной социальной группой. В последних позициях рейтинга обнаруживается заметное, почти в два раза, уменьшение выбора ответа «часто».

Восьмую позицию рейтинга идентичностей занимает гражданская идентичность (61,5 %). Каждый десятый из опрошенных никогда не отождествляет себя со всеми гражданами России.

Вплоть до конца 1980-х гг. большинство советских корейцев не ассоциировало себя ни с одним из корейских государств и не питало никаких патриотических чувств ни к Сеулу, ни к Пхеньяну. О Южной Корее знали лишь то, что она представляет собой «кровавую диктатуру», а доходившие из КНДР слухи о культе личности, терроре и нищете также не вызвали желания гордиться такой страной. В начале 1990-х гг. произошло «открытие» Южной Кореи. У советских, затем и российских корейцев появился стимул гордиться родиной предков, ее техническими и экономическими достижениями и ассоциировать себя с ней. Представители этой страны стали регулярно посещать Калмыкию, знакомиться с культурой и жизнью российских корейцев. Поэтому было интересно узнать, каким образом у наших респондентов происходит процесс идентификации с корейцами из других стран. Исходя из полученных данных, отметим, что данный процесс не отличается активностью. Об этом свидетельствует слабая положительная идентификация с гражданами

Северной и Южной Кореи (44,2 %) и еще более слабая (36,5 %) — с корейцами стран СНГ. При этом очень велик отрицательный выбор, т. е. число тех, кто никогда себя не отождествлял с этими группами, довольно значительно.

Последнюю позицию в распределении видов социальной идентичности заняла политическая идентификация (36,5 %). Пятая часть опрошенных считает, что никогда не связывает себя с людьми, близкими по политическим взглядам, и, по всей видимости, не проявляет особого интереса к политическим проблемам.

Рассмотрим, что есть общего и отличного в процессах идентификации двух российских народов — калмыков и корейцев, имеющих схожую историческую судьбу (добровольное вхождение в состав России, принятие революции, советской власти, депортация по национальному признаку, последствия государственной культурной политики, направленной на ассимиляцию народов).

Результаты проведенного социологического исследования показывают, что у обеих опрошенных групп наиболее востребованными видами социальной идентичности (в первой четверке) оказались: возрастная, профессиональная, этническая и локальная. Следует отметить, что положительная идентификация по всем этим позициям у респондентов-калмыков на 2–4 % выше, чем у респондентов-корейцев.

Как видим из таблицы 3, три последние позиции в обеих группах занимают религиозная, общегражданская и политическая идентичности. По двум конечным позициям наблюдается разница в положительных ответах. Так, положительная идентификация со всеми гражданами России у респондентов-корейцев на 9 % выше, чем у респондентов-калмыков. Разница проявляется в глубине ощущения этого чувства, о которой свидетельствует ответ «часто». 23,8 % калмыков и 28,8 % корейцев часто ощущают близость со всеми гражданами России. Ответ на этот вопрос вызвал затруднения у калмыков в два раза больше (30 %), чем у корейцев (15 %). На наш взгляд, в современных условиях этническое и региональное самосознание у нерусских народов, особенно титульных, имеющих свое государственно-правовое образование, выражено сильнее, чем у представителей диаспор, не имеющих такового. Зато у последних по сравнению с титульным населением республики сильнее проявляется российская, общегражданская идентичность. Безусловно, данный вывод требует дополнительных исследований и тщательного анализа.

Политическая жизнь волнует респондентов-калмыков намного больше, чем респондентов-корейцев. Положительная идентификация с людьми, близкими по политическим взглядам, у калмыков на 11 % выше, чем у корейцев. По всей

Таблица 3. Сравнение различных видов социальной идентичности калмыков и корейцев

Виды идентичностей	Калмыки		Корейцы	
	положительная идентификация	ранг	положительная идентификация	ранг
С людьми своего поколения, возраста	90,7 %	1	86,5 %	1
С людьми своей профессии, рода занятий	84,4 %	2	76,9 %	3
С людьми такого же достатка	75,2 %	5	71,2 %	6
С людьми своей национальности	83,4 %	3	80,8 %	2
С жителями того же города или села	81,4 %	4	76,9 %	4
С людьми своей веры	72,5 %	7	71,2 %	7
С жителями той же области, республики	73,1 %	6	76,9 %	5
С людьми, близкими по политическим взглядам	47,7 %	9	36,5 %	11
Со всеми гражданами России	52,3 %	8	61,5 %	8

видимости, представители титульного населения активнее проявляют себя во время избирательных кампаний, следят за различными политическими событиями, живо реагируют на них.

Социальная идентичность относительно стабильна, она может меняться в зависимости от многих факторов, в том числе и ситуативных. Чтобы анализировать закономерности изменения различных видов социальной идентичности, необходим большой объем эмпирических данных. Проведенный нами анализ показал, что два этноса, калмыки и корейцы, вовлечены и участвуют в жизнедеятельности общества, актуализируя такие свойства, которые имеют важное и жизненно необходимое значение в условиях постоянно трансформирующегося пространства, усваивая новые социокультурные образцы поведения, новые виды социальной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология: учебник для студентов вузов. М.: Издательский центр «Академия»: Высшая школа, 2000. 304 с.
2. Кравченко А. И. Краткий социологический словарь. М.: Проспект, 2009. 352 с.
3. Овшинов А. Н. Толерантность как важнейший системообразующий фактор регионального и национального взаимодействия // К единству России: аспекты регионального и национального взаимодействия. Материалы регионал. научно-практ. конф. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2009. С. 40–48.
4. Сенглеева С. З. Калмыцкая культура: ценности и смыслы // Образование и развитие многонационального государства в России: сущность, формы и значение. Материалы рос. науч. конф. Элиста: КалмГУ, 2002. С. 90–93.
5. Бадмаев В. Н. Социокультурные детерминанты национальной идентичности // Динамика ценностных и культурных ориентаций народов Калмыкии. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 17–26.
6. Мунянова Б. М. Детерминанты этнической самоидентификации студенческой молодежи Калмыкии на современном этапе // К единству России: аспекты регионального и национального взаимодействия. Материалы регионал. научно-практ. конф. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2009. С. 679–683.
7. Имкенова А. Б. Этническая идентичность калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 176 с.
8. Кублицкая Е. А. Изучение религиозной и конфессиональной самоидентификации современного российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 3. С. 267–280.
9. Козырева П. М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в ее формировании // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 29–39.

**ПОХОРОННО-ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ У КАЛМЫКОВ:
ПОДГОТОВКА ПОКОЙНОГО К ЗАХОРОНЕНИЮ***Т. И. Шараева*

В данной статье рассматриваются ритуалы и обряды калмыков, исполняемые при подготовке покойного к захоронению, которые основаны на традиционном мировоззрении и буддийской практике. Освещаются вопросы трансформации похоронно-погребальной обрядности в XIX–XX вв.

Ключевые слова: похороны, ритуал, обряд, калмыки, традиционное мировоззрение, буддизм.

This article is devoted to funeral rites of the Kalmyks conducted in the period of preparation of the deceased for burial which are based on traditional worldview and Buddhist practice. Besides, there were analyzed problems of transformation of funeral rites in the XIX — XXth centuries.

Keywords: funeral, ritual, the Kalmyks, traditional world-view, Buddhism.

Погребальная обрядность и представления о потустороннем мире относятся к наиболее сакральным сферам традиционной культуры любого народа. У калмыков они обусловлены традиционным хозяйственно-культурным типом кочевников Центральной Азии и в настоящее время являются наименее разработанной темой в калмыковедении. Существует ряд факторов, объясняющих сложившееся положение. Во-первых, в XVII–XIX вв. такие исследователи быта и традиций калмыков, как П. С. Паллас, Н. Нефедьев, П. И. Небольсин, И. А. Житецкий, П. Смирнов и др. [1; 2; 3; 4; 5], оставили лишь отдельные отрывочные сведения, по которым сложно реконструировать традиционные обрядовые комплексы погребального цикла. Во-вторых, переход калмыков на оседлый образ жизни, а затем дисперсное расселение по восточным районам страны в период незаконной ссылки способствовали частичной утрате знаний о погребальной обрядности. В-третьих, в калмыцком обществе до сих пор налагается табу на обсуждение вопросов, связанных с темой погребальной обрядности, что значительно затрудняет сбор полевого материала. Современные исследователи рассматривали отдельные вопросы погребально-поминальной обрядности у калмыков [6; 7; 8; 9; 10; 11], однако в силу сакральной запретности тематики комплексные исследования по ней отсутствуют.

Смерть человека всегда вызывала глубокие эмоциональные переживания у его родственников. Незнание и необъяснимость причин наступления смерти человека способствовали возникновению различных представлений о потустороннем мире, витальности, ритуальной чистоте либо нечистоте, что диктовало проведение определенных обрядовых действий с покойным. С распространением буддизма представления о смерти и похоронах у калмыков стали связывать с круговоротом перерождений в сансаре (перерождения в мире людей, тенгриев, асуров, животных, голодных духов, в аду), кармой, различными видами ада и т. д. Изменилась и форма совершаемых ритуалов и обрядов: появились длительное чтение молитв, со-

вершение подношений, захоронение с изменением пространственной ориентации, позднее (к началу XX в.) — имитация захоронений «в определенных стихиях» и т. п. Следует согласиться с мнением исследователей, отмечавших, что «погребальный обряд калмыков во многом сформировался под влиянием религиозных представлений, которые с течением времени, налагаясь друг на друга, фиксировались в нем. С динамикой господствующих представлений менялся и ритуал» [9, с. 98].

В период незаконной депортации калмыцкого народа в восточные районы страны в 40–50-х гг. XX в. структура исследуемого комплекса была значительно трансформирована. В советское время пропагандировалась гражданская обрядность, хотя традиционные элементы в ней четко прослеживались и имели устойчивые черты. В настоящее время в связи с ростом национального самосознания наблюдается возврат к традиционной обрядности, в том числе и похоронно-поминальной.

В обрядах жизненного цикла погребальная обрядность оформляет завершение жизненного цикла человека и его пребывание на земле. Если с момента рождения человека все обряды, связанные с его становлением, были направлены на поэтапное введение его в социум, то погребальные обряды оформляют и обеспечивают уход из него. Исследователи выделяют в них этапы (обряды отделения покойного от мира живых, обряды включения его в новое сообщество в ином мире, промежуточное состояние для носящих траур родных, обряды реинтеграции родственников в свое сообщество [12, с. 134–150]), которые группируются в три последовательных по времени комплекса обрядовых действий: подготовительный (длящийся с момента установления факта смерти и до выноса тела покойного для захоронения), собственно похоронный (в который включены обрядовые действия, связанные с захоронением тела) и поминальный (длительность которого зависит от религиозных и мировоззренческих основ культуры того или иного народа).

Прощание с близким является важным предсмертным обрядом у калмыков. В настоящее время сохранилась традиция посещения тяжелобольного человека, находящегося дома или в медицинском учреждении. Это расценивается как проявление уважения к данному человеку и его близким. В традиционном обществе для умирающего сородича старались готовить любимые кушанья [11, с. 45]; если его жизненные силы были на исходе, то просто смазывали губы маслом. Возле умирающего зажигали лампадку *зул* и приглашали буддийских священнослужителей для чтения молитв [1, с. 533; 6, с. 204] или обращались в буддийский храм *хурул* для прочтения монахами молитв. Такие же обычаи сохраняются и в наши дни.

До первой трети XX в. умирающего человека, принадлежащего другой семье или роду, выносили из жилища, чтобы он умер за его пределами как «чужой, чужеродный». Жилище семьи служит исходной точкой появления (т. е. рождения), равно как и точкой возврата в иной мир после смерти¹.

В настоящее время пожилые люди, предчувствуя свою скорую смерть, готовят для себя погребальное одеяние. Подобные приготовления противоречат традиционным представлениям об одежде², и носители культуры связывают появление обычая с длительным нахождением в инокультурной среде. Традиционно калмыки хоронили покойников с той обувью, которую они носили при жизни. В наши дни перед захоронением старикам надевают мягкую обувь, что отдельными информантами расценивается как обеспечение удобства в пути, а повседневно носившуюся обувь кладут рядом в гроб, предварительно развязав или сняв шнурки и расстегнув застёжки³.

В разговорах в кругу семьи пожилые люди обычно завещают, где и как их следует похоронить; как правило, это места родовых захоронений или на общем кладбище возле могил близких. Помимо этого, зачастую они высказывают поже-

лание о захоронении с ними каких-либо личных вещей. Пожелания и наказания человека, уходящего в последний путь, воспринимаются как обязательные для исполнения.

По традиции после наступления смерти человека все родные должны были покинуть кибитку. Тело ограждали занавеской, закрывали дымоход и опускали дверную кошму [11, с. 65]. Покойного не трогали до получения указаний астролога *зурхач*, который должен был удостовериться в кончине человека приложением к его рту зеркала. Затем зеркало устанавливали рядом с покойником и насыпали к нему небольшую дорожку из золы. «Мертвец сам не осознает... что он умер, а чтобы убедиться, жив ли, или умер, он ступает ногой в золу очага, и если не окажется следа на золе, то это значит, что он умер» [4, с. 29]. Считалось, что обряды следует начинать только после того, как душа покойного «удостоверится в своем уходе». По данным информантов, в прошлом зеркало устанавливали возле тела усопшего для того, чтобы посланники *элчи* владыки мира мертвых Эрлик Номин хана, отправленные за душой покойного, при приближении к телу испугались своего изображения и отступили. Калмыки запрещают детям играть зеркалами и «пускать зайчиков», иначе, согласно воззрениям, душа после смерти будет метаться и не найдет покоя [ПМА: 1]⁴. В настоящее время после наступления смерти человека и до самого погребения его тела все поверхности в доме, в которых он мог бы отразиться (например, зеркала) накрывают тканью, что, видимо, является заимствованием из культуры соседних народов.

Распространение буддизма среди калмыков способствовало возникновению представлений о том, что участие буддийских священнослужителей в погребальных обрядах обеспечивало соблюдение всех правил отправления души покойного в «иной» мир. Священнослужитель определял время похорон, ориентацию могилы, положение по-

¹ В связи с этим следует отметить представление о том, что дочери являются потенциально «чужими» *хэрин кун*, независимо от того, вышла дочь замуж или нет. Ни замужняя дочь, ни ее дети как чужеродцы не должны были умирать в жилище родителей. Их обычно выносили и оставляли умирать вне жилища. По данным наших информантов, точно так же было принято выносить из родительского дома умирающую незамужнюю дочь [ПМА: 3].

² Заблаговременное приготовление одежды, будь то к рождению ребенка, свадьбе или на похороны, связывают с сокращением жизненного цикла, считается, что это может навлечь на человека различные неприятности, вплоть до тяжелой болезни или смерти. Поэтому подготовленную к погребению одежду символически надевают один раз, чтобы она считалась ношеной.

³ Как видим, в этом моменте проявляется двойственность представлений: 1) нельзя надевать на покойного новую обувь, потому что в мире мертвых она станет совсем старой и развалится (отражаются представления о зеркальности потустороннего мира); 2) новая обувь будет давить ноги и мешать продвижению в потустороннем мире.

⁴ Исследователи бурятской культуры, рассматривая влияние буддийской практики на погребальные обряды, отмечали использование зеркала с выложенным на нем из зерен изображением насекомого, которое символизировало грехи [8, с. 200]. У западномонгольских ойратов возле тела покойного оставляли зеркало, на котором было изображено мифическое существо, напоминающее паука, имеющего продолговатое тело, одну голову, шесть ног и хвост, на которых имелось по одному рту. «Зеркало перед покойником ставили так, чтобы изображение головы мифического существа приходилось против левой ноздри покойного» [13, с. 256].

койного, а также кто будет готовить умершего к погребению [1, с. 534; 14, с. 375; 2, с. 201]. После получения данных указаний к телу первым мог прикоснуться буддийский священнослужитель или пожилые родственники [15, с. 297; 6, с. 205].

В настоящее время после наступления смерти сородича его родные идут в хурул для получения дальнейших инструкций: во что одеть покойного, как он должен быть захоронен, с кем из оставшихся необходимо «пресечь» через обрядовые действия взаимное притяжение *тачал* и т. д.⁵

В наши дни обмывание покойного и подготовку тела к захоронению проводят близкие люди из числа родственников, соседей⁶. С покойного снимают всю одежду, если это трудно сделать, то разрезают одежду ножницами. Тело обмывают при помощи лоскутов ткани, смоченных в воде⁷. В некоторых случаях кладут на глаза «белые» монеты; если необходимо, то открытый рот подвязывают сложенным в несколько раз ситцевым платком⁸.

Покойного одевают в подготовленную одежду, предварительно расстегнув или срезав все пуговицы, развязав или сняв шнурки с обуви. По сообщению наших информантов, считается, что, если этого не сделать, покойнику будет трудно на том свете и он будет долго добираться до места. Погребальное одеяние состоит из светлого нижнего белья, чулок или носков, платья (или халата) и платка — для женщин, костюма европейского покроя и головного убора — для мужчин. Женщинам старше 40 лет голову обычно покрывают платком, концы которого складывают внахлест под подбородком. Молодых хоронят в новой одежде: девушкам надевают нарядное или свадебное платье, а молодым людям — костюм европейского покроя. В XIX в., по одним литературным данным, покойного хоронили (исключая кремацию) в той «одежде, в какой умер человек... сверх одежды... завертывают его в кошму или ковер всего, и обвязывают тесьмами, так что труп как бы запеленывается» [4, с. 29]. По другим — на покойного «надевали чистое белье, бюшмюд, затем заворачивали в белое полотно, кла-

ли на ковер или на постель, лицо закрывали белым материалом» [6, с. 205; 3, с. 96]. Аналогичные действия, по данным Г. Мэнэс, совершали захчины⁹: «с кончиной человека кто-нибудь из родных... накрывал хадаком лицо... тело его укладывали либо на шкуру, либо на материю белого цвета, либо на ковер, разостланный на земле... умершего «облегчали» от одежды на том месте юрты, где обычно располагалась его постель. Одежду снимали полностью. Также снимали серьги, перстни, косы умершего расплетали и волосы распускали» [17, с. 114].

По сообщению информантов, у калмыков все украшения покойного должны быть сняты и, если нет указаний о передаче их определенному лицу, положены рядом с телом в гроб. Украшения, согласно мировоззрению калмыков, снимались для того, чтобы не отягощать продвижение души лишним грузом [ПМА: 2]. Однако исследователями в отношении женских серег и колец отмечается «традиция оставления этих украшений у покойного во время похоронного ритуала, в крайнем случае — замены ювелирных украшений на менее ценные или на части веточек чайного куста, прокипяченные и высушенные («чайные палочки»)» [18, с. 240].

Ритуальное омовение покойного, смена одежды и распускание волос является типологичным в культуре многих народов мира. Ритуальное омовение — это «очищение...», направленное на уничтожение признаков, качеств, свойственных живым людям, ...сопутствующая омовению нагота, отсутствие знаков принадлежности к культуре одновременно означают „натурализацию“ человека, своего рода возвращение к исходному, «природному» состоянию до жизни» [19, с. 107]. В этом отношении омовение умершего противопоставляется омовению новорожденного, задачей которого является отделение его от мира природы. Изменение прически и одежды покойного тождественно высвобождению природного начала человека, возврату его в «природный» мир. Однако наделение одеждой и сопутствующими предмета-

Примечательно, что у калмыков существует представление о возможном выходе души в виде паука из ноздри после смерти человека. Возможно, оно имеет связь с почтительным отношением к пауку, называемому калмыками *Манж авь* (букв. 'дядя' ('брат отца') Манджи), и связано с представлениями о душе, а также культом предков в традиционной культуре и буддийскими представлениями о перерождении.

⁵ По некоторым данным, сразу после смерти на теле человека ставят метку в виде точки, например, шариковой ручкой; в прошлом аналогичную метку ставили с помощью уголька. Это, по пояснениям информантов, делается для того, чтобы определить в будущем его перерождение по родимому пятну на теле новорожденного ребенка [ПМА: 4], что указывает на сохранение представлений о круговороте рождений в пределах одной «кости» — рода.

⁶ Если тело умершего привозят из морга, то могут быть совершены символические действия, напоминающие обмывание (прикладывание влажной ткани к открытым частям тела).

⁷ Воду выливают в места, где никто не ходит, ткань, использованную при обмывании, впоследствии сжигают.

⁸ В случае необходимости во избежание распространения трупного запаха в уши и в нос вкладывают ватно-марлевые тампоны или/и используют густой раствор марганца или гашеную известь, которые ставят под гроб. Перечисленные действия относятся к общераспространенным санитарно-гигиеническим процедурам.

⁹ Этническая группа ойратов Монголии.

¹⁰ Поза махапаринирваны Будды.

ми обихода связаны также с идеей о продолжении жизни в потустороннем мире.

У калмыков до начала XX в. существовали различия в придаваемой покойному погребальной позе: его либо помещали на спину или придавали ему «позу льва»¹⁰, т. е. клали на правый бок так, чтобы правая рука была под головой, а левая свободно лежала на левом бедре, левая нога слегка согнута, правая — вытянута [20, с. 19; 7, с. 105]; либо располагали покойного на животе или боку, если человек умер ничком [21, с. 52]. До захоронения тело покойного калмыки часто оставляли на кровати или на том месте в кибитке, где наступила смерть. Данные об особых предписаниях, если человек умер за пределами жилища, нами не обнаружено¹¹.

В настоящее время калмыки кладут покойного на спину в гроб, который заказывается в цехах ритуальных услуг либо приобретается в специализированном магазине. В доме гроб ставят в самой большой комнате, чтобы проститься с покойным могло большее количество людей. Усопшего располагают головой вглубь комнаты, ногами к выходу. Изнутри гроб обычно обит тканью; под голову покойного помещают подушку (набитую стружками), тело покрывают тканью (чаще всего белым покрывалом или простыней), при этом оставляют небольшой отворот, чтобы перед захоронением закрыть ему лицо. Поверх ткани часто помещают тексты молитв, отпечатанные на специальном материале. Рядом с телом могут поместить личные вещи покойного: шапку, трость, платок, курительную трубку и т. д. (если это нож или расческа, то острый конец предмета отламывают). В этой же комнате помещают ритуальные венки, принесенные пришедшими проститься с усопшим. На алтаре, рядом с зажженной лампадкой, часто ставят его фотографию, обрамленную траурной лентой.

Лампадку *зул* зажигают с первых минут наступления смерти и до истечения 49 дней для

освещения промежуточного пути. Несколько человек специально следят за тем, чтобы пламя не погасло, с этой целью заранее готовят запасные лампадки¹².

По традиции усопшего не оставляют одного на ночь. Согласно верованиям калмыков, после смерти душа еще три дня находится возле тела. Она «все слышит, что делается вокруг, и если что-либо происходит неприятное, то сердится и грешит, а потому над умершим, пока он не похоронен, читают молитвы» [4, с. 29]. Запрещается громкое произнесение имени покойного, соотносимое с обращением к его душе, поскольку это препятствует ее отделению [11, с. 65]¹³.

Согласно данным информантов, до начала XX в. в ночном бдении при покойном участвовали только пожилые люди. В настоящее время допускается участие всех пришедших проститься с покойным. При перемещении по комнате, где находится покойный, движение осуществляется вокруг гроба посолонь; категорически запрещается стоять на пороге этой комнаты. Пожилые люди находятся рядом с телом покойного всю ночь. Они не спят до рассвета, беседуют или молятся.

Традиция ночного бдения многоаспектна. Считается, что прощание родных облегчает душе перемещение в потусторонний мир, особенно в случаях внезапной смерти, когда умерший не успел проститься. Так душа покойного, находясь возле тела до захоронения, «получает возможность» самостоятельного прощания с родными. Присутствие стариков объясняется их близостью к миру мертвых как людей, завершающих свой жизненный путь. Еще одной целью ночного бдения, по данным информантов, было наблюдение за покойным, если возникали сомнения в истинности его смерти (отсутствие трупного окоченения тела, тело не изменяет цвет, но дыхание отсутствует). В прошлом отмечались случаи воз-

¹¹ Сравнительный материал по монгольским народам, проживающим в западных районах Монголии, показывает различную локализацию тела покойного в пространстве жилища в зависимости от половой принадлежности. Так, у элютов и урянхайцев умершую женщину оставляют в западной части юрты, умершего мужчину — в восточной; у халхасцев наоборот: женщину — в восточной, а мужчину — в западной. При этом телу покойного придавали позу, препятствующую выходу души: на правом боку, левая рука вытянута вдоль тела (это символизирует закрытие анального отверстия), правая рука — под правой щекой (символически большой палец закрывает правое ухо, указательный — правый глаз, средний — правую ноздрю, безымянный — левую ноздрю, мизинец — рот), ноги полусогнуты [22, с. 127]. К. В. Вяткина зафиксировала, что у дербетов Западной Монголии тело покойного, независимо от пола, оставляли в восточной части жилища на правом боку так, чтобы голова была направлена на север, а лицо — на запад. Ноги покойному подгибали; пальцами правой руки закрывали правый глаз, правую ноздрю, рот, при этом оставляли свободным безымянный палец, считающийся «чистым» [23, с. 255].

¹² Информантами указано несколько вариантов поддержания огня в лампадах: горит до семи дней постоянно, затем, до истечения 49 дней, только по вечерам; горит круглые сутки все 49 дней; зажигают утром и вечером на протяжении 49 дней с момента похорон. Обычай поддержания огня в лампадке в течение 49 дней объясняется темнотой и сложностью пути к царству Эрлик Номин хана.

¹³ Часто вместо имени используются иносказания: *жѣлиси* — исчезнувший, *оңгрсн* — ушедший, *хоцурсн* — оставшийся, *алдрсн* — упущенный, *геедрсн* — потерявшийся или (по отношению к старикам) *мана икс* — наши большие [16, Д. 132. Л. 311]. У тувинцев, по данным В. П. Дьяконовой, «запрет на произнесение имени покойника имел целью оградить живущих от посещения их умершим или его душой» [24, с. 52].

вращения в поселение покойников, погребенных по кочевой традиции — через оставление тела на земле завернутым в кошму. Таких «воскресших из мертвых» людей, которые, по-видимости, просыпались после летаргического сна, принятого за смерть, считали живыми мертвецами, у которых отсутствовали души [ПМА: 3, 4].

Обязательное прощание с покойным перед захоронением — традиция родового общества и специфическая черта кочевого в прошлом образа жизни калмыков. Родственники были тесно связаны между собой и в кризисных ситуациях непременно приходили друг другу на помощь, единство являлось одним из главных условий функционирования социума. Это находит подтверждение в традиции, когда сородичи приносят продукты для общей поминальной трапезы в день похорон и оказывают материальную помощь. Все дни до похорон родные должны производить ритуальное кормление души покойного запахом и дымом. Для этого от каждого приготовленного блюда выделяют первинки *дееж*, которые помещают на алтарь. Дополнительно поджаривают муку на сухой сковородке или на печи, бросают в огонь жир.

Рассматривая подготовку покойного к захоронению, нельзя не привести сведения о похоронной обрядности, практиковавшейся в советское время. Анализ литературных источников по обрядности до начала XX в. и полевых данных, полученных в настоящее время, позволяет утверждать, что в советский период практиковалась обрядность, направленная на признание общественной значимости ушедшего, при этом она сохраняла традиционные черты. Гроб с телом покойного после выноса из дома могли установить в общественном месте, например в клубе; у гроба дежурили работники организации, где трудился покойный. На церемонию приносили венки и живые цветы, играла траурная музыка. Но, как отмечают исследователи того времени, среди сельского населения «новые ритуалы погребения внедрялись крайне медленно» [25, с. 34], погребальные обряды «оказались наиболее стойкими в следовании сложившимся издавна традициям» [10, с. 98].

Таким образом, основной целью прощальных обрядов у калмыков по-прежнему является обеспечение душе покойного благоприятных условий в пути к иному миру. Погребальная обрядность калмыцкого этноса и сегодня представляет собой синтез сохранившихся реликтов добуддийских верований и буддийской практики. В ней можно обнаружить также различные элементы, связанные с хозяйственно-культурным типом, характерным в прошлом для монгольских и тюркских народов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. 657 с.
2. Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб., 1834. 286 с.
3. Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошеутовского хурула. СПб., 1852. 190 с.
4. Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения, 1884–1886 гг.). М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1893. 75 с.
5. Смирнов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 248 с.
6. Эрдниев У. Э. Калмыки (конец XIX — начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 311 с.
7. Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
8. Гучинова Э.-Б. М. Трансформация погребального обряда калмыков // Проблемы современных этнических процессов в Калмыкии. Элиста, 1985. С. 90–97.
9. Бакаева Э. П., Гучинова Э.-Б. М. Погребальный обряд у калмыков в XVII–XX вв. // Советская этнография. 1988. № 4. С. 98–110.
10. Дарбакова В. П. Старое и новое в семейной обрядности калмыков // Теегин герл. 1976. № 2. С. 134–138.
11. Хабунова Е. Э. Очаг (обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков). Элиста, 2005. 206 с.
12. Геннеп А. Обряды перехода. М.: Вост. лит., 2002. 198 с.
13. Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX в. Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, 1983. 235 с.
14. Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 г. и 1769 г. СПб., 1795. Т. 1. 537 с.
15. Настольная книга атеиста. М., 1981. С. 295–297.
16. Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (НА КИГИ РАН). Ф. 6. Оп. 2.
17. Мэнэс Г. Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX–начала XX в. // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск, 1992. С. 112–127.
18. Бакаева Э. П. К вопросу о знаковой функции украшений в культуре калмыков // Монголоведение. Вып. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 238–251.
19. Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
20. Львовский Н. Происхождение и история калмыков Большедербетовского улуса // Ученые записки Императорского Казанского университета. Казань, 1893. Т. LIX. Кн. 5. С. 79–106; Кн. 6. С. 1–36.
21. Плахов В. В. Семантика погребальных обрядов калмыков // Очерки этнохудожественной культуры Астраханского края. Вып. 1. Астрахань, 1998. С. 50–56.
22. Тангад Д. Заметки о похоронных обычаях в западных районах МНР // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск, 1992. С. 127–133.

23. Вяткина К. М. Монголы МНР // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М.; Л., 1960. Т. LX. С. 159–257.
24. Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. 163 с.
25. Павлов Д. А. О внедрении новых обрядов и праздников в Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Элиста, 1968. Вып. 1. С. 23–47.

ПОЛЕВОЙ МАТЕРИАЛ АВТОРА

1. Боктан Шаня, 1933 ж., хошуд, чолахн.
2. Немышин Бата, 1934 ж., дөрвд, хонч нур, орткуд.
3. Балтгин Аршанк, 1916 ж., дөрвд, багшин шевнр, саарлахн.
4. Гойдгин Жукля, 1920 ж., торһд, баһ цоохр, тэвкэхн, борлгуд.

ББК 81.2 (ЗРос=Калм)

К СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ АНТРОПОНИМОВ ЗАПАДНОМОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ*

А. Б. Лиджиев

Данная статья посвящена исследованию личных имен народов западномонгольского происхождения в сравнительно-историческом аспекте, выявлению особенностей их функционирования в настоящем и прошлом.

Ключевые слова: *ономастика, антропонимика, калмыки, ойраты, сарт-калмыки, калмыцкий именник, монгольские имена.*

This article is dedicated to investigation of west-mongolian origins personal names in comparative study, revealing of peculiarities of function, which use in past and present in language.

Keywords: *onomastics, anthroponomys, Kalmyk, Oirat, Sart-Kalmyk, Kalmyk personal names, Mongol names.*

Отечественная и зарубежная лингвистическая наука значительное внимание уделяет исследованию онимов¹ различного характера, представляющих собой значительный пласт лексической системы языка, которая в настоящее время приобретает все большую актуальность, о чем свидетельствует широкий интерес к проблемам антропонимики.

Калмыцкие и, шире, монгольские антропонимы нельзя считать неизученными, поскольку они были и остаются предметом исследований лингвистов. Одной из задач в этой области является выяснение происхождения и истории формирования имен.

Кроме того, антропонимы монгольских народов не только представляют собой уникальный языковой материал, но и являются историческим источником, ярким свидетельством развития культуры, эволюции мировоззрения монгольских народов. Они содержат разнообразную информацию как об исторических процессах, происходивших в обществе, так и об изменениях в бытовом укладе монгольских народов, о контактах с разными народами и племенами, живущими по соседству.

Настоящая статья посвящена исследованию эволюции проприальной лексики в сравнительно-историческом аспекте на материале антропонимов монгольских языков, выявлению особенностей их функционирования на различных этапах развития человеческого сообщества. Материалом послужили личные имена ойратов, проживающих на западе Монголии (далее ЗМ) и Синьцзян-Уйгурском автономном райо-

не Китайской Народной Республики (далее СУАР или СУАР КНР), калмыков России (далее К), а также сарт-калмыков (СК), ныне проживающих на территории Киргизии.

Исторически эти этнические общности являются близкородственными, о чем свидетельствуют языковые, культурные и исторические данные. В силу определенных исторических обстоятельств представители некогда единого этноса были разделены и в данный момент проживают на территории четырех разных государств. Калмыки живут в России, они пришли с территории Джунгарии, процесс перекочевки на данную территорию происходил, как известно, в конце XVI — начале XVII в.

Ойраты СУАР КНР в основном представлены этнической общностью торгутов, а также группами хошутов и дербетов. В 1771 г. в результате откочевки с территории Калмыцкого ханства основная часть представителей данной общности вернулась в Джунгарию, к тому моменту входившей уже в состав Цинской империи. Группы ойратов ЗМ, основу которых составляли дербеты, баиты и представители других небольших племенных сообществ (торгуты, захчины и др.), прикочевали из Джунгарии: они не откочевывали на территорию России. Сарт-калмыки, проживающие в Киргизии и считающие себя калмыками, заняли территорию, прилегающую к озеру Иссык-Куль во второй половине XIX в. На данный момент они проживают в четырех селениях и относятся, вероятно, к этнической общности элетов [2, с. 47–56]. Таким

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 09-04-36401 а/Ю, Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг.), подпрограммы «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтническом макрорегионе» по проекту «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика».

¹ Онимы — «слова или словосочетания, которые служат для именования, называния объекта, его выделения среди других объектов, его индивидуализации и идентификации» [1, с. 326].

образом, необходимо отметить, что связь между калмыками и ойратами СУАР КНР отсутствует на протяжении уже более 200 лет, а между калмыками и ойратами ЗМ — более 400 лет.

В работе использованы экспедиционные записи Ц.-Д. Номинханова, который находился в Убсунурском аймаке на западе Монголии зимой 1925 г. в течение трех месяцев. Его рукописи были опубликованы в Улан-Баторе в 2008 г. [3]. Кроме того, привлечена также его работа «Материалы по языку синьцзянских монголов (ойратов) КНР» (1935 г.), хранящаяся в архиве КИГИ РАН [4]. В качестве источника по именам калмыков Киргизии была использована книга Б. Мансурова на киргизском языке, в которой приводятся имена наиболее известных жителей четырех сел, где проживают сарт-калмыки [5]. По антропонимам ойратов СУАР КНР использовался полевой материал автора, при описании антропонимов калмыков России — статьи и монография М. У. Монраева [3; 7; 8; 9].

Наиболее изученными являются антропонимы калмыков, о чем свидетельствует достаточное количество научных публикаций. Список имен ойратов, составленный Ц.-Д. Номинхановым (92 мужских и 31 женское имя, отмеченные у дербетов, и 73 мужских и 16 женских имен, записанных у торгутов СУАР КНР), дополнен полевым материалом автора (61 мужское имя и 22 женских), содержащий также современные антропонимы СУАР КНР. Следует оговориться, что по сарт-калмыкам дается приблизительный список, состоящий примерно из 50 мужских имен и около 10 женских, поскольку не во всех случаях удастся выделить исконно ойратско-калмыцкие имена. По этой причине в ходе анализа имен, встретившихся у сарт-калмыков, не рассматривались антропонимы тюрко-монгольского происхождения, которые могли встречаться и среди тюрков, и среди монголов, например: *Болод, Батыр, Балык, Эркин, Садык, Тимур* и пр. Эти имена могли быть заимствованы и, возможно, не восходят к прежней тюрко-монгольской общности, поскольку, например, как у калмыков, так и у других ойратских народов именник содержит в достаточном количестве антропонимы немонгольского происхождения. Не принимаются во внимание имена: *Термч К, Термеч СК, Элэ К, Эли СК, Буурул К, Бурул СК*, происхождение и этимологию которых сложно установить, например: калм. *термч* 'мастер', 'изготовитель решеток юрты', кирг. *термеч* 'мелкое топливо'; калм. *элэ* 'коршун', кирг. *эли* 'ширина пальца' (мера длины); калм. *буурул* 'седина', 'седой' и кирг. *бурул* (досл.) 'хватит'¹.

Выборка имен калмыков СУАР недостаточно полная, поскольку Ц.-Д. Номинханов зафиксировал имена, которые ему встретились сначала в ЗМ

у дербетов, затем в СУАР КНР у торгутов, тогда как реальный именник является куда более богатым и обширным, что очевидно. Это же утверждение можно отнести и к сарт-калмыкам Киргизии, поскольку в прошлом именник, вероятно, не составлялся, а современные имена сарт-калмыков в основном являются мусульманскими и тюркскими по своему происхождению, поэтому выборка материала исследования производилась из сохранившихся имен и фамилий монгольского происхождения, которые образованы путем патронимии.

Наибольшее количество совпадений обнаруживается среди антропонимов, встречающихся у калмыков и ойратов ЗМ и СУАР. Различия между ними носят минимальный характер: они в основном связаны с правилами их написания и фиксации, что в свою очередь обусловлено фонетическими законами. Калмыки не отмечают на письме редуцированных гласных, что приводит к скоплению согласных в написании слова. Имеется сходство антропонимов, встретившихся только среди калмыков и сарт-калмыков Киргизии, где также отмечается дифференциация в фиксации имен. Например, имя *Зоорхон* у сарт-калмыков с долгим *о*, тогда как в других языках: калм. *зорхн*, монг. *дорхон*, бур. *доргон* 'барсу́к'. Подобная долгота, вероятно, допустима для определенного говора, поскольку Э. Р. Тенишев приводит некоторые лексические единицы сарт-калмыков с долготой в первом слоге, например: *а́ччы* 'внук', 'внучка', а в других монгольских языках она отсутствует (калм. *ач*, монг. *ач*, п.-монг. *а́й* и т. д. [10, с. 83–84].

Распространенным именем среди монгольских народов является *Жирһл К, Жиргл* СУАР, *Жыргал* СК, которое не обнаружено у дербетов ЗМ. Возможно, что данное имя бытует среди дербетов, поскольку распространено у всех монгольских народов. Интересно, что этот антропоним был заимствован киргизами и встречается в форме *Жыргал*, а также в сложных формах *Жыргалбүбү, Жыргалбек* и пр.

Среди калмыков и ойратов ЗМ и СУАР КНР в большом количестве встречаются имена тибетского происхождения, которые также по-разному пишутся: *Пүрвэ К, Пурве* ЗМ, *Пүрв* СУАР 'четверг', *Үрүвжр К, Эребджюр* ЗМ, *Үрүбжр* СУАР 'самый прочный' и др. Встречается в ойрат-калмыцких антропонимах онимические кальки, например, *Утнасун* (ср. тиб. *Церен*).

Однако среди исследованных антропонимов сарт-калмыков отсутствуют тибетские имена и, соответственно, имена буддийского происхождения. Исключением является лишь одно имя — *Басын* 'пятница', 'Венера', калм. *Басң*, монг. *Баасан*,

¹ Имя *Бурул* давали в семьях, где рождались одни девочки (в значении «хватит рожаться девочкам»).

Басан, а встретившееся имя *Батма*, возможно, является киргизским [11, с. 444] и лишь совпадает по своему звуковому облику с монгольским (ср. из санскрита — *Падма*). У сарт-калмыков также можно встретить сложносоставные имена, которые характерны для других групп монгольских народов: *Батмөнкө* (*бат* ‘твердый, крепкий’, *мөнкө* ‘вечно’, ‘вечный’); *Санбайыр* (*сайн* (калм. *сэн*) ‘хороший’, *байр* ‘радость’); *Насымбат* (*насн* ‘возраст’, ‘годы’, ‘лета’); *Төрбат* (*төр* ‘государство’, ‘держава’, ‘власть’), а также в фамилиях, происходящих от таких имен, например: *Өлзөбат* от *Улжоватов* и *Олжоватов* (*өлзө* ‘счастье, благоденствие’).

Гендерное разделение имен у калмыков отсутствовало (имена традиционно не разделялись на мужские и женские), на что указывали М. У. Монраев («В прошлом трудно было разграничивать калмыцкие мужские и женские имена» [6, с. 22]) и А. М. Позднеев («женские имена у монголов в сущности несколько не должны разниться от мужских и действительно почти не разнятся от них» [цит. по: 6, с. 22]). Тем не менее Ц.-Д. Номинханов в своих работах приводит имена мужчин и женщин раздельно. Гендерное разделение имен у калмыков и ойратов ЗМ и СУАР, очевидно, относится ко второй половине XX в. поэтому можно утверждать, что в прошлом любое имя могло быть использовано при наречении и мужчин, и женщин. К исключениям в этом ряду, вероятно, относятся имена, несущие религиозную семантику, как, например, у калмыков и ойратов СУАР имя *Манжэ*, у ойратов ЗМ *Банди*, у калмыков оно может бытовать в форме *Панди*. Этими именами женщин не называли. В настоящее время именем *Бадма* у калмыков чаще нарекаются мальчики, тогда как ойраты ЗМ и СУАР, а также монголы обычно дают его девочкам.

Калмыки и ойраты для образования имени используют различные основы: *Одн* К ‘звезда’, *Одницецг* СУАР (‘звезда’ + *цецг* ‘цветок’), *Сувсн* К, *Сувсн*, *Сувса* СУАР ‘жемчуг’, *Шурта* К, *Шурта* СУАР ‘коралл’. Кроме того, часто используются зоофорные антропонимы, о чем свидетельствуют имена, встретившиеся во всех исследуемых группах: *Булһн* К, *Булган* СУАР ‘соболь’, *Девэлэ* К, *Девяля* ЗМ ‘зайчонок, родившийся летом’, *Ноһала* К, *Ногаля* ЗМ, *Ногала* СУАР ‘зайчонок, родившийся весной’, *Зорхн* К, *Зоорхан* СК ‘барсук’. В качестве зоофорных имен использовались названия домашних животных: *Дааһн* К, *Даган* ЗМ, *Дааһн* СУАР ‘двухгодовалый жеребенок’, *Унһн* К, *Унган* ЗМ ‘жеребенок’, *Тек* К, *Текэ* СУАР, *Теке* СК козел, *Мөрн* К, *Мөрн* СУАР ‘лошадь’, *Му-ноха* СУАР ‘плохая собака’, *Ноха* К, *Ноха* ЗМ ‘собака’, *Яман* К, *Иман* СК ‘коза’.

В качестве источников для образования антропонимов используют названия птиц (*Бүргд* К,

Бюргид ЗМ, *Бүргд* СУАР ‘орел’, *Йотун* К, *Лотн* ЗМ ‘куропатка’, *Хари́ха* К, *Хари́ха* ЗМ, *Хари́ха* СУАР ‘ястреб’, *Хорһлда* К, *Корголдой* СК ‘трясогузка’), а также можно обнаружить *Хорха* К, *Хорха* ЗМ ‘червяк’ и фитофорные имена *Цецг* К, *Цецг* СУАР ‘цветок’.

Антропонимы часто образуются от числительных, отмеченные во всех исследуемых группах: *Тэвнтэ* К, *Тявинтя* ЗМ, *Тявинтя* СУАР, *Тявинтя* СК (*тавин* ‘пятьдесят’ + формант *-та*), *Жи́ринтэ* К, *Джи́ринта* ЗМ, *Жи́ринта* СУАР (*жирин* ‘шестьдесят’ + *та*), *Далнта* К, *Даланта* ЗМ, *Далнта* СУАР (*далн* ‘семьдесят’ + *та*), *Найнта* К, *Найнта* ЗМ, *Наинта* СУАР (*найн* ‘восемьдесят’ + *та*).

Калмыки в качестве имен часто используют этнонимы или родовые названия: калм. *Иитг* ‘башкир’; калм. *Манһт* ‘татарин’, хотя в бурятском языке слово *мангад* означает фольк. ‘русский’, например, *мангад соол* ‘русская печь’, в калмыцком встречается устаревшая разговорная форма *шар мангт* ‘русский’; калм. *Орс* ‘русский’; калм. *Хасг* ‘казах’; калм. *Серкиш* ‘черкес’; калм. *Теленгт* ‘теленгут’, калм. *Эрмели* ‘армянин’, калм. *Парнцуз* ‘француз’ и др. Подобное можно обнаружить, например, у ойратов СУАР: *Монгол* СУАР, *Орос* СУАР.

В незначительном количестве во всех исследованных группах представлены имена, которые начинаются на *р* и *л*. Основная часть таких имен является заимствованиями из тибетского языка: монг. *Лхагва*, калм. *Лавга* и др. Имена, не встречающиеся у калмыков, присутствуют у других ойратских народов, например, у дербетов МНР — *Лхамджаб*, *Лхамсюрюн* — и у торгутов СУАР КНР — *Ламжэв*, *Ламсүрн* и др. С другой стороны, необходимо отметить, что есть ряд имен на *л*, встречающихся только среди волжских калмыков. Например, одно из распространенных калмыцких имен в прошлом *Ли́жэ*, впоследствии ставшее по патронимической модели фамилией *Лиджиев*, у бурят и монголов не встречается [6, с. 16].

Для калмыков не характерны сложносоставные имена, встретившиеся, например, у дербетов КНР — *Төр-Бата*, *Баин-Зула*; у торгутов СУАР КНР — *Байн-бююр*, *Нацак-Дорж*, *Олн-Бат*, *Чолун-Бат*; у сарт-калмыков *Санбайыр*, *Насымбат*, *Төрбат*, *Улжэбат*. Хотя у калмыков имеется достаточное количество имен с компонентом *бат* или *бата*, например *Бат-Манжэ*, *Бат-Мөңкэ*, *Бат-Насн* и др., но сочетание *Төр-Бат* не было отмечено.

Сложносоставные имена у калмыков чаще встречаются в таких этнических группах, как хошуты и торгуты. Так, например, М. У. Монраев отмечает, что для воинов-хошут, участвовавших в войне 1812 г., «характерны сложные имена типа

Бадма-Халга, Церен-Убуш, Церен-Надбит, которые не свойственны для воинов Дербетского полка» [6, с. 20].

Женские сложные имена у калмыков России встречаются реже, чем мужские, тогда как у ойратов ЗМ и КНР такие имена распространены: *Хара-толга* ЗМ, *Цаган-кювюн* ЗМ, *Алтн-цецг* СУАР, *Буйнделгр* СУАР, *Мёнгнцег* СУАР, *Мөңк-Жиргал* СУАР, *Однцег* СУАР, *Урунчимг* СУАР, *Цаһаан-хаалга* СУАР, *Юадм-делгр* СУАР.

У калмыков потенциально любое слово могло быть именем. Поскольку выбор имени обычно мотивирован определенными обстоятельствами и событиями, при наречении использовались самые разнообразные имена. Кроме звукоподражательных слов, как отмечает М.У. Монраев, все остальные лексические единицы могут быть именами собственными [6, с. 36].

Итак, антропонимическая система ойратов и калмыков, в данный момент географически не связанных, является типологической и унаследованной, а не приобретенной в результате языковых контактов. В процессе своего развития антропонимическая система монгольских народов подвергалась различным влияниям, поскольку можно обнаружить различные пласты антропонимических заимствований (тюркских, тунгусо-маньчжурских, китайских). На более позднем этапе отмечено значительное влияние буддизма, а в новейшее время все исследуемые группы испытывали значительное влияние окружающего национального большинства. Так, именник калмыков пополнился значительным количеством русских, православных, или христианских, европейских имен. Система имен торговцев КНР испытала влияние китайской антропонимической системы, а дербеты Монголии — монгольской системы имен-наречения. Что касается калмыков Иссык-Куля, то данная этническая группа полностью использует заимствованные имена с небольшими монгольскими включениями.

У калмыков и бурят русские имена составляют значительный пласт антропонимикона. И те, и другие, находясь в составе Российской империи, сохраняли практически в неизменном виде свой именник до начала XX в., но после Октябрьской революции 1917 г. их именники испытали огромное влияние русской антропонимической системы. У монголов и ойратов КНР русские имена, конечно, не встречаются. Монголы Автономного района Внутренней Монголии (далее АРВМ) КНР, и ойраты СУАР КНР испытали влияние китайской антропонимической системы. Так, среди них встречаются следующие имена: монг. *Сяо-Хунг* 'маленькая красная', ойрат. *Хунг-Мэй* 'красная вишня', ойрат. *Дунг-Хуи* 'зимний цветок'. По данным, полученным от информанта, среди монголов АРВМ КНР китайские имена составляют значи-

тельный процент именника, а среди ойратов СУАР китайские имена давали преимущественно в период культурной революции, а тенденция их возвращения к национальным именам четко обозначилась во второй половине 80-х гг. XX в. [ПМА].

Среди монголов встречаются имена русского происхождения в единичных случаях, например *Пеодор*, *Пуйдор* 'Федор или Петр', *Андрей*, *Саандр* 'Александр' [12, с. 18].

Между тем возрождение веры и традиций буддийской церкви у калмыков возвращает их к обряду наречения детей. Выбор имени осуществляется с учетом буддийской астрологической традиции и наполняется особым религиозным содержанием. Отмечена также тенденция, когда имена даются в честь старших родственников по отцовской или материнской линии; в честь человека, сыгравшего значимую роль в судьбе кого-либо из членов семьи; в честь известного или популярного человека; в силу личного вкусового предпочтения или личной положительной оценки звуковой оболочки имени; в силу оригинальности имени — в сопоставлении с именами, популярными в недавнем прошлом или с обычными для калмыцкого именника, — что раньше не отмечалось.

Таким образом, в исследованиях антропонимической системы установлена бесспорная близость личных ойратских и калмыцких имен. Это обусловлено одинаковыми условиями быта калмыков РФ и Киргизии, ойратов ЗМ и СУАР КНР как в далеком прошлом, так и сравнительно недавно, что обусловило общие черты в антропонимике. В то же время необходимо отметить, что на современном этапе некогда близкородственная система антропонимов имеет бесспорные и значительные отличия каждого из исследуемых народов, поскольку номинация лиц всегда подвергалась влиянию времени, являлась данью обычаям и моде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эмирова А. М. Избранные научные работы. Симферополь, 2008. 366 с.
2. Бурдуков А. В. Каракольские калмыки (сарт-калмыки) // Советская этнография. 1935. № 6. С. 47–56.
3. Номинханов Ц.-Д. Баруун монголын дөрвөдийн зан үйлийн аман зохиолоос. I–III дэвтэр, I боть. Улаанбаатар, 2008. 216 с.
4. Номинханов Ц.-Д. Материалы по языку Синьцзянских монголов (ойратов) КНР. 1935 г. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед.хр. 9.
5. Мансуров Б. Инсандар дөөлөтү: Даректүү өмүр баян жыйнагы. Бишкек: 2004. 384 с.
6. Монраев М. У. Калмыцкие личные имена: семантика. Изд. 2-е, переб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 224 с.
7. Монраев М. У. Некоторые вопросы калмыцкой антропонимии // Ономастика Поволжья: материалы II Поволжской конференции по ономастике. Вып. 2. Горький, 1971. С. 63–69.

8. Монраев М. У. Эпос «Джангар» и современная калмыцкая антропонимика // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрско-монгольских народов: тезисы докладов. М.: Наука, 1980. С. 371–374.
9. Монраев М. У. Проблемы современной калмыцкой антропонимии: автореф. дисс. на соиск. ученой степени д-ра филол. наук. М., 1999. 45 с.
10. Тенишев Э. Р. О языке калмыков Иссык-куля // Вопросы языкознания. № 1. 1976. С. 82–87.

11. Киргизско-русский словарь. В 2-х кн. Фрунзе, 1985. Кн. 2. 475 с.
12. Батчулуун Д. Номинация в культуре: монгольская антропонимия конца XIX — начала XX веков // Мир науки, культуры, образования. 2009, № 4. С. 18–19.

ПОЛЕВОЙ МАТЕРИАЛ АВТОРА

Информант Осорин Утнаш, 1964 г. р., м. р. — пос. Тавилхат района Хар-Усн Синцзян-Уйгурского Автономного района КНР, торгунка.

ББК 81.23

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМИКОНА ПРОЗЫ К. ЭРЕНДЖЕНОВА)

Э. У. Омакаева, Н. Ч. Очирова

Статья посвящена выявлению особенностей и определению принципов классификации и номинации географических имен в прозе калмыцкого писателя К. Эрендженова. Проведенный анализ позволяет авторам сделать вывод о своеобразии топонимикона художественного текста, топонимической языковой картины мира калмыков в целом.

Ключевые слова: художественный текст, имя собственное, принципы классификации, особенности, виды онимов и топонимов, проза К. Эрендженова.

The article is devoted to revealing peculiarities and definition of principles of classification and nomination of the proper names in the Erendzhenov's prose. The analysis allows authors to draw a conclusion about originality of toponimikon of art text and of the worldview of the Kalmyks on the whole.

Keywords: art text, proper name, principles of classification, peculiarities, kinds of onims and toponims, the Erendzhenov's prose.

Ономастика как наука в зависимости от типа изучаемых имен подразделяется, как известно, на частные области, среди которых наиболее изученными как в калмыцком языкознании, так и в русистике, являются антропонимика [1] и особенно — топонимика [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Так, топонимы Калмыкии рассматривались в работах лингвистов В. Э. Очир-Гаряева [2], М. У. Монраева, Т. С. Есеновой [8], Н. А. Кичиковой [3; 4; 5; 6; 7] и др. Появилось и диссертационное исследование В. Н. Хонинова по калмыцким топонимам соседних регионов, в частности, Астраханской области [9]. Менее изученными разрядами являются космонимы (названия зон и частей космического пространства, названия созвездий) и астронимы (названия небесных тел — звезд и планет), рассмотренные Э. У. Омакаевой [10; 11; 12] и др.

К сожалению, имена собственные в художественных произведениях калмыцких писателей еще не были объектом специального лингвистического исследования. Между тем калмыцкая художественная литература исключительно богата практически всеми разрядами онимической лексики: антропонимами, топонимами, космонимами, астронимами, зоонимами, теонимами, мифонимами и т. д. Вряд ли можно говорить о целостном анализе творчества писателя, о его авторской

индивидуальности без учета языковых, в частности лексических, особенностей произведений.

Словоупотребление писателя составляет основу его семантико-стилистической системы, при этом имя собственное относится к наиболее выразительным, ярким и специфическим элементам стиля. Изучение имени собственного как важнейшего стилеобразующего элемента текста предусматривает исследование структурной организации ономастического пространства, принципов и способов номинации персонажей, географических объектов, стилистических функций онимов, их ассоциативных связей, соотношенных с реализацией конкретного образа, позицией автора.

Особенно актуальным является исследование поэтического ономастикона таких прозаических произведений, которые имеют историческую ценность. Произведения К. Эрендженова направлены на воспитание подрастающего поколения, формирование духовных и нравственных ценностей и максимально приближены к жизни простого человека (охотника, скотовода), его внутреннему миру.

В ряду этих произведений особо выделяются повести «Дууч шар хөөч» (Песнь чабана), «Аңһучин көвүн» (Сын охотника), роман «Һалан хадһл» (Береги огонь) в двух книгах, в которых от-

ражена во всем многообразии реальная жизнь калмыков в определенный исторический период.

Повесть «Дууч шар хөөч» была написана в 1932 г., в 60-е гг. того же столетия писатель возвращается к ранее созданной довоенной повести, значительно углубляет и дополняет ее. В результате большой работы повесть перерастает в роман «Һалан хадһл» в двух книгах (первая издана в 1963 г., вторая — в 1965 г.), написанный простым и живым языком, чему, несомненно, способствовало прекрасное знание автором национальной культуры, кочевого уклада, традиционного быта своего народа.

Создавая обобщенную картину эпохи в романе, К. Эрэндженов во многом исходил из собственного жизненного опыта. Здесь глубже, чем в повести, раскрывается жизнь простого народа в начале прошлого века, психология людей того времени. Проследивая жизненный путь и духовное становление главного героя Баты, мы видим, как закаляется его характер под влиянием исторических событий, жизненных коллизий. В опубликованной в 1976 г. повести К. Эрэндженова «Аңһучин көвүн» через образ Мергена раскрывается судьба сына охотника, с детства впитавшего в себя запах родной степи, древние традиции и обычаи предков, воспитанного в духе патриотизма и любви к своему народу.

Эти произведения в большей степени анализировались в литературоведческом плане, нежели с точки зрения языка. Тем не менее яркий, красочный язык писателя не мог остаться незамеченным. Впервые анализ некоторых особенностей языка и стиля писателя дан А. Ш. Кичиковым в обстоятельной статье на калмыцком языке [13].

Лексическая структура эрэндженовской прозы, в частности ее топонимикон, практически не изучены, несмотря на большую востребованность таких исследований, поскольку топонимы представляют большой интерес и в плане ономастики в целом, и с точки зрения лингвистики текста, и в контексте идиостиля писателя.

Все они образуют ономастическое пространство художественного текста, которое в зависимости от специфики их значения делится на несколько полей, среди которых наиболее разветвленным в эрэндженовской прозе является топонимическое поле.

Топонимический материал в произведениях К. Эрэндженова составляют в общей сложности 90 единиц: 34 ойконима, 16 оронимов; 21 гидроним; 19 микропонимов. Следует отметить, что анализируемый топонимикон включает только реальные географические названия, основной функцией которых является создание пространственности, достоверного фона для изображаемых событий. К. Эрэндженов в рассматриваемых нами произведениях ввел назва-

ния многих географических объектов своего родного края (Бага-Чоноса), что лишний раз подтверждает любовь и привязанность поэта к своей малой родине. Это топонимия современного Целинного района и части Яшкульского и Кетченеровского районов.

По характеру географических объектов нами выделены в анализируемых текстах следующие основные виды топонимов: ойконимы (от греческого «*oikos*» 'дом, жилище') — названия населенных пунктов; гидронимы (от греческого «*hydor*» 'вода') — названия водных объектов; оронимы (от греческого «*oros*» 'гора') — названия особенностей рельефа.

Деление географических объектов на крупные (и, следовательно, широко известные) и мелкие (известные ограниченному количеству людей, живущих на определенной территории) — реальный экстралингвистический факт. Поэтому величина, формат объектов позволяют нам говорить о трех ярусах топонимии. Это макротопонимия — названия крупных природных или созданных человеком объектов и политико-административных объединений; собственно топонимия и микропонимия — индивидуализированные названия малых географических объектов, местного ландшафта (оврагов, колодцев, урочищ и т. п.). Макротопонимия, объединяя названия крупных географических объектов и комплексов, а также политико-административных единиц, не имеет в прозе К. Эрэндженова столь широкой сферы функционирования, как собственно топонимия и микропонимия.

Топонимы, как пишет В. А. Никонов, «красноречиво свидетельствуют о языке тех, кто их дал. А так как они прикреплены к месту, то по ним можно восстановить древний язык на определенной территории и очертить границы распространения его. Для большинства языков географические названия старше письменных памятников...» [14, с. 37].

Среди собственно топонимов нас, прежде всего, интересуют ойконимы.

Выявленный из произведений К. Эрэндженова материал позволяет охарактеризовать принципы номинации ойконимов. Анализируемые ойконимы были разделены на две группы: ойконимы, образованные от имен собственных, и ойконимы, образованные от имен нарицательных.

Самой многочисленной оказалась группа ойконимов, образованных от имен собственных. Внутри нее мы выделяем три подгруппы: 1) ойконимы, образованные от антропонимов; 2) ойконимы, образованные от этнонимов; 3) ойконимы, образованные от гидронимов.

Больше всего ойконимов образовано от этнонимов и антропонимов — личных имен, фамилий или прозвищ людей.

Рассмотрим отантропонимические ойконимы, образованные по модели: антропоним в род. п. + географический термин (*хотн*, *куутр*, *нутг*).

1. *Булгун-сала хотн*. Название села происходит от антропонима: «Сторожила села увязывают название Булгун-сала с именем молодой женщины, сестры зайсанга. Обычно она с провожатыми приезжала в хурул Джембин. Однажды ее лошадь испугалась и понесла. Булгун удержалась в седле, но потеряла шапку. После этого балку стали называть ее именем» [15, с. 6].

Однако существует и другая версия происхождения ойконима: «Название происходит от существительного *булг* ‘родник’ (*Булгин-сала* ‘Родниковая балка’), а не от собственного имени *Булгун* ‘Соболиная’, т. к. это место славилось своими родниками» [16, с. 49].

2. *Соктун куутр* — от антропонима *Сокту* (*Согту*).

3. *Жимгнэ куутр* — от антропонима *Жимгн*.

4. *Сэмбр куутр* — от антропонима *Сэмбр*.

5. *Шорвин нутг* — от антропонима *Шорв*.

6. *Анжсан хотн* — от антропонима *Анжса*.

Рассмотрим отэтнонимические ойконимы — однокомпонентные и двухкомпонентные, образованные по модели: этноним (в форме основы или в род. п.) + термин *ээмг*.

1. *Хавчн ээмг* — аймак Хапчины.

2. *Хашхнр ээмг* — аймак Хашханеры (пос. Верхний Яшкуль).

3. *Баһ-Чонса ээмг* — аймак Бага-Чонос. Этот аймак «является крупной частью древнего этноса Чинос, распавшегося на современные аймаки: Ики Чонос (пос. Ленинский), Бага-Чонос, Шарнут-Чонос (Сарпинский район), так называемый 1-й Чонос и 2-й Чонос бывшего Большедербетовского улуса, казачью сотню Чонос на Дону, сотню Бембяхн на Дону, Бергяс-Чонос в составе Дунд хурула (Малодербетовский район). Все эти аймаки в далеком прошлом представляли единый этнический массив, кочуя на протяжении веков по Иртышу» [15, с. 126].

4. *Найнтахн* — пос. Прудовый. По поводу происхождения данного ойконима существует легенда: «Ради сохранения и продолжения рода один богатый старик женился на красивой, умной девушке из далекого улуса. Через некоторое время у них родился сын, которого назвали Найнтахн (от найн «восемьдесят»), в честь того, что он родился в год восьмидесятилетия отца. От детей этого мальчика пошел род Найинтакины» [17, с. 186].

5. *Богдахна ээмг* — аймак Богдахины (сейчас пос. Хар-Булук — Прозрачный родник). Аймак основан в 60-е гг. XIX в. тремя братьями из рода Богдахин — Мамуд, Бамбуд и Дангла. Существуют две версии происхождения этнонима, давшего название ойкониму. Первая легенда

гласит: «В 1681 г. с благословения Далай-ламы V в Тибете был основан монастырь «Раши Лхунбо», который был перевезен в Калмыкию ханом Аюкой и дербетским нойоном Менке Темуром. До начала 20-го столетия в хуруле хранились грамоты Далай-ламы V и Панчен-ламы II, субурган со святыми мощами, одеяние Далай-ламы, буддийские танки. Храм назывался «Богдо Далай-ламин ик хурл», и поэтому калмыцкий род, на землях которого он находился, стал называться *Богдахн*» [7, с. 210].

Есть и другая версия происхождения этнонима-ойконима: «В конце XIX и в начале XX веков дважды совершил паломничество в Тибет лама Пурдаш-багш. На аудиенции Далай-лама вручил ему статуэтку Богдо-Гегяна и сказал, что род ваш будет называться *Богдахн*. По возвращению домой Пурдаш-багш посадил на Хамуре семена тополя. Тополь, который получил название Одинокый, растет и в наши дни, ему более ста лет» [15, с. 210].

6. *Келькд* — пос. Чагорта. Поселок Келькеты возник в конце XIX в. По преданию, его основали трое братьев из рода келькд.

7. *Баһ Дөрвд* — Малые Дербеты (Малодербетовский район).

8. *Ик Цоохр* — Ики Цохуры (Яшкульский район).

9. *Баһ-Чонс* — Бага-Чонос.

10. *Ик-Чонс* — Ики-Чонос.

Группа ойконимов, образованных от апеллятивов, подразделяется на две подгруппы: ойконимы, отражающие естественные особенности объекта, и ойконимы, отражающие особенности человеческой деятельности.

В первой подгруппе нами выделяется несколько разновидностей в зависимости от признака, положенного в основу названия:

1) рельефоокружающей местности: *МанцинКец* (гидроним *Манц* ‘горький, горько-соленый’ + *кец* ‘склон’) — населенный пункт, расположенный на реке Маныч;

2) представители фауны данной местности: *Ялмта хотн* — пос. Ялмата (от названия балки *Ялмта* — место обитания тушканчиков);

3) особенности растительности в окрестностях населенного пункта: *Көглт* (от *көгл* ‘терновник’) — Кегульта ‘Терновая’; *Бурат* (от *бура* ‘лоза’) — Бурата ‘Лозовая’; *Уласт* (от *уласн* ‘тополь’) — Уласта ‘Тополевая’ и др.

С точки зрения структуры выделяются простые и сложные ойконимы. Простые ойконимы представлены в основном именем в форме основы или образованы путем присоединения к основе суффикса *-та/-тэ (-т)* с семантикой обладания.

1. *Оват хотн* — пос. Овата (от *ова* ‘насыпь из камней’). О происхождении ойконима существует легенда: «Однажды во время путешествия Белая Тара и Зеленая Тара из легендарной страны богов

Шамбалы (Гималаи) решили отдохнуть и спустились на землю. На том месте забил родник и выросли деревья. В честь этого события был проведен обряд *Ова тэклън*. С того самого времени местность носит название Овата» [7, с. 197].

2. *Адг хотн* — пос. Адык (от *адг* ‘конец’, ‘устье’).

3. *Шатт хотн* — пос. Шатта (от *шат* ‘сруб’ (колодца));

4. *Чилгр хотн* — пос. Чилгир (от *чилгр* ‘ясный’, ‘безоблачный’).

5. *Утт* — пос. Утта (от *ут* ‘длинный’).

6. *Гоожур хотн* — пос. Годжур (от *гоожж* ‘течь, литься’ (о жидкости), отсюда *гоожур* ‘ручеек’).

Сложные ойконимы, состоящие из нескольких компонентов, образуются путем соединения существительного с именем прилагательным и прилагательного с числительным.

1. *Цаһан Усн хотн* — хотон Цаган Усун ‘Белые воды’ (‘Беловодье’). Изначально Цаган Усун была обширной заливной низиной, конечным участком балки-речки Бурата, проходящей через Балзрык (Малзрык). Позже здесь был создан совхоз с одноименным названием. Компонент *цаһан* ‘белый’ в названии указывает на цветовой оттенок лиманов из-за обилия ковыля [18, с. 68].

2. *Хар Һазра Һэмг* — аймак Черные земли.

3. *Улан-Эрг хотн* — хотон Улан-Эрге ‘Красный яр’.

4. *Хар Булг хотн* — хотон Хар Булук ‘Прозрачный родник’. Эта местность богата родниками.

5. *Тавн Гашун* ‘Таван Гашун’ центральная усадьба одноименного совхоза, это название позднее и, по мнению Ц.К. Корсункиева, искаженное (с 1950-х гг.). В 30-х гг. XIX в. по указанию гелюнга Джантова (Джанчува) были выкопаны колодцы-копани. Эти колодцы с горькой водой, и весь участок получили название Джантован Гашун. В 60-е гг. XIX в. первая часть имени *Джан* вышла из употребления, но осталась вторая его часть *Тован*, которая и вошла в полное название Тован Гашун. В 1959 г. был образован совхоз Таван Гашунский, в названии которого первый компонент был искажен и образовался топоним Таван Гашун ‘Пять колодцев с горькой водой’ [18, с. 65].

Многие калмыцкие населенные пункты в середине XX в. были переименованы: например, *Найнтахн* (Найнтакины) — пос. Прудовый; *Баһ-Чонс* (Бага-Чонос) — пос. Балковский; *Ик-Чонс* (Ики-Чонос) — пос. Ленинский. В постсоветское время старые названия были возвращены, но некоторые ойконимы пока можно встретить только в исторических документах и на страницах художественных произведений: *Келькд* — пос. Чагорта; *Хаишһр* — пос. Верхний Яшкуль; *Курлтэ* — с. Вознесеновка (от названия церкви Вознесения); *Аршан-булг* — пос. Западный и т. д.

Таким образом, в результате проведенного лексико-семантического анализа ойконимов было установлено, что преобладающее большинство названий образовано от имен собственных, в частности от этнонимов и антропонимов.

Итак, значительную часть ономастического пространства эрендженовской прозы составляют топонимы. Проведенный анализ литературных топонимов показал, что данный топонимический материал, с одной стороны, отражает общие закономерности номинации географических объектов, с другой — он имеет ряд существенных особенностей, связанных, в частности, с проблемами экстралингвистического характера. Общеязыковая система дает писателю свои модели в соответствии с хронотопом и социальным ландшафтом художественного произведения.

Лингвистическое исследование топонимов в прозе К. Эрендженова позволило установить, что они содержат важную экстралингвистическую информацию исторического, социального, политического и культурного характера и восходят к древним пластам лексического состава языка. Имена собственные наделяются автором богатством и разнообразием ассоциативных связей, которые раскрываются в контексте произведения. Калмыки в прошлом вели полукочевой образ жизни, поэтому хозяйственный уклад, ландшафт и быт номада-скотовода предопределили характер местной топонимии и географической терминологии в целом. В географических названиях нашли отражение те предметы и явления, которые служили ориентирами во время перекочевков.

В то же время анализ только литературной ономастики без учета специфики художественного текста малоэффективен. Рассмотренные нами топонимы участвуют в создании образности литературного произведения, развертывании его основных тем и мотивов, формировании художественного хронотопа (времени и пространства), передаче не только содержательно-фактической, но и подтекстовой, интертекстуальной информации, способствуя раскрытию идейно-эстетического содержания текста, зачастую выявляя его скрытые смыслы.

Таким образом, обилие топонимов, которые являются здесь необходимыми элементами повествования, порой просто локализуя события, а порой выполняя и особые функции, обнаруживает их ведущую роль в реализации авторской картины мира.

Представление о литературном ономастическом пространстве будет также неполным без исследования всех его сегментов, в том числе и их функций в организации поэтического ономастикона. Исследование топонимов, использованных в текстах, показало, что они, как и поэтические антропонимы, принимают непосредственное уча-

ствие в формировании стилистической структуры художественных текстов.

Специфика образно-художественного осмысления слова сказывается и на функциях имен собственных, включенных в состав литературного произведения. В художественном тексте они подвергаются функциональной перестройке, и главной функцией становится не столько номинативная, сколько иллюзионизирующая функция, т. е. функция создания и поддержания иллюзии реальности вымышленного мира [19, с. 130].

Наиболее ярко иллюзионизирующая функция онимов произведения проявляется в именах и названиях, взятых из ономастикона современного калмыцкого языка и предыдущих эпох. Введение данных онимов в ткань повествования убеждает читателя в реальности всего остального.

Имена собственные в художественной речи, в отличие от обычной речевой коммуникации, совмещают, как показал анализ, дифференцирующую функцию с эстетической, изобразительной функцией. Такие признаки, как статичность, замкнутость и антропоцентричность, позволяют рассматривать ономастикон, в том числе топонимикон художественного текста как самостоятельное, автономно функционирующее явление, в котором значительна роль автора произведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Эрнжэнэ К. Халан хадһл. 1-гч дегтр. Элст: Хальмг госиздат, 1963.
2. Эрнжэнэ К. Халан хадһл. 2-гч дегтр. Элст: Хальмг госиздат, 1965.
3. Эрнжэнэ К. Анһучин көвүн. Элст: Хальмг госиздат, 1976.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 224 с.
2. Очир-Гаряев В. Э. Географическая среда и географическая терминология (Проблемы взаимосвязи) // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: Госкомитет КАССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 1981. С. 141–147.
3. Кичикова Н. А. Топонимия Республики Калмыкия на современном этапе // Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе: материалы Рос. науч.-практ. конф. (Элиста, 12–13 янв. 2007 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С. 225–226.
4. Кичикова Н. А. Структурно-словообразовательный анализ ойконимов Республики Калмыкия // Русский язык в полиэтнической среде: проблемы и перспективы: материалы Междунар. научно-практ. конф.,

- Элиста, 29–30 нояб. 2007 г. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. С. 79–80.
5. Кичикова Н. А. Ойконимы русского происхождения на территории Республики Калмыкия // Русская речь в инонациональном окружении: сб. науч. тр. / Калм. гос. ун-т. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. Вып. 4. С. 120–126.
6. Кичикова Н. А. Русские топонимы на территории Республики Калмыкия (на примере ойконимов) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2007. С. 244–252.
7. Кичикова Н. А. Ойконимы калмыцкого происхождения // Реальность этноса. Образование и гуманитарные технологии интеграции этнической, этнорегиональной и гражданской идентичности: материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 8–11 апр. 2008 г. СПб.: Астерион, 2008. С. 233–237.
8. Есенова Т. С. Официальные и неофициальные номинации объектов пространственной ориентации малых городов (На примере г. Элисты) // Проблемы региональной ономастики: Матер. 2-ой межвуз. науч.-практ. конф. Майкоп, 2000. С. 93–98.
9. Хонинов В. Н. Калмыцкие топонимы в Астраханской области (семантика и структура): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т языкознания. М., 2005. 17 с.
10. Омакаева Э. У. Культ созвездий и планет у монголов // Этнокультурная лексика монгольских языков. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1994. С. 44–50.
11. Омакаева Э. У. Культ небесных светил у калмыков // I Международная конференция «Традиционные культуры и среда обитания». М., 1993. С. 150–153.
12. Омакаева Э. У., Бадгаев Н. Б. Тюркская и монгольская космогония // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Казань, 1997. Т. 3. С. 120–121.
13. Кичиков А. Ш. Герлтсн үгин төлө. Элиста, 1963. 80 с.
14. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 255 с.
15. Башанкаев В. А., Папуев В. Б. Целинный район (Юбилейное издание). Элиста: НПП «Джангар», 2008. 248 с.
16. Борисенко И. В. Топонимия Ергеней // Ономастика Калмыкии. Элиста: Респ. типография Калм. АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 1983. С. 35–51.
17. Басаев Д. Э. Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
18. Корсункиев Ц. К. Топонимия Яшкульского района // Ономастика Калмыкии. Элиста: Респ. типография Калм. АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 1983. С. 57–72.
19. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М.: Акад. гуманит. исслед., 2005. 224 с.

СИМВОЛИКА ЦЕНТРА В ОПИСАНИИ ЭПИЧЕСКОЙ ДЕРЖАВЫ (ДВОРЕЦ ВЛАСТИТЕЛЯ, МИРОВАЯ ГОРА)

Б. Б. Манджиева

Статья посвящена вопросам, связанным с картиной мира в калмыцком героическом эпосе «Джангар». Автор приходит к выводу, что символика горы и дворца в «Джангаре» связана с понятием центра, который в социальной иерархии сопоставим с образом властителя ханства.

Ключевые слова: эпос «Джангар», эпический мир, дворец, гора, символика, географические реалии.

This article is devoted to the problems connected with the world view in the Kalmyk heroic epic «Dzangar». The author concludes that the symbolic of the mountain and the palace in the epic is connected with the notion of the center which is comparable in social hierarchy of epic society with the image of the heard of the Khanat.

Keywords: epic «Dzangar», epic world, palace, mountain, symbolic, geographical realities.

Героический эпос «Джангар» — феномен мирового фольклора, воспевающий эпическую державу, ее героический народ, утверждающий свою государственность в постоянной исторической борьбе против иноземных посягательств на свободу. Исследователи относят его к классическим формам эпоса, которые при формировании в значительной мере опираются на исторические предания, однако архаические формы эпоса предшествовавшего этапа базируются на мифологии [1]. Эпический мир сказаний героического эпоса «Джангар» создан особым языком. По определению Б. Н. Путилова, эпический мир — «сложная художественная конструкция, возникающая на почве исторической действительности, но не сводимая к эмпирической реальности, к социальной, бытовой, событийной конкретике» [2, с. 171]. В эпосе, по мнению ученого, мы имеем дело со специфичными событиями, особенными отношениями и персонажами, нормами поведения, пространственно-временным континуумом, природной средой и культурным фоном. «Любая эпическая система представляет собой результат (и вместе с тем этап) закономерного развития, трансформации и отрицания типологически предшествующих систем, поэтому она может быть понята только в более широких связях с традицией, которая оставила в ней многочисленные следы» [2, с. 170]. Таковым является и эпический мир калмыцкого эпоса «Джангар».

В джангароведении тематика, связанная с эпической картиной мира, исследовалась рядом ученых как в общих трудах, посвященных героическому эпосу [3; 4; 5 и др.], так и в специальных работах, посвященных особенностям осмысления категорий пространства и времени в сказаниях [6; 7; 8; 9; 10 и др.].

В «Джангаре» прослеживается внутренне закономерная для эпоса приуроченность к сакраль-

ным локусам. Таким локусом с пространственно-циклической структурой является эпический дворец Джангара. В перемещении по эпическому миру наблюдается неизменная тенденция возвращения к исходной точке, т. е. возврата в то место, откуда началось перемещение.

Эпический дворец Джангара является своеобразным полем притяжения, куда стекаются все богатыри-нойоны, весь народ страны Бумбы. Временные циклы ориентированы на начало теплого сезона, богатыри спешат к Джангар-хану, чтобы поздравить его с весенним праздником Цаган сар. Дворец, вокруг которого собрался многомиллионный народ, заполнивший долины восьмидесяти двух могучих рек, является центром и символизирует мощь эпической державы. В цикле песен джангарчи Ээлян Овлы сообщается о совете 6 012 богатырей, которые, утвердив мир на бумбайской земле, принимают решение построить дворец-ставку богдо-нойону Джангару. Совет «срока двух ханов четырех частей света», под которым подразумевается сейм нойонов, где обсуждались важнейшие государственные вопросы «от престолонаследия до вопросов войны и мира», разрешает вопрос о месте воздвижения величественного здания. Сооружение державного белого дворца властелина Бумбайской страны «6 012 желтыми мастерами» описывается в космических масштабах. От грохота строительства сотрясается вселенная Замбатиб, а Бумба-океан наполняется «громовым грохотом» [11, с. 246].

Процесс сооружения дворца детализирован: воздвигают из слоновой кости восемьдесят четыре *терм*¹, каждый из которых снабжают тысячью *уньн*². Дверные косяки изготовляют из прочнейшего сандала³. Представления о священном сандале у калмыков восходят к буддийской мифологии, согласно которой *налер задн* (санскр. *Kalpavriksha*) обладает чудесными свойствами исполнять же-

¹ *Терм* — деревянная решетка цилиндрической части юрты; простая юрта имеет 6 *терм*, юрта знати — до 12; безусловно, 84 *терм* — это цифровая гипербола.

² *Уньн* — жердь, которой придерживается верхний круг (*харач*) юрты (кибитки).

³ Сандал (*зандн*) — священное дерево для буддистов.

лания, отгонять злых духов, исцелять больных, оживлять умерших; они отразились в особом отношении к аромату (запах сандала), цвету (цвет сандала как благородный коричневый цвет) и сопоставлении по ценности сандала с золотом, серебром, шелком. В эпическом мире из священного благовонного прекрасного сандала сооружают *харач*⁴, из твердого сандала — опорный столб (*шуург*)⁵; из одиноко выросшего сандала — острия поддерживающих верхний круг юрты *уньн*. Стены и двери дворца расписаны изображениями Богдо-Джангара и богатырей во главе с Алым Хонгором.

Сооружения, подобные описанному, действительно имели место в быту монголов XIII и XIV вв. Сборник летописей Рашид-ад-дина сообщает, что Угедей-каан в 30-х гг. XIII в. соорудил в Кара-Коруме дворец с «очень высоким основанием и колоннами», а каждая «сторона того дворца была длиною в полет стрелы», «украсили то строение наилучшим образом и разрисовали живописью и изображениями» [12, с. 40]. А. Ш. Кичиков, отмечая близость сооружений иль-ханов — хулагуидов, описанных Рашид-ад-дином и «пышных дворцов» из Джангариады, замечает, что «это не значит, что ойратские рапсоды XII–XIV вв. могли видеть только храмы иль-ханов; они могли видеть и сооружения Кара-Корума и Хан Балыка, поздние сооружения ойратских владык, такие как Аблаинкид. Таким образом, дворцы Джангара и его противников не были привнесены в калмыцкий эпос из эпоса других народов или сочинений иноязычных авторов, а возникли в воображении ойрат-калмыцких рапсодов на основе исторического опыта монголов того времени» [13, с. 22–23].

Начиная с XVII в. в эпическую эстетику вторгаются буддийские элементы, их образцом становится «огромный белый храм-собор в окружении бесчисленного множества хрустальных прекрасных храмов» или «прекрасных сандаловых храмов», сооруженных «на южном скате черной краевой горы». Рапсод, придерживаясь религиозного этикета, размещает «исполинский белый храм» южнее державной белой ставки Джангар-хана в привычном для взора ландшафтном окружении, «...в долине многоводной Бумбы-реки» [11, с. 42–43].

Ойратские эпопеи изображают храмы украшенными деталями из диковинного хрусталя, сандала. Крутые крыши их сверкают, на них блестят золотые и серебряные ганджиры⁶. Они предстают как произведения «искусства, которое невозможно изобрести», чудо, «которое невозможно восхвалить». Храм воспринимается как обитель грядущего Будды Майтрейи (Майдари-бурхана).

В эпосе стороны света обозначают не просто пространственные понятия и соответствующие

координаты, они имеют и особые сакральные значения. Представления о скудости, трудностях и невзгодах связаны с северной стороной, представления об изобилии и достатке — с югом как солнечной стороной. Юг — сторона, откуда пришла буддийская вера (*шар шажн*) [14, с. 73–74]. В эпосе с южной стороны от дворца хана «раскинулась многочисленных бурханов обитель», а в ее центре высится исполинский белый храм с пятью миллионами шабинеров [11, с. 42–43].

Страной с населением, занявшим «бассейн восьмидесяти океаноподобных рек», правит Джангар. Эпос четко разграничивает две социальные категории в бумбайском обществе. К первой относятся знатные, богатые люди — удельные князья, ханы и владельцы, министры, послы, чиновники ханского двора, деятели культа, настоятели монастырей-хурулов, а также выходцы из разных сословий, наделенные привилегиями за особые заслуги перед государством. Вторую категорию составляет народ, представленный в эпосе по роду конкретных занятий: табунщики, верблюдоводы, пастухи, кузнецы, стремянные, повара, посыльные, слуги, батраки и др. [14, с. 44]. В эпосе говорится, что «под покровительством властелина Джангар-хана в благоденствии» пребывает сказочная страна Бумба, где «неведома смерть, где вечность всегда, где не бывает зимы, вечно весна, солнце, подобное червонному золоту, по утрам восходит, к полудню к зениту величаво восходит золотое солнце, то теплый дождь заморосит, то играет веселое солнце, страна вечного счастья и радости» [11, с. 43].

В архаической традиции страна героя представлена различно. В калмыцкой сказочной традиции это безымянная страна чудесного героя Найхала [15, с. 36], в алтайской — страна богатыря Когутэя, чье стойбище расположено у черной горы с водопадами. Герой олонхо живет в стране с высокими холмами (утесистыми вершинами), где протекают 90 рек, с гулом соединившись, однако и горы (холмы), и реки безымянны. В ойратских эпопеях в исполнении выдающегося сказителя Парчена описание страны отличается высокохудожественным мастерством. Одним из способов изображения страны, по наблюдениям Б. Я. Владимирцова [16], является «показ» горных массивов через их господствующие вертикали — Хангай, «выросший сразу без скатов-ува-лов», и Алтай, а также «глухие белые утесы». По горизонтали страна богатыря занимает значительную территорию. Она сравнивается либо с раскинувшейся по сторонам гор благодатной степью, где «попынь и ковыль повырастали вместе», где в «тучной, прекрасной траве совсем не было, говорят, пустого промежутка-пространства», либо с

⁴ *Харач* — верхний круг юрты, служащий дымоходом и окном.

⁵ *Шуург* — опорный столб, который поддерживает верхнюю часть большой юрты.

⁶ Ганджир (*һанжыр*) — навершие в виде особого символа на крыше буддийского храма.

местностью, вмещающей тридцать три великих, просторных Гоби, которую не может обойти богатырь.

Эпическая страна Бумба — это страна гор и рек, которые предстают не только как объекты и средства пространственной ориентации, но и как символы родовой территории, выполняющие функцию социального регулятора, маркера, обозначающего права на территорию. Родовая гора и родовая «вода» (часто — река) — составляющие понятия «земля-вода», т. е. родины, в эпосе они выступают как обозначение царства.

Основным признаком вертикального членения эпического мира и символом взаимосвязи его составляющих сфер служит образ «мировой горы», который восходит к самым ранним пластам монгольской мифологии. К ним относится тройственное членение мирового пространства на верхний, средний и нижний миры. Мировая гора — *Өл Маңхн Цаһан уул* («Сизо-Белая гора», цикл песен Ээлян Овла), *Бумбин Цаһан уул* («Бумбайская Белая гора», малодербетовский цикл 1862 г.) — служит связующим звеном между всеми вертикальными сферами, из которых основными считались три мира. Мировая гора соединяет нижний и средний миры, достигая сфер, где проживают божества-небожители. И если Джангархан как властелин всей эпической державы выполняет функцию центрального персонажа, то в объектной среде характеристикой центра семантически наделена мифическая гора Сумеру, возникшая в «Великом внешнем океане» в начале сотворения мира. Согласно буддийской космогонии, на вершине Сумеру обитают 33 тенгрия во главе с Хормустой, покровительствуя земле и ее живым существам.

В эпических сказаниях высота Бумбайской белой горы передана опосредованно через характеристику высоты полета птицы *итлг* (балабан), которая, «чтобы достичь вершины горы, совершает тридцать три взмаха». Поскольку один взмах этой желто-пестрой птицы, согласно эпической традиции, равен 90 *беря*⁷, то высота державной горы должна быть вычислена через умножение 90 *беря* на необходимое для достижения вершины количество взмахов (т. е. тридцать три). Таким образом, высота Бумбайской горы достигает трех тысяч *беря*, что равно приблизительно шести тысячам километров.

Если гора представляет собой вертикаль эпического мира, то основным признаком горизонтали служит вода (моря, реки, океаны). Малодербетовский цикл (1862 г.) — единственный цикл, в котором сохранилось развернутое описание мирового океана. Согласно эпической традиции данного цикла, ширина океана измеряется временем полета птицы *итлг* и представляется безграничной. Представления об океане как части вселен-

ной восходят к древнейшему пласту мифологии (к мотиву мифологического моря-океана).

Соблюдая правила иерархической структуры своего общества, певец-джангарчи «расставляет» юрты богатырей-нойонов в определенном порядке, в порядке старшинства и знатности. Согласно этикетным представлениям, перечень юрт начинается с юрты старца Ширке, именуемой Злато-Желтым дворцом, которая располагается «посреди Шикерлюгской долины, у подошвы светозарной горы Зандан, у священного моря Цаган, на склоне горы Ончита-Цаган».

После характеристики ставки Ширке следует описание ставки Алтан Чеджи (букв. 'Золотая грудь'), возглавляющего богатырей, восседающих «по правую руку» от властителя; его «алоэ-сандаловый дворец» располагается у подножья родовой горы Зандан. Генезис образа связан с архаическим тууль-улигерным мотивом рождения «с золотой грудью и серебряным низом»: грудь (*чееж*) в народных традиционных представлениях считается вместилищем памяти, мудрости.

Дворец Гюзяна Гюмбе, именуемый Гюши-Зандан, располагается на берегу глубокого Черного моря, на склоне родовой горы Гюше-Зандан, Богатырь Гюзян Гюмбе — знаменитый гадатель на бараньей лопатке (*далч*). Так в эпосе находят отражение элементы мантики, истоки которой восходят к древнейшему периоду истории монгольских народов, и которая была присуща их культуре в различные исторические периоды. Известно, что при Хулагу-хане перед переправой через Тигр, накануне наступления на Багдад, монголы «по своему обычаю... погадали на бараньих лопатках». И в более позднюю эпоху «просвещенный» Газан-хан изучал «науку гадания на песке, бараньих лопатках, конских зубах и по прочим предметам» [17, с. 40].

В эпосе перечисление юрт нойонов заключается утверждением Джангара, владычествующим над всеми ними: «Весь род людской мое владенье!». Как замечает А. Лорд, «последним всегда идет главный герой повествования» [18, с. 231]. Певцу необходимо еще раз подтвердить и показать, что эпический властелин, идеальный, совершенный человек в своем мире, считающий «весь род людской» своей родней, стоит на ступень выше всех остальных.

Таким образом, символика горы и дворца в героическом эпосе «Джангар» связана с понятием центра, что сопоставимо в социальной иерархии эпического общества с образом властителя ханства, возглавляющего весь народ.

Калмыцкий народ пронес через века и поколения эпос «Джангар» — жемчужину устного народного творчества, являющуюся важнейшей частью духовной культуры современных калмыков, ярким символом их этнической идентичности.

⁷ *Беря* — единица изменения расстояния, равного приблизительно двум километрам («калмыцкая миля»), и представляемая как восьмикратно умноженное расстояние слышимости голоса человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 461 с.
2. Путилов Б. Н. Эпический мир и эпический язык // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1983. С. 170–183.
3. Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов: Устные и литературные традиции. М.: Наука, 1984. 309 с.
4. Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар»: сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука, 1992. 320 с.
5. Михайлов Г. И. Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 235 с.
6. Бурыкин А. А. Страна Бумба в калмыцком эпосе «Джангар»: художественное пространство героического эпоса, идеальное государство и концепт культуры // Образ рая: от мифа к утопии. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 198–204.
7. Неклюдов С. Ю. Дворец хана Джангара: к типологии одного мотива // Исследователь монгольских языков: к юбилею Б.Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 124–133.
8. Омакаева Э. У. Текст как отражение картины мира: лингвокультурологические аспекты описания эпоса «Джангар» // Проблемы современного джангароведения. Элиста: Калм. ГУ, 1997. Кн. 2. С. 26–31.
9. Бакаева Э. П. Эпический дворец: облик и символика // «Джангар» в евразийском пространстве. Материалы междунар. науч. конф. Элиста: КалмГУ, 2004. С. 13–16.
10. Бакаева Э. П. «Ар Бумб» — страна Бумба, расположенная в стороне восхода солнца (к проблеме сакральных кодов калмыцкой культуры) // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии, Китая. Материалы междунар. науч. конф. Элиста: КИГИ РАН, 2008. Ч. III. С. 15–25.
11. Джангар. Малодербетская версия / Сводн. текст, пер., вступит. ст., коммент., словарь А. Ш. Кичикова. Элиста: КалмГУ, 1999. 272 с.
12. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.-Л.: Изд. АН СССР. Т. 1. Кн. 1. 1952. 219 с.
13. Кичиков А. Ш. Исследование героического эпоса «Джангар» (Вопросы исторической поэтики). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 156 с.
14. Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 128 с.
15. Kalmückische Sprachproben gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster teil. Kalmückische märchen I. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. S. 36.
16. Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. СПб., М.: Типография «Светоч», 1923. 253 с.
17. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР. Т. 3. 1946. 340 с.
18. Лорд А. Сказитель. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 369 с.

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

**МОТИВНЫЙ ФОНД БАГАЦОХУРОВСКОГО ЦИКЛА
КАЛМЫЦКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «ДЖАНГАР»**

Д. В. Убушиева

Статья посвящена анализу содержания оригинальных песен Багацохуровского цикла, который позволил выявить полный набор имеющихся мотивов из разносюжетных нарративов. В ходе анализа мотивного фонда было выяснено, что в песне «О победе Славного Джангара-хана над Свирепым Хара Кинесом» зафиксировано наибольшее количество различных мотивов, исследование которых необходимо для дальнейшего сравнительно-диахронического анализа.

Ключевые слова: *мотивы, блок, тема, перечень, разнообразие, сохранность.*

This article analyzes the content of the Bagatsohurovsky cycle's original songs, which revealed a complete set of existing motifs from different plot narratives. There were found out from analysis of motif fund that in the song «About victory of the renowned khan Dzhangar over the ferocious Khara Kines» there were the largest amount of different motifs which are necessary to research for comparative and diachronic analysis.

Keywords: *motifs, block, subject, list, diversity, preservation.*

Мотив является очень важной содержательной единицей эпического (и не только) сюжета и отличается повторяемостью, константностью, несмотря на свои различные формы¹. Как отмечает

Б. Н. Путилов, «Мир фольклора составляется из безбрежного (впрочем, поддающегося в конечном счете систематизации и учету) множества мотивов» [13, с. 183].

¹ Вопросам становления и развития теоретических представлений о повествовательном мотиве в отечественной филологической науке посвящена монография И. А. Силаньева [1]. Семантические и дихотомические представления о данном понятии получили глубокую и разностороннюю трактовку в работах целого ряда фольклористов и литературоведов, в числе которых Г. А. Левинтон [2], Б. Н. Путилов [3; 4; 5; 6], С. Ю. Неклюдов [7], Н. Д. Тамарченко [8]. Принципиальным шагом в развитии синтеза семантического и дихотомического подхода явилась структурно-семантическая модель мотива, разработанная Е. М. Мелетинским [9]. Тематическая концепция мотива получила развитие в работах Г. В. Краснова [10]. В последние годы в литературоведении идет актив-

По мнению Б.Н. Путилова, «чтобы прочесть сюжет, нужно подвергнуть анализу вошедшие в него мотивы — не только в их устойчивых значениях, но и в новом их обличье» [13, с. 199]. Вместе с тем, попытки вычленения мотивов из эпического повествования сопряжены с различными трудностями, поскольку «он трудноуловим и трудноопределим, неясно соотношение его синтагматических и парадигматических ракурсов, морфологической схемы и текстовой реализации, универсальных структур и национально-специфических редакций, его корреляций с компонентами модели/картины мира, с одной стороны, и с «общими местами» текста, *loci communes*, с другой» [14, с. 236–247].

Изучение мотивного фонда Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар», сохранившего архаичные корни, представляется весьма актуальным. Предпринятая в данной статье попытка поможет определить набор мотивов, характерный для песен Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар» [15; 16]. При вычленении мотивов нами был учтен опыт предшественников, разрабатывавших теоретические аспекты проблемы морфологической организации фольклорного текста, начиная от ставших хрестоматийными определений А. Н. Веселовского [17] и до современных исследований в данной области.

Материалом исследования послужили три оригинальные песни Багацохуровского цикла: 1) «Дуут богд Жаңһр догшн Хар Кинесиг дөрөцүлгсн бөлг»/«Песня о победе Славного Джангар-хана над Свирепым Хара Кинесом»; 2) «Әср Улан Хоңһр догшн Шар Маһс хааг әмдәр кел бәрж авч иргсн бөлг»/«О том, как исполнил Улан Хонгор взял в плен и доставил живым Свирепого Шара Мангас-хана»; 3) «Догшн Замбл хаана һалзу долан бодцгиг Әср Улан Хоңһр Күнд һарта Савр хойр дөрөцүлгсн бөлг»/«О победе исполина Алого Хонгора и Савара Тяжелорукого над семью грозными богатырями Свирепого Замбал-хана».

Анализ содержания всех оригинальных песен Багацохуровского цикла позволил выявить из разносюжетных нарративов весь набор имеющихся мотивов. В основе анализа структуры мотивного фонда Багацохуровского цикла «Джангара» работы Е. Н. Кузьминой [18] и Д. А. Бурчиной [19]. Проблема и принцип применения классифицирования мотивов эпических мотивов по тематическим блокам

на материале калмыцкого эпоса «Джангар» освещены в статье Ц. Б. Селеевой [20].

Б. Н. Путилов отмечает, что «эпический сюжет представляет собой сложную комбинацию не отдельных мотивов, а их серий, своеобразных блоков. Мотив в эпическом произведении «живет» в составе блока, сюжетно значимы не только мотивы, но и блоки...» [4, с. 142]. На материале рассматриваемых песен нами выделены отдельные тематические блоки, внутри которых приводится перечень мотивов.

1. Блок «эпический герой» — мотивы

1. Выбор суженой (песня [далее — п.] 1, строки [далее — ст.] 304–310);
2. Поиск предназначенной невесты (п. 1, ст. 311–349; п. 3, ст. 389–437);
3. Объединение богатырей [Савара] вокруг Джангара (п. 1, ст. 474–742; п. 3, ст. 571–777);
4. Одиночество богатыря (п. 3, ст. 92–99, 910–919);
5. Странствия Джангара (п. 2, ст. 147–173);
6. Побратимство (п. 1, ст. 783–790; п. 3, ст. 770–773);
7. Жеребьевка — установление очередности богатырей в походах и караулах (п. 1, ст. 905–908, 950–954; п. 3, ст. 866–927);
8. Самовывдвижение богатыря (п. 1, ст. 922–943, 2 251–2 256, 2 910–2 918; п. 3, ст. 1 169–1 180);
9. Охота (п. 3, ст. 971–979);
10. Преодоление препятствий (п. 1, ст. 1 028–1 031; п. 2, ст. 243–247, 631–636, 678–680, 736–742; п. 3, ст. 430–431, 1 251–1 273, 1 582–1 654);
11. Чудесные свойства богатыря: Алтан Чеджи (п. 3, ст. 441–451, 606–615; Джангара (п. 1, ст. 350–351, 991–997, 2 518–2 523, 2 881–2 893, 2 971–2 974; п. 2, ст. 31–35, 350–351; п. 3, ст. 163–183, 430–431); Очир Гэрела (п. 3, ст. 111–129); Хонгора (п. 1, ст. 2 296–2 302, 2 828–2 829);
12. Вызывание дождя (п. 1, ст. 1 454–1 468, 2 881–2 885; п. 2, ст. 1 578–1 582);
13. Оборотничество (п. 1, ст. 2 299–2 302, 2524–2528; п. 2, ст. 585–590);
14. Магическая неуязвимость (п. 1, ст. 2 251–2 302, 2 526–2 528; п. 2, ст. 37–78, 820–855, 905–916);
15. Нахождение души вне тела (п. 1, ст. 997, 1 055–1 057, 2 999–2 300; п. 2, ст. 45, 100–101);
16. Описание богатырского оружия и его чудесных свойств (копье Джангара — п. 1, ст. 189–211; п. 3, ст. 213–234; лук и стрелы «джилинг»

ный поиск нового теоретического синтеза в понимании мотива. На стыке семантической и тематической концепции развиваются два новых подхода — интертекстуальный, представленный работами Б. М. Гаспарова [11] и др., и коммуникативный, или прагматический подход, представленный, например, работой Ю. В. Шатина [12]. В настоящей работе мы придерживаемся позиции Б. Н. Путилова дихотомической трактовки понятия мотив («инвариантную схему, обобщающую существо ряда алломотивов» [6, с. 175]).

- Джангара — п. 1, ст. 2 092–2 102; сабля «мишл Шаджин Шарванг» Джангара — п. 2, ст. 374–382; меч «үлд» Хонгора — п. 3, ст. 503–524; пика Гюзян Гюмбе — п. 1, ст. 434–443; п. 3, ст. 547–550, 560–570; плеть «Хашил Тарни» Хонгора — п. 1, ст. 1358–1380; п. 2, ст. 383–395; плеть «Хашил Тарни» Очир Гэрела — п. 3, ст. 117–129; сандаловое дерево, используемое Хонгором в качестве оружия — п. 1, ст. 1 022–1 027; п. 2, ст. 229–235, 866–926; п. 3, ст. 460–465, 1 497–1 504);
17. Богатырская клятва и клятвонарушение (п. 1, ст. 998–1005, 1 076–1 092, 1 119–1 137, 1 345–1 356, 2 504–2 513; п. 2, ст. 160–173, 204–317, 295–301; п. 3, ст. 100–137, 930–932, 1 290–1 301, 1 462–1 477, 1 560–1 569);
 18. Наказание богатырей (п. 3, ст. 1 154–1 207; 1 290–1 301);
 19. Встреча богатыря и его антагониста (п. 1, ст. 1 511–1 532, 1 533–1 649; п. 2, ст. 475–527; п. 3, ст. 1 022–1 057);
 20. Скачки (п. 1, ст. 2 064–2 232; п. 2, ст. 1 316–1 347; п. 3, ст. 1 835–1 851);
 21. Угон табуна и обнаружение пропажи (п. 3, ст. 1 020–1 039, 1 274–1 394, 1 274–1 334);
 22. Поиск (п. 1, ст. 2 638–2 709; п. 2, ст. 647–660);
 23. Просьба чужого коня [у богатыря Джангара] (п. 3, ст. 1 541–1 543);
 24. Снаряжение богатыря (п. 1, ст. 688–715, 1 196–1 248; п. 2, ст. 358–397);
 25. Характеристика–восхваление богатыря: Алтан Чеджи (п. 1, ст. 352–368; п. 2, ст. 132–146; п. 3, ст. 441–452); Гюзян Гюмбе (п. 1, ст. 427–475, 463–473; п. 3, ст. 525–544); Джангара (п. 1, ст. 130–188, 2 569–2 576; п. 2, ст. 509–514; п. 3, ст. 143–212); Ке Джилбенга (п. 1, ст. 854–862); Мингияна (п. 1, ст. 821–843; п. 3, ст. 799–813); Очир Гэрела (п. 3, ст. 111–116); Хонгор (п. 1, ст. 369–420, 1017–1058; п. 2, ст. 219–279, 1 020–1 038; п. 3, ст. 453–496, 1 487–1 540); Аксахал Бада–конюшего (п. 3, ст. 1 290–1 301); Боро Мангна–конюшего (п. 3, ст. 340–357);
 26. Ультиматум (п. 2, ст. 115–124, 154–174, 176–197);
 27. Отправление богатыря в дорогу (п. 1, ст. 520–541, 1415–1421; п. 2, ст. 350–358; п. 3, ст. 925–939, 1 570–1 579);
 28. Диалог богатырей (п. 1, ст. 1 559–1 645, 1 743–1 776, 2 492–2 517; п. 2, ст. 315–344, 317–325, 496–530);
 29. Передача власти (п. 1, ст. 2 492–2 517);
 30. Передача коня, оружия и талисмана (п. 2, ст. 326–350; п. 3, ст. 1 570–1 574);
 31. Обращение к богатырям (п. 1, ст. 2599–2605, 2742–2748; п. 2, ст. 302–316, 1 278–1 283; п. 3, ст. 705–711, 1 547–1 559, 1 877–1 893);
 32. Прибытие в страну антагониста (п. 2, ст. 835–855);
 33. Проникновение во дворец хана–антагониста (п. 2, ст. 612–646, 661–685, 835–855);
 34. Вознаграждение (п. 2, ст. 202–217);
 35. Магический сон (п. 3, ст. 988–1 112);
 36. Прозрение после выпитой арзы (п. 2, ст. 1 242–1 268).
- Приведенный выше перечень мотивов демонстрирует их тематическое разнообразие, а количественный анализ показывает степень их частотности (см. рис.). Наибольшей употребительностью в тематическом блоке «эпический герой» отличаются следующие мотивы, характеризующие героические качества богатыря и его исключительные возможности: (I.10) преодоление препятствий, (I.11) чудесные свойства богатыря, (I.16) описание богатырского оружия и его чудесных свойств, (I.17) богатырская клятва и клятвонарушение, (I.19) — встреча богатыря и его антагониста, (I.20) скачки, (I.25) характеристика–восхваление богатыря, (I.27) отправление богатыря в дорогу, (I.31) обращение к богатырям.
- Степень частотности мотивов в трех песнях цикла эпоса «Джангар»*

Количественный показатель и неоднородность состава мотивов воссоздают общую картину сложения (сцепления) повествовательных звеньев эпического сюжета и степень сохранности этих звеньев во времени.

II. Блок «богатырский конь» — мотивы

1. Предназначенность коня (п. 3, ст. 239–304);
2. Приобретение богатырского коня (п. 3, ст. 575–589);
3. Преодоление препятствий конем: богатыря Хонгора — Кёке Галзаном (п. 1, ст. 1192–1195); хана Джангара — Аранзалом Зерде (п. 1, ст. 224–253, 2168–2172; п. 2, ст. 959–965);
4. Чудесные свойства коня богатыря Хонгора — Кёке Галзана (п. 1, ст. 1143–1148); хана Джангара — Аранзала Зерде (п. 2, ст. 820–849; п. 3, ст. 327–339); богатыря Савара — Кюрюнг Галзана (п. 3, ст. 620–623);
5. Снаряжение богатырского коня богатыря Хонгора — Кёке Галзана (п. 4, ст. 626–687, 1149–1186);
6. Описание–восхваление богатырского коня хана Джангара — Аранзала Зерде (п. 3, ст. 305–339); богатыря Хонгора — Кёке Галзана (п. 1, ст. 421–426; п. 3, ст. 497–502); богатыря

Савара — Кюрюнг Галзана (п. 3, ст. 620–623); богатыря Ке Джилгана — Алг (п. 1, ст. 2 112–2 118); богатыря Алтан Чеджи — Агсг Улана (п. 1, ст. 2 119–2 143);

7. Бег богатырского коня хана Джангара — Аранзал Зерде (п. 2, ст. 450–471); богатыря Хонгора — Кёке Галзана (п. 1, ст. 722–737, 1 435–1 453; п. 3, ст. 712–725);
8. Утомление коня (п. 2, ст. 984–1 007).

Приведенный материал показателен во многих отношениях: он демонстрирует превосходство богатырских коней Кёке Галзана, Аранзала Зерде (в некоторых случаях и Кюрюнг Галзана), чаще других упоминаемых в вышеприведенном перечне мотивов. Эта повторяемость свидетельствует об активности как самих богатырских коней, так и их хозяев-богатырей (Хонгора, Джангара и Савара). Нетрудно заметить, что в выделенных мотивах встречаются характеристики, аналогичные набору мотивов из блока «эпический герой»: преодоление препятствий конем, чудесные свойства, снаряжение, описание-восхваление. Указанные мотивы помогают не только воссоздать образы богатырских коней, но и увидеть неразрывность их связи с хозяевами-богатырями, показать их участие в борьбе за интересы страны Бумба.

III. Блок «антагонист» — мотивы

1. Дворец хана-антагониста (п. 2, ст. 434–445);
2. Клятва-угроза антагониста (п. 1, ст. 2 862–2 876, ст. 2 910–2 918);
3. Характеристика-описание богатыря-антагониста: Арслангин Бёке Цагана (п. 1, ст. 962–973, 1545–1551); Дунгсур Гэрела (п. 2, ст. 100–111); Хара Кинеса (п. 1, ст. 911–925); Арслангин Цаган Батара (п. 2, ст. 487–491); Шара Мангас-хана (п. 2, ст. 687–693);
4. Нахождение души вне тела (п. 2, ст. 79–99);
5. Чудесные свойства богатыря-антагониста (п. 2, ст. 100–109);
6. Сон богатырей-антагонистов (п. 2, ст. 661–680).

Как видим из указанного выше списка мотивов, блок «антагонист» не отличается тематическим многообразием. Нам не удалось обнаружить присутствие какого-нибудь одного определенного мотива во всех трех песнях анализируемого цикла «Джангара». Эта особенность объясняется, возможно, тем, что в героическом эпосе «Джангар» воспеваются богатыри страны Бумба, все другие фигуранты и предметы создают фон для лейтмотива эпического сюжета. Даже такой короткий список мотивов дает достаточно емкое представление об антагонистах богатырей страны Бумба, об их незаурядных способностях. Содержание мотивов характеризует врагов богатырей Джангара как достойных противников, победить которых можно в героической борьбе.

IV. Блок «богатырское сражение» — мотивы:

1. Предсказание (п. 1, ст. 507–518, 976–1 057, 1 096–1 101, 1 253–1 260, 294–2316; п. 2, ст. 174–200; п. 3, ст. 606–628, 1 395–1 461);
2. Похищение хана-антагониста (п. 2, ст. 724–774);
3. Погоня (п. 1, ст. 1525–1534; п. 2, ст. 726–858, 794–835, 966–1 049, 1 405–1 407);
4. Утомление богатыря (п. 2, ст. 934–945, 1 213–1 230);
5. Пленение (п. 1, ст. 1 777–1 824, п. 2, ст. 694–700, 712–725);
6. Пытка (п. 1, ст. 2 251–2 284, 2 903–2 904, 2 905–2 909);
7. Боевой клич «ура!» (п. 1, ст. 2 332–2 340, 2 442–2 445; п. 2, ст. 729–735, 877–879, 952–955; п. 3, ст. 558–561, 1 627–1 630);
8. Клич-поиск (п. 1, ст. 2 376–2 462);
9. Поломка и починка копья (п. 1, ст. 2 446–2 462, 2 495–2 503, 2 524–2 590);
10. Ранение и извлечение стрелы (п. 1, ст. 2 614–2 628; п. 3, ст. 1 208–1 242);
11. Чудесное исцеление (п. 1, ст. 2 614–2 628, 2 712–2 717, 2 881–2 885, 2 881–2 893; п. 2, ст. 1 453–1 459, 1 479–1 480, 1 578–1 582);
12. Дружинный поход (п. 2, ст. 1 276–1 302);
13. Богатырское сражение (п. 1, ст. 344–348; 547–570, 2 323–2 364, 2 480–2 517, 2 591–2 613, 23–65–2 392, 2 767–2 809; п. 2, ст. 528–567, 859–958, 1 173–1 232, 1 348–1 401, 1 420–1 439, 1 460–1 465; п. 3, ст. 657–672, 1 609–1 787);
14. Богатырский поединок (п. 1, ст. 744–782, 1 644–1 767, 2 393–2 460, 2 810–2 863; п. 2, ст. 528–567; п. 3, ст. 726–769, 1 046–1 096);
15. Схватка богатыря с барсом и медведем (п. 2, ст. 637–646);
16. Бегство с поля битвы (п. 2, ст. 1402–1404; п. 3, ст. 1 082–1 273);
17. Расправа (п. 1, ст. 2903–2918, 2920–2956; п. 2, ст. 568–577; п. 3, ст. 1 771–1 787);
18. Победа (п. 2, ст. 1 472–1 478; п. 3, ст. 1 889–1 893);
19. Боевое знамя (п. 1, ст. 2 043–2 056, 2 865–2 867; п. 2, ст. 1 289–1 302; п. 3, ст. 551–553, 641–654, 673–674, 765–769, 1 860–1 864);
20. Пытка (п. 2, ст. 1 590–1 593, 1 599–1 604);
21. Клеймение (п. 1, ст. 2124–2125; п. 2, ст. 1 543–1 551; п. 3, ст. 1 783–1 787, 1 783–1 834);
22. Опустошение страны (п. 1, ст. 2 922–2 925; п. 2, ст. 1 556–1 566);
23. Возвращение в страну (п. 3, ст. 1 854–1 876).

Анализ материала показал, что данный тематический блок отличается обширным перечнем мотивов и характеризуется значительной общностью и постоянством во всех трех песнях Багацохуровского цикла «Джангара». Подтверждением этому служат такие мотивы, как (IV.4) предсказание, (IV.7) боевой клич «ура!»,

(IV.13) богатырское сражение, (IV.14) богатырский поединок, (IV.17) расправа, (IV.19) боевое знамя, (IV.21) клеймение, представленные во всех рассматриваемых песнях.

V. Блок «эпическое время и пространство» — мотивы

1. Гора — центр земли (п. 1, ст. 3–5, 862; п. 2, ст. 79–99, 404–407, 1 054–1 056; п. 3, ст. 4–6);
2. Мировое дерево (п. 1, ст. 870–885, 2 103–2 107; п. 2, ст. 5–9; п. 3, ст. 840–854);
3. Мировой океан (п. 1, ст. 6–14; п. 2, ст. 1 061–1 082; п. 3, ст. 7–19);
4. Трехмирие (п. 1, ст. 13–14, 46–57, 644–645, 913–915, 1 187–1 189; п. 2, ст. 50, 211–214, 426–428, 510–512, 651–655, 1 067–1 070, 1 168–1 172, 1 379–1 380; п. 3, ст. 39–49, 411–429, 1 419, 1 902–1 906);
5. Описание дворца (п. 1, ст. 67–112; п. 2, ст. 1 110–1 116; п. 3, ст. 79–87);
6. Описание страны Бумба (п. 1, ст. 862–899, 864–867, 3 004–3 011; 3 006–3 009; п. 2, ст. 1–30, 24–30, 1 609–1 616, 1 051–1 109, 3 004–3 011; п. 3, ст. 1–78, 782–854, 835–837, 1 909–1 911, 1 909–1 928);
7. Преодоление пути (п. 1, ст. 1 422–1 497, 1 863–1 865, 2 057–2 063, 2 077–2 228, 2 518–2 523, 2 593–2 594, 2 667–2 670, 2 721–1 726, 2 732–2 740; п. 2, ст. 81–88, 401–415, 446–478, 580–584, 753–758, 761–819, 896–919, 972–1 015, 1 299–1 315, 1 324–1 347, 1 400–1 410, 1 440–1 442; п. 3, ст. 655–661, 935–944, 1 384–1 387, 1 411–1 416, 1 440–1 443, 1 580–1 586, 1 599–1 605, 1 649–1 654, 1 703–1 707, 1 849–1 850);
8. Граница (п. 1, ст. 1–59, 2 061–2 062, 2 595–2 598; п. 2, ст. 410–412; п. 3, ст. 945–968, 1 020–1 021).

Данный перечень мотивов относится к определенному набору типических мест эпоса, который может присутствовать как в разносюжетных повествованиях, так и в одновременных вариантах одного сюжета. Наличие или отсутствие данного блока мотивов в эпическом сюжете вполне может характеризовать степень его сохранности. Нетрудно заметить, что все вышеперечисленные мотивы встречаются в трех песнях без исключения. Такое постоянство мотивов не наблюдается по отношению к предыдущим тематическим блокам. Данная черта свидетельствует о том, что пространственно-временной континуум является очень важной составной частью эпического повествования.

VI. Блок «богатырский пир» — мотивы

1. Пир [в начале песни] (п. 1, ст. 352–790, 962–984, 1 102–1 104; п. 2, ст. 125–131, 1233–1258; п. 3, ст. 438–781, 1 487–1 524);
2. Весть (п. 1, ст. 1 863–1 993; п. 3, ст. 411–429, ст. 1 274–1 289, 1 335–1 387);

3. Пир [в конце песни] (п. 1, ст. 801–843, 944–954, 2 900–2 902, 2 963–3 005; п. 2, ст. 125–131, 1 233–1 258; п. 3, ст. 782–863, 1 274–1 280, 1 912–1 915);

В этом тематическом блоке отражены основные моменты завязки и развязки эпического сюжета. Мотив пира характерен для описаний, предвещающих основные богатырские действия, а финальная сцена эпического сценария, как правило, завершается пиром, что и демонстрируют мотивы, представленные в данном перечне.

VII. Блок «ритуалы и религиозно-мифологические представления»

1. Гадание (п. 1, 2 644–2 665);
2. Изготовление оружия (п. 1, ст. 700–704, 1 237–1 242, 2 579–2 583; п. 2, ст. 374–382; п. 3, ст. 503–513);
3. Поглощение и выхаркивание (п. 1, ст. 2 679–2 695);
4. Ритуал (п. 1, ст. 716–721, 2 054–2 058; п. 2, ст. 401–405; п. 3, ст. 30–52, 930–934, 1 575–1 579);
5. Буддийский монастырь (п. 1, ст. 30–35; п. 2, ст. 430–433, 1 083–1 087; п. 3, ст. 24–29, 825–827);
6. Восхваление ханши (п. 1, ст. 270–303; п. 3, ст. 358–388);

Специфика героического эпоса диктует определенный набор традиционных сюжетно-образующих мотивов и мотивов, отображающих этнические особенности устной традиции, которые могут присутствовать в эпическом сюжете и играть очень важную структурно-семантическую роль, но и их отсутствие кардинально не изменяет основного сюжетного содержания эпических песен. К таковым относятся и мотивы, составляющие блок «ритуалы и религиозно-мифологические представления», и мотивы блока «эмоциональное состояние»:

1. Плач (п. 1, ст. 571–605, 1 286–1 337, 1 837–1 841, 1 898–1 913, 2 002–2 018, 2 247–2 317, 2 461–2 469; п. 2, ст. 1 440–1 452; п. 3, ст. 675–700);
2. Угроза (п. 1, ст. 2 148–2 167; п. 2, ст. 1 147–1 172);
3. Богатырский гнев (п. 1, ст. 606–627, 958–961, 1 774–1 781);
4. Сострадание (п. 1, ст. 2 741–2 753).

Выявление мотивного фонда из трех песен Багацохуровского цикла эпоса «Джангар» (ранней записи) и составление тематического перечня с указанием источника (песня, строка в песне) показывают, что большей степенью употребительности мотивов отличается песнь «О победе Славного Джангара-хана над Свирепым Хара Кинесом». Эти данные подводят к выводу о том, что отмеченная песня может быть использована в качестве «образцового» варианта в ходе срав-

нительно-диахронического анализа эпических текстов разновременной фиксации. В целом мотивы, «будучи основным конструктивным инструментарием эпической сюжетики, несут важнейшие ее значения» [5, с. 146].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: Очерк историографии. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 1999. 104 с.
2. Левинтон Г. А. К проблеме изучения повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору. Сб. ст. в память В. Я. Проппа. М.: Наука, 1975. С. 303–319.
3. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сб. ст. в память В. Я. Проппа. М.: Наука, 1975. С. 141–155.
4. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 225 с.
5. Путилов Б. Н. Веселовский и проблемы фольклорного мотива // Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы. С. 74–85.
6. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 238 с.
7. Неклюдов С. Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, 1984. С. 221–229.
8. Тамарченко Н. Д. Мотив // Тамарченко Н. Д., Стрельцова Л. Е. Литература путешествий и приключений. Путешествие в «чужую» страну. М.: Аспект Пресс, 1994. С. 229–231.
9. Мелетинский Е. М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Текст и культура. Труды по знаковым системам. Вып. 16. Тарту, 1983. С. 115–125.
10. Краснов Г. В. Мотив в структуре прозаического произведения. К постановке вопроса // Вопросы сюжета и композиции. Горький: ГГУ, 1980. С. 69–81.
11. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. М.: Наука, 1994. 303 с.
12. Шатин Ю. В. Мотив и контекст // Роль традиции в литературной жизни эпохи: Сюжеты и мотивы. Новосибирск, 1995. С. 5–16.
13. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура; In memorem. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 464 с.
14. Неклюдов С. Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. (К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 236–247.
15. Джангар. Калмыцкий героический эпос. На калмыцком и русском языках. М.: Наука, 1990. 475 с.
16. Джангар. Калмыцкий героический эпос (Тексты 25 песен) Том 1. Том 2. М.: Наука, 1978. 442 с.
17. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, Ленингр. отд-ние, 1940. 364 с.
18. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Новосибирск: Изд-во СО РАН, Ин-т фил., 2005. 1 383 с.
19. Бурчина Д. А. Героический эпос унгинских бурят: указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.
20. Селеева Ц. Б. Опыт составления указателя эпических мотивов для тома Свода калмыцкого фольклора «Калмыцкий героический эпос “Джангар”» // Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы. Сб. научн. ст. Вып. IV. Элиста: Изд-во КИГИ РАН, 2007. С. 111–116.

ББК 83.3 (2 Рос=Калм)

ШИНЖЭНЭ ӨӨРД МОЦЬЛЫН УТ ДУУНА ҮГИН ТУСКАР (О ПРОТЯЖНЫХ ПЕСНЯХ СИНЦЗЯНСКИХ ОЙРАТОВ)

Осорин Утнаш

В статье рассматривается своеобразие ойратских протяжных песен. Проведенный анализ текстов, являющихся богатейшим духовным наследием ойратов, свидетельствует об их жанровых и композиционных особенностях. В настоящее время древняя традиция народа, выраженная в этом песенном народном творчестве, вновь привлекла внимание исследователей: лингвистов, фольклористов, литературоведов и других.

Ключевые слова: *протяжные песни, поэтика песен, содержание, своеобразие песен, традиции, взаимосвязи, жанр.*

In the article the broaching Oirat songs' distinctiveness is considered. The conducted analysis of texts being the rich spiritual heritage of the Oirats shows their genre and compositional peculiarities. At the present moment the ancient people tradition revealed in this type of folk has been paying researchers' attention — linguists, folklorists, literary critics and others.

Keywords: *a slow song, songs poetics, content, originality of the songs, traditions, relationships, genre.*

Шинжэнэ өөрд моңһлын болн хальмгин ут дуд амн сойлла бат залһлдата. Ут удан цагин эргцд өргнэр дуулгдж бээснэс дуунд дурта күн болһна чеежд үлднэ. Тегэд негнэснь негнь дасч, тархагдн йовсар үйэс-үйд залһмжлн ирсн ут удан түүктэ. Эн учр деерэс, ут дуд эртинэ сойл болн түүкиг темдглж, олн эмтнэ сэн-сээхн күслиг олн зүүлин арһар илдкнэ. Иим дуудын эдл биш үг болн айс чикэрн соңсж, йос-йовдлас нүдэрн үзж болхмн. Тиигхлэ, иим ут дуд кезэ, альд, яһж үүдсмб гихлэ, моңһл туурһтна дунд ут дун үүдсн, кезэнэс нааран дуулгдж ирсн ут удан түүкин йовциг давулсн гидгиг номһнр санл негтэ батлжана. Үзхнь, эн ут удан түүкин йовцд бас чигн өөрд сойлын дееж болж, залһмжлгдн ирсэр эврэ өвэрц болн онц чинриг бүрдэсн үүдэвр болж гиж таньх зөвтэ.

Ут дун һанц моңһл туурһтна дунд бээхэс биш ондан келн эмтнэ дундас терүг олж соңсхд берк болдг. Эннь өөрд улсин олн эмтнэ сойлын өвэрц чинриг үзүлжэснэ ил темдг гиж үнлж үзх кергтэ.

Ут дууулх бээриг шинжлхлэ, тернь өөрд улс бээх эргндк бээдлэ шуд залһлдата. Эдн кезэнэ жолмд, ишкэ болн модн гертэн суухларн, уулын хорма дахад, малын захд йовхларн дуулдг бээсн болхла, цаг-үй сольгдсн болн күүнэ бээдл-жирһлин делгрлт, шинрлт, неквириг дахад, байр-нээрин ширэд, хүрмин дунһрад, эрин һурвн нааднд, төрин йосллын талвнд чигн ут дууһан дуулх, сөн өргх авъяс күцэгдх болсн.

Хэрин һашута һундлта цагт ямр чигн дууулдг йосн уга. Тиим учрас ут дун бас авъясла нигт залһлдата гиж үзхлэ мел чик болх.

Байр-нэр кежэсн цагт, заң-заңшал күцэх йовудт ут дун дахуль болсн мөн гиж деер келгдсн. Тиигхлэ, олна нээрин йовцас үзхлэ, эркн биш йөрэлэр эклц болна. Даранднь залһад ут дууулж, сөн бэрх эн авъяс ода күртл тер кевэрн үзүлгджэнэ.

Ут дуунд тусхагдсн Бурхн багшд, төрсн нутгин һазр-усна савдг-шивдгт, аав-ээждэн, сээчүд-нойдудт, иньг-амргтан нерэдсн, агт мөрэн, уул-усан магтсн, хүрм-нээрт нерэдн дуулдг дуд ямр нег йос-үүл күцэжэх цагт алхм даралн дуулгдна. Тер учрар өөрд дунд йир олн төрл-зүүлин ут дун делгрсмн.

«Эрт цагин олн эмтнэ дуунд эмтнэ бээдл, күн болһна эдл биш хөв-заян болн түүнэс болсн санан-седкл болн заң-заңшалыг үзүлжэх үүдэвр чигн олн бээдг», — гиж моңһл урн зокъялын туужин туск дегтрт үнлсн мөн [1]. Иим дуудын нерд: «Нэрн һөвин зеерд», «Минжин ханһан буһ», «Цаһан шарһл мөрн», «Сайг-сайг саарл» болн нань чигн.

Ут дууна һол төр болхла, олн-эмтнэ болн күүнэ жирһл мөн. Мөнк цаста уулын ора, ут урсхлта һол-мөрн, төрсн һазрин нерн, баатр күүнэ нерн болн үнн йовдлас үүдэгдсн ут дуд бээдл-жирһлиг урн үгэр еңсг сээхн айсар үзүлнэ. «Олн эмтнэ дуунд холвгдсн күүнэ нерн, һазрин нернэс теднэ эдл

биш һазр-нутгт нүүж, эмдрж бээсн туужиг тодлж болна. Ут дууна туужин эклциг чигн хээж олж болна», — гиж Алтнцецг үнн үнллт кесн бээнэ [2].

Өөрд улсин урн билгин туужас үзхлэ, дуулх, биилх, «Жаһһр» хээлх, көгжмдх (товшур цокх, мөрн хур татх) сойлын байн аһулһиннь негн болсн. Түүнэ дотрас ут дуд болхла, бийэн даасн урн билгин негн төрл-зүүл болснь үзүлжэнэ.

Олн-эмтнэ дуу көгжм болхла, Шинжэнэ өөрд моңһлын сойлыг хамгин кергтэ оргч нег кесг мөн. Эн оргч нег кесгнь дун-айс, туужин дун-көгжм, ду-бийһин дун-көгжм, көгжм мет дөрвн ик төрл-зүүлиг дотран багтана. Тедн дунд олна дун-айс хамгин һол бээриг эзлнэ гиж өөрд сойл шинжлэчнр чик тоолвр өгсн мөн.

1980-ч жилмүдин эклцэс авн Шинжэнд олн эмтнэ дууг цуглуулж, диглж, барлж һарһх көдлмш делгрлт авсн. Шинжэнэ сегэтһрин дундас Ж. Доржара, Н. Лота, Зөргтэ, Пуцуңз, Т. Бадм, К. Дамиржав, С. Баазр, А. Олцу, алтн мет улсар ахлсн нег баг сегэтһр ут дууг цуглуулж, цааснд буулһх көдлмшт шунмһа орлцсн. Тегэд күчэн нөл уга дааврта көдлснэ аштнь олна дундас 4 611 ду хээж олад, түүгэн диглж, цааснд буулһн темдглж авсн. Эн дуудын үгиг нэрнэр шинжлж, утх давхрдсн зэрм дуд йилһн цөөлһж, аш сүүлднь 1 302 ду шүүж авч «Олна дууна хурамж» нертэ дегтр барас һарһсн бээнэ.

Ут дууна аһулһ. Ут дууна үгин аһулһ өргн-делгр, гүн утхта бээдг мөн. Йиртмжин уул усна өңг-үзмжиг магтсн, аав-ээжин энрл-хээриг дуулсн, агт-күлг эзндэн ээлтэ бээдг ач-тусиг дүрслсн, аһу баатрмудын керг-үүлиг магтн бишрсн, күүнэ хөв-заян, ург-холва, йөрэл, белг-дембрл, иткл-зөрг, амрг седкл болн нань чигн гүн чинртэ утх-аһулһ багтасн төрмүд ут дуунд дуулгдна. Иим гүн чинртэ ут дууна йиртмжин сээхн үзгдл болх өргн теегин бээдл, эрүн-цевр аһар, өөрд күүнэ уужм багтамжта, у чееж болн дотр седклин ундрлта дууна утхиг олж, үзж, таньж, медж болхмн.

Ут дууна өвэрц. Ут дууна айсин кемжэнэ уужмдк бээдл даңгин хойр нээмцд күрч эгшг нуһна. Үнр-амтнь тансгар деедлгдж ээзм (даршлһ) цоклһ өсрн эвкрлдэд, зэрмдэн цалыгмар, зэрмдэн дөлэкнэр дуулгдх шинж һарна. Өргж дуулх болн дөлэкн дуулх эв-арһ дууна үгин утхас иштэ хүврлт үүснэ.

Ут дууна айсин даршлһн усна давлһан кевтэ чөлэтәһэр, дөлэкнэр күүнэ чеежэс урсн һарад утар татгдн дуулгдна.

Цеңгнсн хоолта эмгд болн баргл хоолта өвгдин һоожулн дуулсн дууна урн жөөлн эвкрл нуһрлта айс күүнэ седклд ивтрн орад, седкл уйрулад, нульмс асхрлулдг йовдл олар харһна.

Кезэнэс нааран өөрд улс уужм ик өргн белчэрт (теегт) малан өскж ирсн тууж ут дуунд дуулгдна. Тер учрар, у өргн тег болн ут дун бат залһлдата. Ут дун өргн теегин бээдлиг күүнэ нүднэ өмн делгнэ,

чикнд соңсхна. Мөңгн ората өндр уул, көкрж сунсн өргн тал, холд урссн цегэн туңһлг усн, долан өңгэр солһһтрн алгтрсн цецгүд, халунта-киитһтэ жилин дөрвн цаг хүврх бээдл эн мет йиртмжин үзгдл угаһар ут дууна «нуһлар» урн жөөлн еңсг айс хамahas яһж һарх билэ? Йиртмжин үзгдл, күүнэ, седклин көдлгэн — эн һурвна сүлжэн ут дууна эклц болжана.

Ут ду дуулсн цагт, күүнэ олн цөн болн күрэ кевчәһәр кемжәлгдхш. Эн өвәрцәс үзхлә, нег хамтын ицл болн бээрәр ташр илрч бээдг.

Дууна үгин утхиг бүклднь дуулн һарһсн цагт, айс күүнэ сансн санаг дахад илдкнэ. Үлгүрлхд, «Ботх авхулх дуунд» темән ботхан һолсн цагт:

Арвн хойр сардан

Амрар теесн угалч,

Асата нилх һульжухаһан

Амарн эс хагсанаһч? — гиж генәртә айсар келн дуулхла, темәнә нүднәс нульмсн асхрад ботхан авдг юмн. Кемр «Хурһ авхулх ду» дуулхла, мөн тер кевәр хөн хурһан авдг учрта юмн.

Ут ду хүрм гиичд, ик нәр кесн цагт, байр дунһра деер, олна цуглран деер дуулж болдг өвәрцә.

Ут дууна айс нәрн тогтацта болчкад, өргн уудм бээдг. Зәрмдән давтлгт кеж дуулх учр бас харһна. «Айсин цар кевчәнә хойрас үлү нәэмцин далңгиг давсн бээдг. Ут дун юунас чигн ик йилһрсн өвәрц болхла, дуулжасн күн эврәннь авьяс чидврән үзүлж, олн зүүлин урн чимг хавсерулн, дууна учриг чөләтә сәәхн илткж болдг бәәнә» [3, х. 86].

Ут дууна төрл-зүүл. Олн-әмтнә дуд төрл-зүүлд әңглх талар олн номтнр шинжллт кеж ирсн болдг. Аңль орн-нутгин Кетүсн нертә номт олн-әмтнә дуд арвн хойр зүүләр нерлж шинжлсмн: үлгүрчлсн дун, иньг нуувч дун, малчин дун, әркин шог дун, зеерин, хулхачин дун, цергин дун, далан дун, далан цергин дун, аңһучин, спортын дун, көдлмшин дун, тархсн магтал дун, күүкдин наадна дун. [4, х. 81]. Зуг Шинжәнә ут дууна төрл-зүүлиг деерк арвн хойр зүүлә дүңцүлхлә, бас йилһән һарна.

Өдгә цагт ут дууна төрл-зүүлиг, түүнә үгин утхинь үндслж, заң-заңшалын, цаг-төрин, бурхн-шажна, туужд улсин, әмдрлин, көдлмшин, нутг-усна, иньг-амргин, нәр-наадмин, магтал дун, бүүвән дун, бийһин, әңгин дун гиж арвн кедүн төрл-зүүләр нерәдн номтнр шинжллт кежәнә. Зәрм номтнр эн арвн хойр зүүлиг цааранднь әңглхлә, кесг болһн хувасн. Тиим дуд дотрас заң-заңшалын туск дун тооһарн йир олн бээдг. Үлгүрлхд, «Зүркн хооһин экн» ут дун [5, х. 658]:

Зүркн хооһин экнд

Зүр гөрәсн идәшилдг,

Зүүцүлж яссн идәни деежиг

Зүүтәшиг аһнр зооглыта, — гиж ах болсн күүнд нерәдж, гиичдән дуулж, күндлсн седклән медүлж, йос-йовдл күцәдг авьяс.

Цаг-төрин туск дуунд ямр негн цаг-үйин керг йовдлыг тусхана. Үлгүрлхд, «Ховгин ут дун»:

Муң һолын модн

Моһа шурһигоһар урһсн билә,

Моңһл күүнә зөрг

Мөрнә туруна цокһта, — гиж дуулна [6, х. 3].

Бурхн-шажна туск дун. Хар усн района олн әмтнә дунд «Өмн талын өндр хаңһа» дун олар дуулгдна:

Өмн талын өндр хаңһа

Өргтә, жүзмтә (усн үзм) хаңһа бәәнә,

Өвгн буурл аавинән сәкүснд

Өдртнь һурв зальврад бәәнә, — гиж дуулна [5, х. 662]. Утх-учрнь болхла, бурхн-шажна угаһар һарһсн аав-әәжән күндлн, иткж, шүтсн седклиг тусхана.

Туужин улсин туск дун. Ховг Сээр района олн-әмтнә дунд «Хармг-лууһин көвәд» сәәхн гидг дун бәәнә:

Хармг-лууһин көвәд

Хар саарлнь сөөһәтә.

Хамг олна төләд

Ани Барданиг хойр

Хәәртәшиг әмнәсн салва.

Сарклатин һатһлнд

Сәәхн саарл сөөһәтә

Сән-мууһин төләд

Ани, Барданиг хойр

Сәәхн әмнәсн салва.

Эн дууна тууж Шинжәнд ода чигн олн дунд келгднә. Ани Барданиг хойрин тускар домг болн дууг Шинжәнә нертә шүлгч С. Баазр диглж, «Хан тенгр» журналын 1985-ч жилин 2-ч тойгт барлсмн.

Әмдрлин туск дун. Хар усн района олн-әмтнә дунд «Алта зәәрин шил» дун дуулгдна:

Зес өңгтә чигәнчн

Зерлг зегдин амтта,

Зе бичкн тернь

Зелән татад ярлзна [5, х. 671].

Зе күүкн болгч күн саалын зелд үкрән сааһад, адһж бәәх жирһлин бээдл эн дуунд тусхагджана.

Көдлмшин туск дун. Иим дуд нурһлж өөрд улсин көдлмшәр һол утх болһсн бээдг. Аң аңх дун, төл авхулх дун болһн көдлмшин дуунд багтна. Үлгүрлхд, «Ботх авхулх дун»:

Өнчн цаһан ботхн

Өлсх дутман буульна [уульна],

Өл маңхн экән

Санхин негнд буульна — гиж дуулна [4, х. 88].

Эн мет олн төрл-зүүлин ут дуд цугтан эврә келнә өвәрц, үгин чинр дун болһнд ил.

Ут ду дуулх йосн. Ут ду дуулсн цагт дуулх йосн (диг-даран) гиж бээдг. Дууна йос алдх зөв уга. Тер төләд ут ду йосна дун гиж бас нерәднә. Эн тускар Юань гүрнә цагин сегәтн дун көгжмин тускар иигж келсн болдг: «Юана йосллын көгжмиг аһулһар хәләж тавн әңгд хуваж болна. Тер болхла, өвк-деедсин, йиртмжин болн бурхн-

теңгрин тэклһ көгжм, нэр-наадмин байрт көгжм, ард иргдин цэнглт көгжм» гиж эврэ ухан-тоолвран бичж үлдэсн [3, х. 9].

Насарн ах күн ут ду дуулхларн, сууһад дуулна. Насарн баһ күн болхла, зогсад дуулх зөвтэ. Зогсад дуулдг йовдл наста ах үйин улсиг күндлжэснэ темдг.

Нег нээрин ширэд ахлн дахулгч нег дууч күн бээх йоста. Тер күн сэн дууч болчкад, дууна авьяс сээнэр медх зөвтэ. Бас олн ду дуулж чаддг, келэд чаддг шудрмг күн таарна. Эн күн дун болһна экнэ нег мөрин түрүн нег үгэс авад, һанцарн эклэд дуулна. Цааранднь хойрдгч эс гиж һурвдгч үгэс эклэд, олн улс залһн авч, хамдан дуулна. Энүнд ямр чигн көгжмин хавсрлһ угаһар цевр төрскн хооларн дуулдг болна.

Сүүлин үйд ирэд, ут дууг һанц күн дуулх, олн улс хамдан дуулх, көгжм хавсрулн олна өмн һарч дуулх мет цагин нектрлэ ирлцсн шинрлт һарсн. Ут ду дуулхларн, нурһлж мөрн хуурин айсар хавсрлһ болһдг үзгдл мөн олн.

Ут ду дуулсн цагт нег күн эклн авч дуулхла, хажуд бээсн улс цугтан тер эклсн күүг дахад, хамдан дуулдг гиж деер келгдсн. Зөрм цагт һанцхн күн дуулх үзгдл бас харһна. Болв хамдан дуулхнь нурһлгч ормд орна.

Ут ду дуулх бээр. Ут ду дуулх бээр гиж хая хүрмин йос-йовдл күцэсн цагт, концертд дуулх һазр болна. Эрт цагт Ваңгин ордн, наадмин ик хург, хүрм-нээрт, йирин өрк-бүлд дуулдг бээсн. Тер цагла дүнцүлхлэ, өдгэ цагт ут дун тиим олар дуулгдхш. Харм төрхд, ут ду дуулх күн чигн ховрдад ирв.

Ут дууна туск дегтрмүд. Сүл жилмүдт Шинжэнд ут ду диглж цуглулад, ут дууна хуранһус һарһсн. Зерглэд ут дууна туск шинжллтин көдлмш өргмж авсн. Теднэс зөрм нериг зааж болхмн.

1. «Моңһл ут дууна үг» (хойр дегтр, 840 дун). Шинжэнэ ардын кевллин хора нээрүлн барлв. Үрмч, 1980 ж.
2. «Ховг-Сээрин ут дун» (100 дун). Ховг-Сээрин моңһл эврэн засх шиян бээһүлгдсн һучн жилин өөниг белглх алвн гер нээрүлв. Шинжэнэ ардын кевллин хора барлв. Үрмч, 1984 ж.
3. «Борталын моңһл ут дун» (75 дун). Шинжэнэ ардын кевллин хора нээрүлн барлв. Үрмч, 1984 ж.
4. «Байнһолын моңһл ут дун» (70 дун). Шинжэнэ ардын кевллин хора. 1984 ж.
5. «Хан теңгр» гисн цуврл бичгт кесг олн ут дун барлгдсн (1981–1991).
6. «Бортал хотын ардын дууна хүвэр боть». Һар бичмл (231 ут дун).

7. «Хежин района ут дун». Һар бичмл (55 дун).
8. «Текс района ут дун». Һар бичмл (46 дун).
9. «Хар усн района ардын дууна хүвэр эвкмл». Һар бичмл (200 дун).
10. «Дөрвлжн района ут дун». Һар бичмл (100 дун).
11. «Моңһл Күрэ района ут дун». Һар бичмл. 100 дун.
12. «Аршан района ут дун». Һар бичмл (100 дун).
13. «Жиң района ардын дууна эвкмл». Һар бичмл (200 дун).
14. «Моңһл Күрэ района ут дууна Һар бичмл» (150 дун).
15. «Ховг Сээрин ардын дууна эвкмл». Һар бичмл (340 дун).
16. «Жим Сээр, Бар Көлин дун». Һар бичмл (43 дун).
17. «Алтан Уряңхан дун». Һар бичмл (60 дун).
18. «Бостнуур района ут, ахр айста дун». Һар бичмл (150 дун).

Эн мет дегтрмүд барлгдсн йовдл ут дууһан сурад, хадһлж делгрүлхд дөң күргжэнэ.

Хуранһулхла, Шинжэнэ өөрд моңһлын ут дун, теднэ эмдрж ирсн түүклэн болн амн сойл, заң-заңшалла бат залһлдата. Ут дун олна дунд үүдэд, ут удан цагин эргцд өргнэр дуулгдж бээснэс өөрд күн болһна чеежд үлдж үнтэ зөөр болв.

Ут дун һанц моңһл туурһтн олн-эмтнэ дунд бээнэ. Ут дууг аһулһ, өвөрц, төрл-зүүл, дуулх йосн, ут ду дуулх бээр зерг олн талас шинжлж, түүнэ эркм чинриг таньж медж болхмн.

ЗҮҮЛТ

1. Моңһлын урн зокъялын тууж. Тавн деед сурһуль хамтрн нээрүлв Көк Хот: Өвр Моңһлын сурһн күмжлин кевллин хора, 1988. 589 х.
2. Алтнцег. Эзнэ торһудын ул мөр. Көк Хот: Өвр Моңһлын һо урлг кевллин бүрн бус хэрицүлһт үүлдвр кевлв. 1998. 280 х.
3. Мергжх П., Доржара Ж., Байн Жирһл С. Моңһл ду көгжмин судл. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора. 2005. 390 х.
4. Нимжав Б. Өөрд ардын дууна төрл-зүүлин тоха дөкм өгүлхнь // Өөрдин судл. Үрмч: 1990. № 3–4. Х. 81.
5. Моңһл ут дууна үг (1). Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора. 1980. 840 х.
6. Басң Н. Шинжэнэ өөрдин үлгүрт дун. Улан-Хад: Өвр Моңһлын шинжлх ухан техник мергжлин кевллин хора. 1999. 519 х.

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

**БАШКИРСКИЕ НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ КАЛМЫКОВ И БАШКИР***А. М. Сулейманов*

Статья посвящена башкирским народным преданиям и отдельным архивным источникам, которые свидетельствуют о тесных контактах башкир и калмыков.

Ключевые слова: *этнические контакты, взаимодействие, башкиры, калмыки.*

The article is devoted to the Bashkir national legends and some archival sources which show the close contacts of the Bashkirs and Kalmyks.

Keywords: *ethnic contacts, interaction, the Bashkirs, the Kalmyks.*

Взаимосвязи башкир с калмыками начинаются с XVII в., когда отдельные этнополитические объединения ойратов, давшие начало калмыцкому этносу, мигрировали по ряду причин в западном направлении. В истории их взаимоотношений отмечены разные аспекты: появление мигрантов на уже заселенных территориях не могло ни привести к определенному столкновению интересов, однако «были периоды и мира и даже совместных выступлений в различных политических актах» [1, с. 245]. Разнообразные этнокультурные контакты получили отражение в ряде источников, в том числе в народных преданиях башкир.

Как отмечает Р. Г. Кузеев, «в XVII–XIX вв. имело место смешение юго-восточных племен [башкир] с другими народами», в том числе и с калмыками. «Этноним *калмык* (в составе бурзян, усарган и тангауров зафиксирован 17 [раз]) закрепился за потомством некоторых калмыцких семей, поменявших веру (ламаизм на ислам) и оставшихся среди башкир» [1, с. 118]. На юге Башкортостана, где находились традиционные места проживания этнических групп, перечисленных Р. Г. Кузеевым, можно обнаружить предания, в которых упоминаются контакты башкир и калмыков. Так, «в наиболее старом... ауле Шокурово», где проживают представители группы башкир — Упей, было записано предание, в котором говорится о приходе «в самой глубокой древности» предков шокур-упийцев «из Сибири или Иртыша», которых «называют то калмыками, то кунгурами» [1, с. 118].

У зауральских башкир-катайцев этноним *калмык* встречается 10 раз. Среди башкир, называемых башкир-калмыками, можно услышать предание о том, что их родоначальником был некто Буранягарка, пришедший в Башкирию с Иртыша. Это подтверждается наличием у башкир-калмыков малых этнических групп типа ара, аймак Буран, Буранягарак [1, с. 118, 164, 218, 221, 245].

Наличие среди башкир этнических групп калмыков, а также предания можно связать с появлением в среде башкирского этноса представителей калмыцкого народа, которые дали начало целым родам. Так, происхождение малого рода калмыков, ныне живущих в Миякинском

районе Республики Башкортостан, связывается с одним из конфликтов между соседними народами: после отражения натиска некоторых племен местные башкиры-минцы обнаружили люльку, висящую на ветке дерева, а в ней малышку-калмычку. В предании заключается, что «род калмыков, живущий в этих краях, является ее потомками» [2, с. 129]. Согласно преданию «Мамыт-батыр», башкиры-калмыки, ныне живущие в Зилаирском районе Республики, произошли от калмыка Мамыт-батыра, который, будучи еще ребенком, был пленен башкирским богатырем Букат-батыром и усыновлен Уляй-батыром. Другие предания [2, №№ 180–182] также повествуют о генезисе малых башкирских этнических групп, носящих этноним *калмык*, которые якобы произошли от калмыка, плененного еще ребенком (предание «Деревня Убалар»), или от ребенка-найденыша («Кашкар»), или даже якобы от купленного у калмыков-кочевников малыша («Деревня Расуль»).

Сведения, дошедшие до нас в преданиях, подтверждаются письменными источниками. Так, по свидетельству депутата Уложенной комиссии 1767–1768 гг. от башкир Исетской провинции Мякотинской волости, ставшего позже фельдмаршалом Е. И. Пугачева, — Базаргула Юнаева, «между нашего тарханского и башкирского народов именуются сартами и *калмыками* некоторая часть, но все единого магометанского закона, которое их название произошло в древние времена, сарты, вышедшие из-за границы. Самопроизвольно от владения степных народов, а *калмыки также в древние времена получены были нашими башкирами при войнах в малолетстве* [курсив мой — А. С.], которые из древних лет именуются с нами единым званием башкирами с отличеством, что одни произошли от сарт, а другие — от калмык, почему как землями и всеми угодиями общее владение имеем и почитаемся все башкирцами, равно же в государственных службах обще и наряду обращаемся без всякого отличительства от башкирцев» [цит. по: 3, с. 120].

На землях, где проживали башкиры, предки калмыков (ойраты) появились в начале XVII в.

Так, «в верховьях Тобола калмыки впервые показались в 1606 г.». В последующие годы не раз происходили стычки между башкирскими и калмыцкими кочевниками [1, с. 245–246], что вполне понятно в свете территориального вопроса. Как считают башкирские историки, царские власти в ряде случаев содействовали калмыцким князьям в захвате земель башкир [4, с. 208]. Видимо, этот период нашел свое отражение в предании «Такагашка», записанном в 1961 г. в дер. Старо-Муйнково Учалинского района. Предание начинается сразу же с завязки действия: «Однажды калмыки отправили своего посланника к предводителю башкирского рода Утягулу, который передал их требования, так и так, мол, отдайте нам свои земли. Если откажетесь, то пойдем на вас войной». Далее повествуется о том, как Утягул отказался выдать свои земли и объявил условие: в трех километрах от деревни Старо-Муйнаково у подножья горы поставить с обеих сторон по одному силачу; земля будет принадлежать той стороне, чей богатырь победит в единоборстве. Калмыки согласились на это условие. Хотя стороны были настроены враждебно по отношению к друг другу, они строго придерживались правил обычного права. Когда молодой силач со стороны башкир Такагашка одолел богатыря калмыков, последние оставили в покое башкир. Через некоторое время в подобной ситуации вновь победил силач-башкир. И на этот раз калмыки ушли, соблюдая правила, хотя во многом превосходили по численности вооруженных людей местных башкир.

Сказитель-риваятсы осуждает междоусобицы¹ башкирских племен и призывает к объединению и дружбе, объявляя:

С признанием власти Белого царя

Улеглись былые страсти среди родов [5, с. 491].

В свете башкирско-калмыцких контактов начала XVIII в. вызывает интерес документ из Государственного архива Республики Татарстан, который был передан из Османского архива [г. Стамбул, Турция] и опубликован в переводе на татарский язык в журнале «Эхо веков» [6]. Этот документ охватывает исторические события, происходившие в начале XVIII в. на территории Башкортостана, в Поволжье и Москве; в нем условно можно выделить три части. Повествование ведется от имени очевидца событий — Пахлевана Кулуйбая, посла калмыцкого хана Аюки, направленного в Турцию в 1722 г. по хиджре (1710 г. по миляди). И хотя понятно, что высказанное Пахлеваном Кубуйбаем связано с определенными интересами и задачами, поставленными перед посланником в Турцию,

приведем кратко основные моменты, связанные с освещением им башкирско-калмыцких связей. В начале своего рассказа, которое условно можно выделить как первую часть, калмыцкий посол сообщает о том, как «один султан из иштыянского народа², взяв с собой немного людей, тайно напал на Турк (?), известный город Московского государства, и окружил его». Далее Пехлеван Кулуйбай повествует о том, что иштыяки-башкиры по своей беспечности и из-за отсутствия знаний и опыта тактики осады сами попали в капкан защитников города и были казнены. Кроме того, во вводной части рассказа калмыцкий посол в сжатой форме сообщает о том, что «иштыяки, целиком являющийся мусульманским народом, в прошлые времена пережили много злодейств со стороны Московского трона». Вероятно, речь идет о восстаниях башкир с участием калмыков 1662–1664 и 1681–1684 гг. По мнению историков, из-за роста «фискального гнета, а также произвола и насилия ... царской администрации на местах ... в знак протеста ... группа башкир, состоящая из 30 семей, ушла к калмыкам» [7, с. 93]; «восстание 1662–1664 гг. было первым массовым антифеодальным выступлением башкирского народа. Оно охватило обширную территорию от среднего течения р. Исеть до р. Камы, от верховьев р. Яика до бассейна рек Ирбет и Чусовой. В отдельные периоды восставших поддерживали трудовые массы татар, мари, манси. Некоторое участие в восстании приняли калмыки и сибирские царевицы, если последние использовались только для объединения повстанцев, то калмыки помогали башкирам в проведении ряда боевых операций» [4, с. 212]. Однако силы были неравны, и оба восстания были жестоко подавлены. В поражении второго восстания заметную роль сыграла политика царского правительства по отношению к двум народам, основной целью которой было разрушить «союз башкир с калмыками и поодиночке справиться с ними» и «подарками и обещаниями» в начале 1683 г. добилось от калмыков во главе с Аюкой «полного отказа от дальнейшей поддержки восстания башкир» [4, с. 214].

Противоречащие этой информации сведения содержатся в сообщении посла о походах башкир на Москву, которые условно можно назвать второй частью рассказа Пахлевана Кулуйбая. Причем изложенная послом информация вызывает некоторые сомнения: вероятно, рассказчиком допущен анахронизм, либо он рассказал о событиях, происходивших после восстания башкир 1681–1684 гг., которые не известны отечественной историографии. Во всяком случае калмыцкий

¹ «Нападения казахов и калмыков прекратились лишь тогда, когда наши предки приняли подданство Белого царя» [2, с. 181].

² Соседние народы зачастую называли башкир иштыяками, иногда — ногайцами.

посол сообщил о том, как иштяки-башкиры, «объединившись с каракалпаками и киргиз-кайсаками, придя с ними к единому мнению, назначив султана из каракалпаков и совместно с нашим ханом, Аюка-ханом, договорились совершать в течение пятнадцати лет с набеги на Московское государство». Подобные сведения пока не подтверждены другими источниками. Кроме того, известно, что царские власти при каждом удобном случае вносили разлад между союзниками. Склонение Аюки в 1683 г. на сторону правительственных сил было не единственным случаем. Так, «в XVII–XVIII вв. близко от границ Башкирии кочевали калмыки (ойроты)», устраивались «взаимные набеги башкир и калмыков» [1, с. 164]. Это было выгодно властям, которые всячески старались следовать политике «разделяй и властвуй». Усилению взаимной неприязни двух народов служило «содействие царского правительства калмыцким феодалам в захвате земель в юго-западной Башкирии» [4, с. 208], что отражено в рассказе Пахлевана Кулуйбая.

Перед опасностью усиления союза трех мусульманских народов и калмыков царская власть, по словам Кулуйбая, дважды посылала к хану Аюке послов. Первый посол обращался с просьбой помочь калмыцкими войсками, но получил отказ. Второй посол якобы сообщил, что башкиры каким-то образом совершали набеги даже на Москву. Передавая информацию об этом, Пахлеван Кулуйбай пересказывает слова посланника к Аюке: «Ладно, отказался дать войска, тогда запрети иштякскому народу делать набеги на Московское государство!». На это предложение хан Аюка ответил отказом.

Как подтверждение слов хана Аюки воспринимается третья часть устного рассказа калмыцкого посла. Речь идет о событии, связанном с наступлением сорокатысячной армии царского правительства на башкир зимой 1709 г. В рассказе утверждается, что на помощь иштякам-башкирам пришел со своими войсками калмыцкий хан Аюка. По этой причине правительственные войска не смогли развернуться и начать широкомасштабные операции против иштяков-башкир, наоборот, даже были вынуждены поспешно отступить. Принимали ли калмыки участие в последовавшем далее контрнаступлении, сведений в рассказе нет, упоминается лишь, что «иштяки, встретив упомянутые русские войска и заставили их отступить на сторону Волги».

Контакты иштяков-башкир с калмыками ни могли не оставить след в культуре обоих народов, в том числе в фольклорном наследии³.

Приведенные примеры преданий, а также данные из архивных документов свидетельствуют о том, что башкиры начали тесно общаться с калмыками уже в начале XVII в. В XVIII в., когда связи были очень тесными, у башкир появилась песня о хане Аюке. Представляется, что ее сложение происходило в русле башкирской традиции, согласно которой в честь авторитетных личностей, завоевавших особое уважение, слагали песню или создавали инструментальное произведение. Так, известны песни «Хан-Буягым» (посвященные истории восхождения Акхак-Тимура на престол), о Салавате Юлаеве (верном соратнике народного царя Бугас-батыра — Е. Пугачева), Е. Пугачеве; Кутдус-батыре-Кутузове, Кахым-Туре, героях Отечественной войны 1812 г. и т. д. Сложение песни об Аюке — дань уважения калмыцкому хану, который известен в истории России как сильный правитель и активный политик, имевший тесные контакты с российским императором.

В связи с темой этнокультурных контактов башкир и калмыков необходимо также вспомнить предание, представляющее несколько вариантов мотива «Гибель крылатого коня-тулпара». Согласно народному обычаю башкир, до полной уплаты калыма мужчина не мог увозить невесту в свой дом, также не имел права показываться ее родителям. Поэтому он мог посещать ее лишь после захода солнца, когда спали ее родители. С этим обычаем связан мотив тайных свиданий жениха и невесты перед отъездом на длительное время. К примеру, в одной из версий предания «Камень жениха», записанной в 60-х гг. XX в., молодой мужчина, прощаясь со своей невестой после первого посещения, говорит ей: «Зимой не смогу приехать. Приеду весной вместе с дикими черными гусями. О моем приезде никому не говори!» [2, с. 358]. Таким образом, он действует в рамках обычая и также предупреждает девушку о том, чтобы другие люди не увидели крыльев его крылатого коня-тулпара. Из этой версии предания мы узнаем, хотя и в общих чертах, к какому роду относился жених и где проживала его невеста, и подобная конкретизация в предании оправдана, поскольку указывает на значительное расстояние, которое отделяло места проживания молодых. Следовательно, каждый его приезд был праздником для суженых, а потому родственники и односельчане девушки не могли не обратить внимание на его появление. Настойчивый интерес, проявляемый к коню, на котором прибывает жених, но которого он никому не показывает, оставляя его в горах, порождает неоднократные просьбы к молодой девушке узнать у жениха причину такого поведения. Эта просьба повторяется несколько

³ Взаимоотношения между двумя народами созвучны замечательной башкирской пословице *Ат аунаган ер — а төк ала*. 'Там, где валяется лошадь, остается шерсть'.

раз, девушка сначала отказывает в их просьбе по причине своей робости. Сказители-риваятсы обращают внимание слушателей на усиление любопытства жен братьев девушки, связанного с их желанием увидеть таинственного коня жениха, а также их настойчивое подстрекательство. Такой прием указывает на увеличение напряженности ситуации, которая, в конечном счете, направлена на испытание выдержки жениха. Все это заинтриговывает слушателей, перед взорами которых начинает вырисовываться таинственный образ невидимого коня. Тем временем, не выдержав накала страстей, жених отступает и вынужденно показывает своего коня, спрятанного от посторонних глаз в специальном шатре. Тем самым нарушается запрет на показ крыльев тулпара.

Внутренняя закономерность фольклорных сюжетов, в частности сказок, легенд, эпосов, заключается в том, что после нарушения запрета обязательно следует наказание. Разбираемый сюжет не является исключением: тулпар погибает. Однако в отличие от ряда традиционных легендарных, мифологических и других фольклорных сюжетов в этом случае наблюдается двойное наказание: жених остается без любимого коня, а молодая женщина — без мужа, так как он расторгает договоренность о браке, лишившись любимого коня.

Сравним данную версию этого сюжета с другой, записанной под названием «Косогор Турат» в 1967 г. в Хайбуллинском районе Башкортостана [2, № 51], главным героем которой является жених родом из калмыков. Здесь произошла не простая замена данных об этнической принадлежности жениха, хотя мотив, связанный с прятанием тулпара, сходен с аналогичным мотивом из первой версии сюжета. Предание отличается особым «этнографическим» обрамлением в виде нетрадиционных для башкир обрядов и обычаев; кроме того, включение в сюжет дополнительных мотивов, отсутствующих и в других версиях, придают ему оригинальность.

Время (или сроки) посещения женихом девушки (о котором повествуется в завязке сюжета) определяется весенним прилетом диких черных гусей. Сын калмыцкого бая договорился о браке с девушкой-башкиркой и, уезжая домой, говорит: «Жди меня тогда, когда прилетят черные гуси». Иначе говоря, обещает приехать в следующий раз только весной. Развязка сюжета соответствует отъезду жениха домой и определению им срока своего отсутствия или времени следующего посещения своей невесты другим приемом. Перед прощанием он отрезал целиком ее косу и сказал:

«Я приеду тогда, когда твои косы достигнут прежней длины. До этого не жди меня!» Таким образом, он определяет еще более длительное время своего отсутствия.

В обоих случаях жених не стал объяснять, почему раньше не сможет посещать невесту. Видимо, время прилета птиц и выращивания кос до прежней длины являются не только мерилom срока отсутствия жениха, но и имеют пространственное значение: ими, вероятно, определяется отдаленность места жительства жениха, а также мера испытания на терпеливость и брачную верность невесты. Однако если формула «когда прилетят черные гуси» еще сопоставима с расстояниями, отделявшими порой и башкирские поселения (она присутствовала и в первой версии сюжета), то мотив отрезания кос⁴, вероятно, связан с обычаями, которых придерживается жених.

Основной сюжет состоит, в отличие от первой версии, из трех тематических мотивов: «Гибель крылатого коня-тулпара» + «Выбор героем коня» + «Прошедшее никто не сможет догнать». Таким образом, данная версия известного нам сюжета по сравнению с первой версией выходит за рамки границ жанра предания. Первый мотив, благодаря образу мифического крылатого коня-тулпара, в целом напоминает мифологическую легенду. Второй больше характерен для богатырских сказок и героических эпосов. Третий является притчей и напоминает башкирскую народную сказку «Старик-предсказатель» [8, № 111], в частности ту ее часть, где речь идет о неуловимом предмете⁵, о котором говорилось в загадке, решенной стариком-предсказателем. Этот мотив частично напоминает международный тип сюжета АТ 471. Однако в предании речь идет о всаднике на черном коне, который проезжает мимо жениха и его будущего тестя. Старик спрашивает: «Догони-ка его и узнай, почему он не заехал к нам?». Зять его долго гнался за странным всадником, но не смог догнать его. И тесть ему объясняет: «Не только ты, но и твои предки не смогли догнать его. Это же невозвратное прошлое». В этой притче отражены отзвуки, видимо, обряда добрачного испытания жениха, характерного для древности.

Несмотря на такие различия в двух версиях одного сюжета, они едины в главном: после гибели крылатого коня в обоих случаях жених возвращается домой, а невеста остается одна. Такой исход вполне соответствует реалиям, которые были характерны для раннего этапа контактов башкир и калмыков, когда места кочевий калмыков постоянно менялись. В предании говорится о том, что калмыки кочевали летом в местности, получившей позже название Косогор Турат, а с годами ушли кочевать в дру-

⁴ В калмыцкой традиции отрезание кос женихом не зафиксировано, но существует символическая взаимосвязь между косами замужней женщины и жизненной силой молодых супругов.

⁵ Неуловимый предмет в данной сказке — это невозвратное прошлое.

гие места. У тюрко-монгольских народов брачный союз представителей двух этнических сообществ считался знаковым явлением: он означал породнение двух народов. Этот факт отражает этнокультурные взаимосвязи двух народов. Присутствие данного мотива в сюжете, который и в башкирских преданиях завершается отъездом героя, соответствует историческим реалиям и откочевке калмыков в Прикаспийские степи.

Таким образом, башкирские предания и исторические источники свидетельствуют о тесных этнокультурных контактах двух народов — башкир и калмыков, о взаимопроникновении тех или иных мотивов и сюжетов фольклорных произведений и, шире, о взаимовлиянии традиций и обычаев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
2. Башкирское народное творчество / сост., ав-

тор предисл., коммент., словаря и указателя мотивов Ф. А. Надршина; отв. ред. Кирей Мэргэн, А. М. Сулейманов. Уфа: Китап, 1997. Т. 2: Предания и легенды (На башкирск. яз.). 572 с.

3. Асфандиаров А. З. История сел и деревень Башкортостана. Уфа: Китап, 2001. Кн. 9. 208 с.

4. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / отв. ред. Х. Ф. Усманов. Уфа: Китап, 1996. 520 с.

5. Башкирское народное творчество: в 8 тт. / сост., предисл., глоссарий М. М. Сагитова; коммент. М. М. Сагитова, Н. Т. Зарипова, А. М. Сулейманова; отв. ред. Н. Т. Зарипов. Уфа: Китап, 1987. Т. 1: Эпос. 539 с.

6. Исламов Р. Ыюкһ ханныһ Баш вһзиргһ хаты // URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymouse/main/?path=mg:/numbers/2002_3_4/02/02_3/ (дата обращения: 02.05.2010).

7. Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков. Уфа: Китап, 1993. 223 с.

8. Башкирское народное творчество / сост., предисл., А. М. Сулейманова; коммент. Л. Г. Барага, А. М. Сулейманова; отв. ред. Н. Т. Зарипов. Уфа: Китап, 1983. Кн. 5: Сказки (На башкирск. яз.). 493 с.

ББК 83.3

SINJIYANG-UN OYIRAD MONGYOLČUD-UN «SEČEN EMEGTEI-YIN ŪLIGER»-UN KEB SIJI-YIN QUBIYARILAL (ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОЙРАТСКОГО СКАЗОЧНОГО МОТИВА О МУДРОЙ ДЕВУШКЕ)

Сарантуя

В статье рассматриваются типологические трансформации сказочного мотива о мудрой девушке (невестке или дочери), получившего достаточно широкое распространение в сказочном фольклоре ойратов. При сопоставлении различных сказок автор использует как уже известные материалы, так и собственные полевые записи. В ходе анализа было выявлено, что одним из существенных элементов подобного сюжета является мотив «трудная задача», связанный с рядом других, которые вместе формируют композиционные особенности той или иной вариации сказки, а также художественный образ героини.

Ключевые слова: *сказка, мотив, мудрая девушка, синьцзянские ойраты.*

The article deals with the typological transformations of fairytale motif about a wise girl (a daughter-in-law or a daughter), received the wide circulation in Oirats' fairytale folklore. By comparison of various fairytales the author uses already known materials and her own field records. In the course of the analysis it has been revealed that one of essential elements of such plot is the motif of a difficult problem, connected with a number of other motifs which form compositional peculiarities of different variations of fairytale and heroine's art character.

Keywords: *fairytale, motif, a wise girl, Oirat-Mongols of Xinjiang.*

* ٢٠٠٧ ۽ ٢٠٠٨ ۾ ٿيل ڪارروين جو خلاصو

20

«**የሕዝብ ልማት**» የፖለቲካ ምክር ቤት

[illegible][illegible]

58 "Mendocino" Mendocino

[Handwritten musical notation]

— $\mu_{\text{max}} \sigma_{\text{max}} \gamma$ *

התוצאות לא תכתיבן את המצב » ״אנחנו לא יכולים להחליט על המצב״

[illegible][illegible]

ਸਿਧੀਦਾਸੀ ਦੇ ਸਿਧੀਦਾਸੀ ਨਾਲ
ਸਿਧੀ . «ਸਿਧੀ ਦੇ ਸਿਧੀ» ਦੇ (੧) ਸਿਧੀ ਦੇ

[illegible]

8. 557. f^{h} (פֶּה) וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 7. 556. f^{h} וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו (פֶּה) וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 6. AT555^* וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 5. 550 * f^{h} . וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
- וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
4. DNT 506^* וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 3. AT404 וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
- וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
2. DNT403D וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו — וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 1. AT313A^* וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו — וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
- וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
20. DNT1692^* וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 19. 1575 * f^{h} וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
- וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
18. JRH983A^* וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 17. DNT982C וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 16. DNT980B.2 וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 15. DNT 930A וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 14. AT910A וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 13. 888E וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
- וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
12. AT888C^* וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 11. 877 * f^{h} וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 10. 876 וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
- וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
1. 852D וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
- וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
28. JRH1696C וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 27. AT1641 וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 26. AT1537 וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
- וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
25. JRH1526C^* וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 24. DNT1441C וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 23. AT1426^* וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 22. AT920 וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 21. DNT896^* וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 20. 875E וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
- וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
19. JRH875D_2 וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 18. 875B, וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 17. 875A וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 16. DNT 870B וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 15. AT884 וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 14. AT841A וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 13. JRH742 וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 12. AT725 וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
- וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
11. AT707^* וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 10. 559, וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
 9. 558, וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו
- וְהָיָה עִיבָה לְפָנָיו

[illegible]

ଆମର ସମସ୍ତ ସମ୍ପଦ ଶାନ୍ତି ପାଇଁ ଉଦ୍ଦିଷ୍ଟ :

[illegible]

8. DNT922B * תלמידי המוסדות המרכזיים של הממשלה

ಪ್ರಾಚೀನ ಭಾರತ

6. AT875D₁* **የጥጥር ማስተካከያ ማረጋገጫ ሪፖርት**

5. 875B₈ గ్రేట్ బ్రహ్మచర్యం గానం

1. 875B, երկր, գրանցի օրեր, հասցեագրված և երկր և այլ կերպ

1997-1998

3. JRH875B5 Կա՛ն ըստ՝ ձեր մոտեցման և ձեր մոտեցման ճշմարտության

2. JRH460. ਅਸ਼ੋਕ ਦੇ ਅਸ਼ੋਕ ਦੇ ਅਸ਼ੋਕ

செய்த

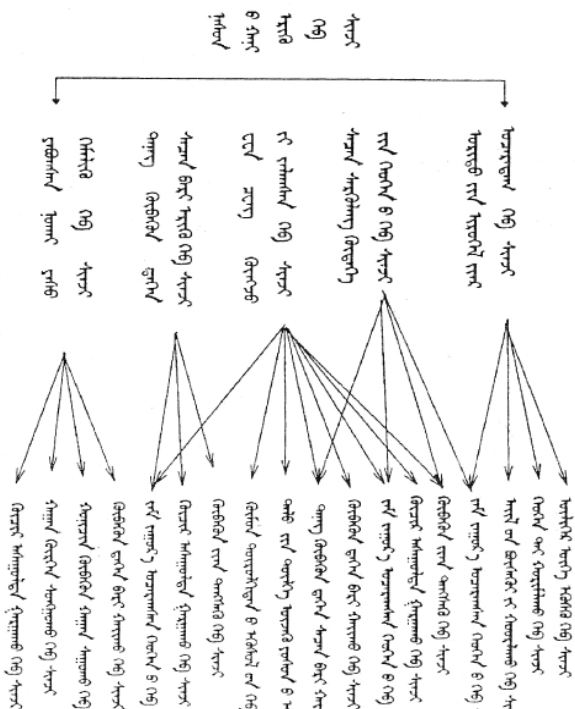
1. JRH402A തടസ്സം വെക്കുന്നതിനായി

III. *Verfahrenstechnische Verfahren*

[illegible]

«... 16-й год. ...»

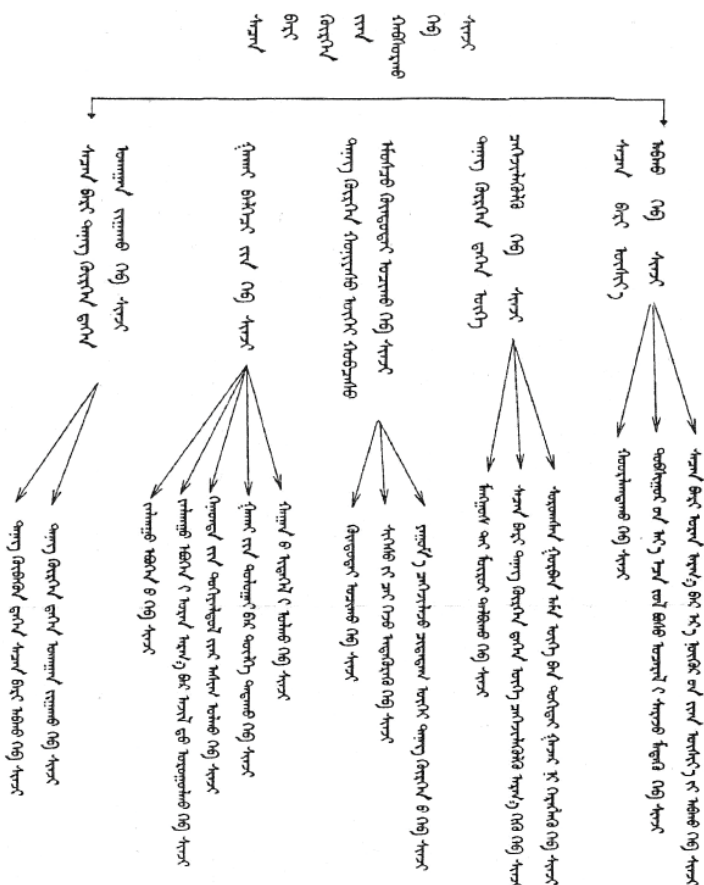
II «ଆମ ଚନ୍ଦ୍ର ଚନ୍ଦ୍ରମ ଥାଏ ମଣିଷମାନେ» ଲେଖିକାଙ୍କ ଏକ ଲେଖନୀ :

تصنيفات:

في هذا التصنيف، نجد 11 تصنيفات فرعية، منها 9 تصنيفات فرعية رئيسية و 2 تصنيفات فرعية فرعية. هذه التصنيفات الفرعية هي: «الطبيعة»، «الإنسان»، «الدين»، «السياسة»، «العلم»، «الفن»، «الرياضة»، «الترفيه»، «البيئة»، «الصحة»، «السياحة». هذه التصنيفات الفرعية هي: «الطبيعة»، «الإنسان»، «الدين»، «السياسة»، «العلم»، «الفن»، «الرياضة»، «الترفيه»، «البيئة»، «الصحة»، «السياحة».

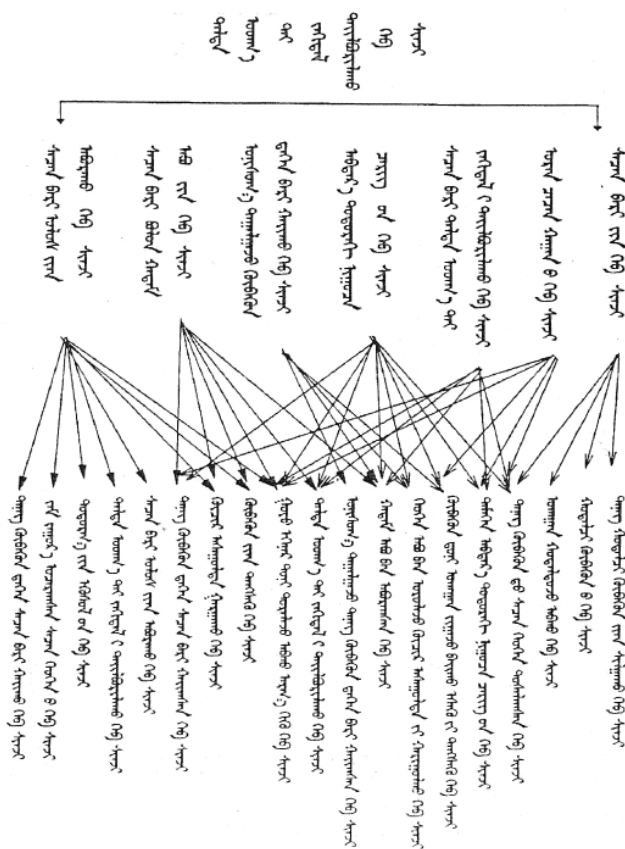
III: تصنيفات «الطبيعة» و «الإنسان» و «الدين» و «السياسة» و «العلم» و «الفن» و «الرياضة» و «الترفيه» و «البيئة» و «الصحة» و «السياحة»

تصنيفات:

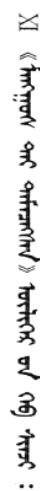
في هذا التصنيف، نجد 11 تصنيفات فرعية، منها 9 تصنيفات فرعية رئيسية و 2 تصنيفات فرعية فرعية. هذه التصنيفات الفرعية هي: «الطبيعة»، «الإنسان»، «الدين»، «السياسة»، «العلم»، «الفن»، «الرياضة»، «الترفيه»، «البيئة»، «الصحة»، «السياحة». هذه التصنيفات الفرعية هي: «الطبيعة»، «الإنسان»، «الدين»، «السياسة»، «العلم»، «الفن»، «الرياضة»، «الترفيه»، «البيئة»، «الصحة»، «السياحة».

IV: تصنيفات «الطبيعة» و «الإنسان» و «الدين» و «السياسة» و «العلم» و «الفن» و «الرياضة» و «الترفيه» و «البيئة» و «الصحة» و «السياحة»

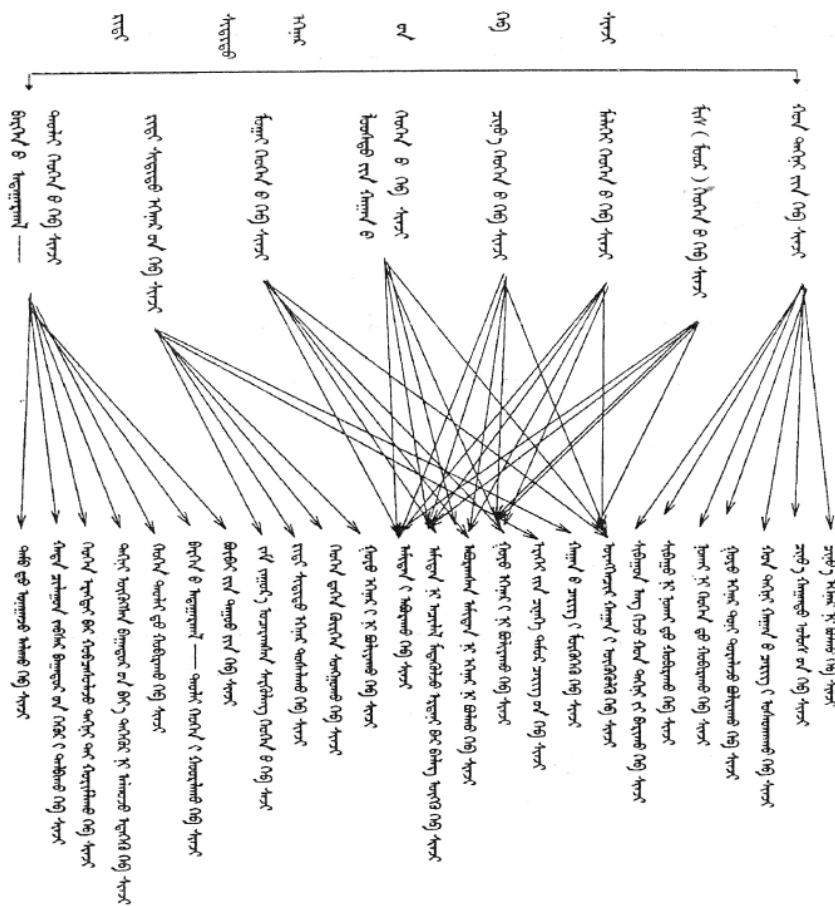
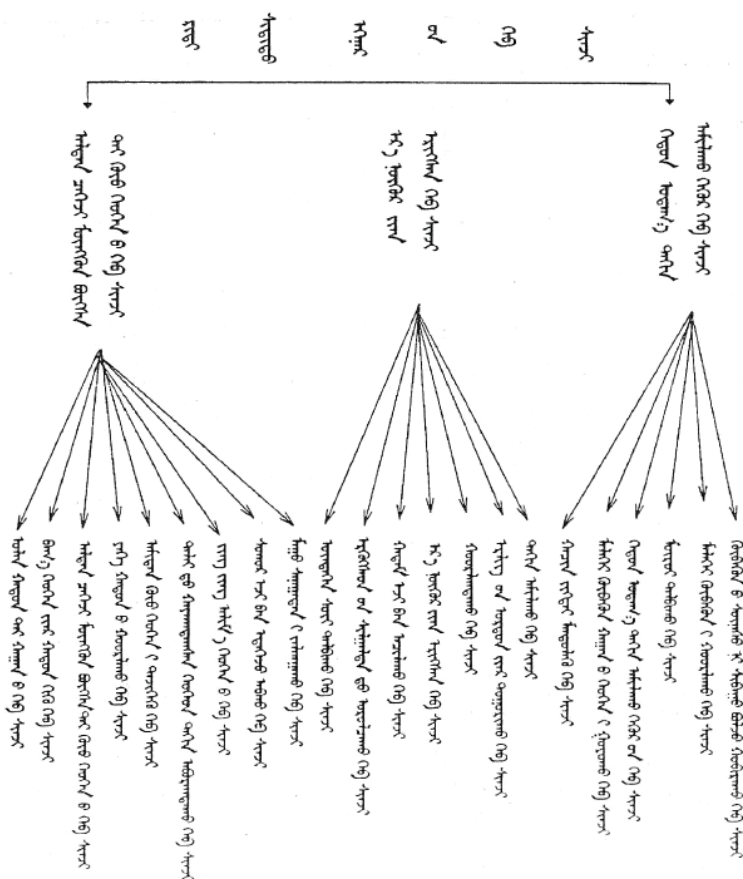

[illegible][illegible]

۱. **مقدمه**
 ۲. **روش تحقیق**
 ۳. **نتایج و بحث**
 ۴. **نتیجه‌گیری**
 ۵. **منابع**

[illegible]

1. 115 2. 115 3. 115 4. 115 5. 115 6. 115 7. 115 8. 115 9. 115 10. 115 11. 115 12. 115 13. 115 14. 115 15. 115 16. 115 17. 115 18. 115 19. 115 20. 115 21. 115 22. 115 23. 115 24. 115 25. 115 26. 115 27. 115 28. 115 29. 115 30. 115 31. 115 32. 115 33. 115 34. 115 35. 115 36. 115 37. 115 38. 115 39. 115 40. 115 41. 115 42. 115 43. 115 44. 115 45. 115 46. 115 47. 115 48. 115 49. 115 50. 115 51. 115 52. 115 53. 115 54. 115 55. 115 56. 115 57. 115 58. 115 59. 115 60. 115 61. 115 62. 115 63. 115 64. 115 65. 115 66. 115 67. 115 68. 115 69. 115 70. 115 71. 115 72. 115 73. 115 74. 115 75. 115 76. 115 77. 115 78. 115 79. 115 80. 115 81. 115 82. 115 83. 115 84. 115 85. 115 86. 115 87. 115 88. 115 89. 115 90. 115 91. 115 92. 115 93. 115 94. 115 95. 115 96. 115 97. 115 98. 115 99. 115 100. 115 101. 115 102. 115 103. 115 104. 115 105. 115 106. 115 107. 115 108. 115 109. 115 110. 115 111. 115 112. 115 113. 115 114. 115 115. 115 116. 115 117. 115 118. 115 119. 115 120. 115 121. 115 122. 115 123. 115 124. 115 125. 115 126. 115 127. 115 128. 115 129. 115 130. 115 131. 115 132. 115 133. 115 134. 115 135. 115 136. 115 137. 115 138. 115 139. 115 140. 115 141. 115 142. 115 143. 115 144. 115 145. 115 146. 115 147. 115 148. 115 149. 115 150. 115 151. 115 152. 115 153. 115 154. 115 155. 115 156. 115 157. 115 158. 115 159. 115 160. 115 161. 115 162. 115 163. 115 164. 115 165. 115 166. 115 167. 115 168. 115 169. 115 170. 115 171. 115 172. 115 173. 115 174. 115 175. 115 176. 115 177. 115 178. 115 179. 115 180. 115 181. 115 182. 115 183. 115 184. 115 185. 115 186. 115 187. 115 188. 115 189. 115 190. 115 191. 115 192. 115 193. 115 194. 115 195. 115 196. 115 197. 115 198. 115 199. 115 200. 115 201. 115 202. 115 203. 115 204. 115 205. 115 206. 115 207. 115 208. 115 209. 115 210. 115 211. 115 212. 115 213. 115 214. 115 215. 115 216. 115 217. 115 218. 115 219. 115 220. 115 221. 115 222. 115 223. 115 224. 115 225. 115 226. 115 227. 115 228. 115 229. 115 230. 115 231. 115 232. 115 233. 115 234. 115 235. 115 236. 115 237. 115 238. 115 239. 115 240. 115 241. 115 242. 115 243. 115 244. 115 245. 115 246. 115 247. 115 248. 115 249. 115 250. 115 251. 115 252. 115 253. 115 254. 115 255. 115 256. 115 257. 115 258. 115 259. 115 260. 115 261. 115 262. 115 263. 115 264. 115 265. 115 266. 115 267. 115 268. 115 269. 115 270. 115 271. 115 272. 115 273. 115 274. 115 275. 115 276. 115 277. 115 278. 115 279. 115 280. 115 281. 115 282. 115 283. 115 284. 115 285. 115 286. 115 287. 115 288. 115 289. 115 290. 115 291. 115 292. 115 293. 115 294. 115 295. 115 296. 115 297. 115 298. 115 299. 115 300. 115 301. 115 302. 115 303. 115 304. 115 305. 115 306. 115 307. 115 308. 115 309. 115 310. 115 311. 115 312. 115 313. 115 314. 115 315. 115 316. 115 317. 115 318. 115 319. 115 320. 115 321. 115 322. 115 323. 115 324. 115 325. 115 326. 115 327. 115 328. 115 329. 115 330. 115 331. 115 332. 115 333. 115 334. 115 335. 115 336. 115 337. 115 338. 115 339. 115 340. 115 341. 115 342. 115 343. 115 344. 115 345. 115 346. 115 347. 115 348. 115 349. 115 350. 115 351. 115 352. 115 353. 115 354. 115 355. 115 356. 115 357. 115 358. 115 359. 115 360. 115 361. 115 362. 115 363. 115 364. 115 365. 115 366. 115 367. 115 368. 115 369. 115 370. 115 371. 115 372. 115 373. 115 374. 115 375. 115 376. 115 377. 115 378. 115 379. 115 380. 115 381. 115 382. 115 383. 115 384. 115 385. 115 386. 115 387. 115 388. 115 389. 115 390. 115 391. 115 392. 115 393. 115 394. 115 395. 115 396. 115 397. 115 398. 115 399. 115 400. 115 401. 115 402. 115 403. 115 404. 115 405. 115 406. 115 407. 115 408. 115 409. 115 410. 115 411. 115 412. 115 413. 115 414. 115 415. 115 416. 115 417. 115 418. 115 419. 115 420. 115 421. 115 422. 115 423. 115 424. 115 425. 115 426. 115 427. 115 428. 115 429. 115 430. 115 431. 115 432. 115 433. 115 434. 115 435. 115 436. 115 437. 115 438. 115 439. 115 440. 115 441. 115 442. 115 443. 115 444. 115 445. 115 446. 115 447. 115 448. 115 449. 115 450. 115 451. 115 452. 115 453. 115 454. 115 455. 115 456. 115 457. 115 458. 115 459. 115 460. 115 461. 115 462. 115 463. 115 464. 115 465. 115 466. 115 467.

[illegible][illegible]

[illegible]

ЭКОЛОГИЯ

ББК 28.080

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД***Э. Б. Габунцина*

Статья посвящена анализу экономических показателей в сельскохозяйственной отрасли Республики Калмыкия в 1985–2000 гг. Автор выявляет причины изменения численности поголовья скота в аграрном секторе экономики республики в разные годы переходного периода.

Ключевые слова: *опустынивание, поголовье скота, динамика численности, использование пастбищ, природно-хозяйственные зоны.*

The article is devoted to the analysis of economic in the agriculture of Republic of Kalmykia in 1985–2000. The author reveals the reason of changing of livestock in different years of transitional period.

Keywords: *desertisation, livestock, quantity change, using of pasture-land, natural and economic zones.*

Территория Республики Калмыкия, занимающая западную часть Прикаспийской низменности, Ергенинскую возвышенность и Кумо-Манычскую впадину, по природным условиям типична для аридной зоны Европейской части России. На протяжении пяти тысяч лет эта территория использовалась для занятий животноводством. Неотъемлемая часть Российского государства, историческая территория обитания калмыцкого этноса на протяжении XVII–XIX вв. формировалась как единый природно-экономический комплекс (именуемый «калмыцкой степью»), природно-ресурсный потенциал которого отвечал требованиям пастбищного животноводства — исторически сложившегося и веками соблюдаемого типа землепользования, основанного на разведении при минимальных затратах основных сельскохозяйственных видов калмыцкой породы крупного рогатого скота (далее — КРС), лошадей, курдючных овец и верблюдов.

В XX в., вследствие целого ряда причин социально-политического и природно-хозяйственного характеров в аридных регионах, в том числе и в Калмыкии, отмечено нарушение равновесно-устойчивого состояния и сокращения природно-экономического потенциала. Более 80 % сельскохозяйственных угодий Калмыкии были подвержены процессу природно-антропогенного опустынивания со всеми его экономическими, социальными и экологическими последствиями. Выход из сложившейся ситуации видится в широком внедрении экологически безопасных систем и методов адаптивного землепользования, максимально отвечающих современным требованиям ведения сельскохозяйственного производства, обеспечивающих наибольший почвозащитный эффект и являющихся основным стабилизирующим фактором экологической напряженности [1].

Оценка социально-экономических проблем в регионах, подверженных опустыниванию, и их

решения рассматриваются как базовое условие оптимизации демографических процессов, экономического развития, рационального природопользования [2].

В настоящей статье объектами исследования выбраны районы республики, включенные в три природно-сельскохозяйственные зоны — западную, центральную и восточную [3]. Природные и климатические условия предопределили занятость населения и производство сельскохозяйственной продукции — овцеводство шерстно-мясного направления и скотоводство мясного направления. Исследована численность поголовья КРС, овец, лошадей, динамика их численности в переходный экономический период (1985–2000 гг.). Для сравнения численности поголовья сельскохозяйственных животных периода стагнации с постсоветским периодом взят 1985 г., имеющий средние показатели.

Так, в 1985 г. в республике насчитывалось 359,8 тыс. голов КРС: в западной зоне выращивались 81,1 тыс. голов КРС; в центральной — 214,5 тыс.; в восточной — 63,9 тыс. [4]. В перестроечный период экстенсивного хозяйствования в республике сложились все предпосылки к уменьшению поголовья сельскохозяйственных животных.

В 1998 г. общая численность КРС по республике уже составила 119,5 тыс. голов. Таким образом, общая численность поголовья КРС в 1998 г. снизилась в целом по республике по сравнению с 1985 г. почти втрое, т. е. более чем на 240 тыс. голов.

В 1999 г. насчитывалось 119,6 тыс. голов КРС, а в 2000 г. ситуация несколько улучшилась: по всем трем зонам уже было зарегистрировано 145,3 тыс. голов КРС. Среднегодовое поголовье КРС за период 1998–2000 гг. уже составило в среднем по западной зоне всего лишь 20,6 тыс. голов, по центральной — 78,6 тыс. голов, по восточной — 29,0 тыс. голов.

Таким образом, за период 1998–2000 гг. численность поголовья крупного рогатого скота в среднем по республике снизилась до 36 %

до уровня 1985 г., в том числе по западной зоне — до 25,4 % по сравнению с уровнем 1985 г., центральной — до 36,6 %, и восточной — до 45,4 % (см. таблицу 1).

Переходный период в экономике сложился вследствие сложных социально-экономических и экологических условий, приведших к резким переменам в сельском хозяйстве республики, в том числе к падению численности КРС, вследствие чего на эти годы приходится резкое снижение ее продукции (говядины, молока).

В этот период останавливалась работа молокозаводов в столице республики и в некоторых

районных центрах. В торговую сеть прекратились поставки кисломолочной продукции, которые ранее распространялись по всей республике [5].

Основным, ведущим в экономике республики, видом сельскохозяйственных животных были тонкорунные овцы. В 1985 г. их поголовье насчитывало около 3,3 млн. голов, причем в западной зоне выпасалось 230,4 тыс. голов, т. е. 7 % общего республиканского поголовья, в центральной — 1 744,9 тыс. голов (53,2 %), в восточной — 1 303,5 тыс. голов (39,7 %).

В 1998 г. отмечен резкий спад поголовья мелко-го рогатого скота: по трем зонам республики оста-

Таблица 1. Динамика поголовья КРС по Республике Калмыкия (тыс. голов)

Районы, зоны	Численность поголовья				Средне- годовой 1998–2000	Среднегодовой 1998-2000 в % к 1985
	1985	1998	1999	2000		
Западная зона						
Городовиковский	39,6	6,9	7,0	7,0	7,0	17,5
Яшалтинский	41,5	13,1	14,0	14,0	13,7	33,0
Всего:	81,1	20,0	21,0	21,0	20,6	25,4
Центральная зона						
Приютненский	24,1	7,7	7,4	12,3	9,1	37,8
Целинный	42,6	10,9	10,0	11,7	10,8	25,5
Сарпинский	36,9	13,4	12,1	14,5	13,3	36,1
Малодербетовский	26,6	10,0	10,0	12,5	10,8	40,7
Кетченеровский	32,3	16,5	16,2	19,5	17,4	53,8
Октябрьский	21,8	5,6	6,2	7,6	6,5	29,6
Ики-Бурульский	30,2	8,5	8,5	14,8	10,6	35,0
Всего:	214,5	72,6	70,4	92,9	78,6	36,6
Восточная зона						
Юстинский	16,3	6,4	6,6	6,9	6,6	40,6
Яшкульский	23,1	7,5	8,4	10,1	8,6	37,5
Лаганский	11,4	5,1	4,7	5,1	4,9	43,5
Черноземельский	13,1	7,9	8,5	9,9	8,7	67,0
Всего:	63,9	26,9	28,2	32,0	29	45,4
Элиста	2,1	1,3	1,5	1,5	1,4	1,2
Всего по РК	361,6	121,1	121,6	147,4	130,0	36,0

лось всего 646,3 тыс. голов, в том числе в западной зоне 43,4 тыс. голов, центральной — 296,3 тыс. голов, а в восточной — 305,3 тыс. голов.

В 1999 г. продолжается снижение поголовья до 634,2 тыс. голов. В западной зоне численность поголовья уровня 1998 г. сохраняется — 43,6 тыс., в центральной падает до 260,4 тыс. В восточной зоне поголовье овец увеличилось до 317,6 тыс., если сравнивать с уровнем 1998 г.

В 2000 г. в Калмыкии насчитывалось 793,5 тыс. овец. По трем сельскохозяйственным зонам эта численность распространялась следующим образом: в западной зоне — 45,1 тыс., в центральной — 296,8 тыс., в восточной — 376,8 тыс. (см. таблицу 2).

Среднегодовое (1998–2000 гг.) поголовье овец оставляло 691,3 тыс. голов, т. е. наблюдалось уменьшение численности по сравнению с уровнем 1985 г. в 4,7 раза. При этом в западной зоне

поголовье овец за указанный период снизилось в 5,2 раза, в центральной — в 6,1 раза и восточной — в 4 раза (см. таблицу 2).

Наиболее низкие темпы снижения поголовья КРС и овец в восточной зоне республики объясняются тем, что овцеводство здесь оставалось практически «монокультурой» и единственным источником доходов населения [6].

Причинами колебания численности наиболее распространенных видов сельскохозяйственных животных — КРС и овец — в структуре экономики, кроме экологического фактора (деградация пастбищ вследствие опустынивания, дефляции, снижения биоразнообразия, кормовой базы, засухи, суховеи), явились

и чисто экономические — завышенные цены на корма, нерентабельность сельскохозяйственных предприятий, экстенсивный путь развития сельского хозяйства республики.

Численность поголовья лошадей, используемых в основном в качестве тягловой силы в социальной сфере села, в исследуемый период претерпела следующие изменения. Если в 1985 г. в республике насчитывалось 18,6 тыс. голов, то в 1998 г. их поголовье снизилось в 2 раза (до 8,9 тыс.). В 1999 г. зафиксировано 7,7 тыс., а в 2000 г. — 8,8 тыс. Распределение лошадей отдельно по годам и сельскохозяйственным зонам представлено в таблице 3.

Таким образом, в западной зоне в 1998–2000 гг. содержалось около 2 тыс. голов лоша-

Таблица 2. Динамика поголовья овец по Республике Калмыкия (тыс. голов)

Районы, зоны	Численность поголовья				Средне- годовой 1998–2000 гг.	Среднегодовой 1998–2000 в % к 1985 г.
	1985	1998	1999	2000		
Западная зона						
Городовиковский	4,4	0,7	0,8	1,0	0,8	19,0
Яшалтинский	226,0	42,7	42,8	44,1	43,2	19,1
Всего:	230,4	43,4	43,6	45,1	44,0	19,1
Центральная зона						
Приютненский	262,6	34,9	30,2	54,0	39,7	15,1
Целинный	347,6	59,0	52,1	62,1	57,7	16,6
Сарпинский	273,0	67,9	55,4	72,5	65,2	24,0
Малодербетовский	160,0	24,0	22,0	30,5	25,5	16,0
Кетченеровский	204,2	55,0	52,0	63,3	56,7	27,7
Октябрьский	130,3	9,2	12,4	13,6	11,7	9,0
Ики-Бурульский	367,1	46,3	46,3	74,1	55,5	15,0
Всего:	1744,9	296,3	260,4	296,8	284,5	16,3
Юстинский	313,6	58,0	54,0	65,2	59,0	18,8
Яшкульский	508,6	120,1	128,5	151,6	133,3	26,2
Лаганский	88,5	17,2	20,1	24,7	20,6	23,3
Черноземельский	392,8	110,0	115,0	134,3	119,7	30,4
Восточная зона						
Всего:	1303,5	305,3	317,6	376,8	333,2	25,5
Элиста	3,6	1,7	2,6	2,2	2,1	60,1
Всего по РК	3282,3	646,3	634,2	793,5	691,3	21,0

дей или 22,3 % республиканского поголовья, в центральной — 3,5 тыс. голов (41,2 %), в восточной — 2,6 тыс. голов (30,5 %). На фоне уровня 1985 г. среднегодовое поголовье лошадей снизилось на 10,1 тыс. голов или в 2,2 раза. При этом наибольший темп снижения поголовья наблюдается в восточной зоне (см. таблицу 3).

Одним из факторов снижения численности поголовья сельскохозяйственных животных являлось, как отмечалось выше, сокращение площадей пастбищ и их деградация. При этом они в большинстве своем продолжали использоваться без учета экологических и экономических особенностей.

Таблица 3. Динамика поголовья лошадей по Республике Калмыкия (тыс. голов)

Районы, зоны	Численность поголовья				Средне- одовой 1998–2000	Среднегодовой 1998–2000 в % к 1985 г.
	1985	1998	1999	2000		
Западная зона						
Городовиковский	1,2	0,5	0,4	0,4	0,4	33,3
Яшалтинский	2,5	1,5	1,5	1,4	1,5	60,0
Всего:	3,7	2,0	1,9	1,8	1,9	51,4
Центральная зона						
Приютненский	1,1	0,5	0,4	0,7	0,5	45,5
Целинный	1,8	0,7	0,5	0,5	0,6	33,3
Сарпинский	1,3	0,5	0,4	0,5	0,5	38,5
Малодербетовский	0,9	0,5	0,5	0,5	0,5	55,6
Кетченеровский	0,8	0,5	0,4	0,5	0,5	62,5
Октябрьский	1,0	0,3	0,3	0,4	0,3	30,0
Ики-Бурульский	1,5	0,6	0,4	0,9	0,6	40,0
Всего:	8,2	3,6	3,0	4,0	3,5	42,7
Восточная зона						
Юстинский	1,7	1,2	1,2	1,3	1,2	70,6
Яшкульский	1,7	0,7	0,6	0,7	0,7	41,2
Лаганский	0,6	0,3	0,1	0,1	0,2	33,3
Черноземельский	2,2	0,7	0,5	0,5	0,6	27,3
Всего:	6,2	2,9	2,4	2,6	2,6	41,9
Элиста	0,3	0,2	0,1	0,1	0,1	33,3
Всего по РК	18,6	8,9	7,7	8,8	8,5	45,7

Интенсивность использования пастбищ, например, в 1998 г. (более подробную картину см. в таблице 4) выглядела следующим образом: площади пастбищ в западной зоне составляли 76 669 га., норматив выпаса в усл./гол. овец/га должен был держаться максимально до 40 175 овец/га. Фактически же здесь выпасалось 214 784 овец/га., т. е. нагрузка превышала нормативы в 5,4 раза. Подобная картина на пастбищах прослеживалась и в других природно-сельскохозяйственных зонах.

Как видно из таблицы 4, емкость пастбищ в среднем по республике составляла 0,42 усл./гол. овец на 1 га, в том числе: по западной зоне — 0,52, центральной — 0,46, восточной — 0,37. В соответствии с фактической кормоемкостью пастбищ на них должно было содержаться 1 578,1 тыс. условных голов овец, фактически содержалось в 1998 г. 1 663,7 тыс. или 106,5 % от нормативной численности, в том числе: по западной зоне фактическое поголовье превысило нормативное в 5,4 раза, по центральной — на 3,4 %, по восточной на 16,3 %, в основном в хозяйствах Юстинского и Яшкульского районов,

в Черноземельском районе фактическое поголовье превысило нормативное на 4,3 %.

Таким образом, в восточной зоне количество условных овец находилось в пределах экологической емкости природных кормовых угодий. Но этот процесс имел и обратную сторону. Можно рассматривать снижение поголовья как ответную реакцию на кризисную ситуацию в агропромышленном комплексе республики, а не как обусловленное экологическим осознанием опасности, связанной с катастрофическим падением продуктивности пастбищ. В то же время поголовье скота требовало стабилизации, а сохранявшиеся тенденции его снижения негативно влияли на состояние всего агропромышленного комплекса и экономику республики в целом. В связи с этим, учитывая экологическую емкость природных кормовых угодий и соблюдая нормативный выпас скота, а также оптимальное сочетание традиционных видов сельскохозяйственных животных, возможно, необходимо было увеличить его численность до экологически допустимого предела, т. е. обеспечить адаптивное природопользование [7].

Таблица 4. Интенсивность использования пастбищ Республики Калмыкия в 1998 году

Районы	Площадь пастбищ, га	Емкость пастбищ, усл. гол. овец/га	Поголовье, условных голов овец		Факт. нагрузка, усл.гол. овец/ га	Факт. нагрузка в % к нормативной
			норма- тивное	факти- ческое		
Западная зона						
Городовиковский	10 229	0,55	5 626	60 824	5,9	В 10,8 раза
Яшалтинский	66 440	0,52	34 549	153 960	2,32	В 4,4 раза
Всего:	76 669	0,52	40 175	214 784	2,8	В 5,4 раза
Центральная зона						
Ики-Бурульский	354 480	0,52	184 330	120 798	0,34	65,5
Кетченеровский	431 646	0,52	224 456	195 270	0,45	87,0
Малодербетовский	210 727	0,52	109 578	109 095	0,52	100,0
Октябрьский	227 750	0,38	86 545	57 608	0,25	66,5
Приютненский	159 515	0,40	63 806	101 715	0,64	159,4
Сарпинский	197 158	0,47	92 664	176 369	0,89	190,3
Целинный	333 377	0,36	120 016	149 276	0,45	124,4
Всего:	1 914 653	0,46	881 395	910 581	0,48	103,4
Восточная зона						
Лаганский	196 854	0,22	43 308	56 627	0,29	130,8
Юстинский	467 480	0,42	196 342	122 462	0,26	62,4
Черноземельский	485 003	0,35	169 751	177 061	0,37	104,3
Яшкульский	588 348	0,42	247 106	182 181	0,31	0,84
Всего:	1 737 685	0,37	656 507	538 331	0,31	83,7
Итого по РК	3 729 007	0,42	1 578 077	1 663 696	0,45	106,5

Таблица 5. Экономическая оценка использования пастбищ Калмыкии в пределах экологической емкости на 01.01.1999 г.

Название зон	Площадь пастбищ, га	Поголовье скота в переводе на усл. гол.овец	Фактическая нагрузка, гол/га	Емкость пастбищ, гол/га	Экологически допустимое поголовье скота, усл.гол.овец	Дополнительная продукция с учетом допустимого поголовья	
						Усл.гол. овец	Мясо, т/млн руб
Западная	65 216	151 358	2,3	0,52	33912	-	-
Центральная	1 787 740	764 597	0,43	0,44	786 606	22 009	<u>704,3</u> 16,2
Восточная	1 898 023	438 119	0,23	0,37	702 268	264 149	<u>8452,8</u> 194,4
Итого	3 750 979	1 354 074	0,36	0,42	1 522 786	286 158	<u>9157,1</u> 210,6

Данные таблицы 5 показывают, что увеличение поголовья скота, основанное на принципах адаптивного природопользования, должно было обеспечить выход дополнительной продукции, улучшение финансовых результатов, что в конечном итоге могло отразиться на материальном бла-

госостоянии и социальных условиях населения региона.

Рассмотренные выше зональные экономические показатели аграрного сектора экономики Калмыкии и экологические характеристики состояния земельных ресурсов, основного

средства производства в сельскохозяйственной отрасли, показывают, что, несмотря на влияние ряда других факторов — природно-климатических, организационно-хозяйственных и пр., объективных и субъективных, качественный уровень эколого-экономических показателей коррелирует и с уровнем численности поголовья скота. Поэтому нельзя сбрасывать со счетов и данный аспект для создания равновесных, высокопродуктивных природно-антропогенных экосистем [8].

В свою очередь, от эколого-экономических показателей зависит социальная инфраструктура села и условия жизнедеятельности населения: жилищно-коммунальное хозяйство, состояние дорог и транспорта, медицинское обслуживание и образование, условия для отдыха и общий уровень жизни населения [9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанов А. Г., Кочкарь М. М. Агроресурсообеспечение в почвозащитном земледелии. Волгоград: ВНИАЛМИ, 1993. 155 с.
2. Свинцов И. П. Основные направления НИР по борьбе с опустыниванием и проблемы их реализации в России // Мелиорация и адаптивное освоение аридных территорий. Волгоград: ВНИАЛМИ, 2000. С. 50–52.
3. Бадмаев С. Б. Развитие экономики Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 173 с.
4. Основные показатели социально-экономического развития и хода экономических реформ в районах Республики Калмыкия. Элиста, 1998–2000 гг. 36 с.
5. Основные показатели по сельскому хозяйству Республики Калмыкия. Элиста, 2000. 32 с.
6. Зунгуев С. С. Внедрение пастбищеоборота на Черноземельских пастбищах. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 37 с.
7. Петров В. И., Габунщина Э. Б. Лесомелиоративная адаптация агроэкосистем российского Прикаспия (на примере Калмыкии). Элиста: АПП «Джангар», 2002. 123 с.
8. Габунщина Э. Б. Адаптивное лесоаграрное природопользование в российском Прикаспии: автореф. дисс. ... на соиск. учен. степени д-ра с.-х. наук. Волгоград, 2002. 49 с.
9. Народное хозяйство Калмыцкой АССР за 70 лет (1917–1987): Юбил. стат. сб. Элиста, 1988. 212 с.

ББК 28.080

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Л. Н. Ташнинова

Статья посвящена исследованию различных парадигм, доминирующих в XX в.: парадигмы В. В. Докучаева, У. Кэттон и Р. Данлэп и др. Автор проводит многофакторный анализ экосистемного и антропогенного воздействия на природную и социальную среду на примере опустынивания территорий в Калмыкии.

Ключевые слова: экологическая парадигма, экосистемы, опустынивание, биоразнообразие, мониторинг.

The article is devoted to study of different paradigms dominated in 20th century: V. V. Dokuchaev's, W. Catton's and R. Danlep's paradigms and others. The multifactoral analysis of ecosystematical and anthropogenic impact on natural and social environment is examined by the author on the example of desertification of territories of Kalmykia.

Keywords: ecological paradigm, ecosystems, desertification, biodiversity, monitoring.

Знания человека об окружающей среде существуют в рамках определенных парадигм¹. Неосценимый вклад в парадигму естествознания внес основатель генетического почвоведения, профессор Императорского Санкт-Петербургского университета В. В. Докучаев, открывший законы взаимосвязи окружающего нас мира и человека. Естественная наука того времени изучала как отдельные тела (минералы, горные породы, растения, животные), так и отдельные явления стихии (вода, земля, воздух), но не их закономерные взаимосвязи и взаимодействия. Сам В. В. Докучаев оценивал ее следующим образом: «Познание природы, ее сил, стихий, явлений и тел сделало в течение XIX столетия такие шаги, что само столетие нередко называют веком естествознания» [2, с. 36]. Его открытие почвы как биокосного тела, связавшего в единую генетическую систему живую и неживую природу, изменило методологию практически всех наук в XX в. Это была революция в естествознании.

По В. В. Докучаеву², природа — единое целое, отдельные части которого находятся в постоянном взаимодействии и развитии; все важнейшие

¹ Данный термин ввел американский историк науки и философии Томас Кун во второй половине XIX в. Под парадигмой он подразумевал признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному обществу модель постановки проблем и решений [1].

физико-географические и естественно-исторические элементы находятся между собой в постоянной генетической связи; все многочисленные соотношения и взаимодействия подчинены законам, управляющим вековыми их изменениями. В. В. Докучаев открыл закон функциональной связи в природе, предложив синтетическую парадигму естествознания, которая охватывала все формы движения материи в генетической связи и в современном взаимодействии.

Важным моментом является введение в парадигму естествознания социальной формы движения материи. Научная работа В. В. Докучаева пришлась на период большого бедствия, переживаемого страной: в 1960-е гг. неурожай охватили север России, а в 1970–1980-е гг. — значительную часть степной зоны. В своей известной книге «Наши степи прежде и теперь» ученый доказывает, что истинной причиной бедственного состояния сельского хозяйства в зоне степей является трагический конфликт человека с природой: «Наша экономическая отсталость, наше незнание истощили почву, а не истощение почвы породило нашу отсталость» [4, с. 39].

Им была предложена система использования оврагов и балок путем строительства простейших плотин для устройства запруд с целью задержания в них талых и дождевых вод для орошения ниже лежащих склонов и пойм. Регулирование водного хозяйства в открытых степях, на водораздельных пространствах включает: закладку системы прудов, расположенных на пути естественного стока талых и дождевых вод в степи, с обсадкой их берегов деревьями; насаждение живых изгородей с целью накопления снега и лучшего использования талых и дождевых вод, а также сплошного леса на песках, буграх и неудобных для пашни участках; использование артезианских вод. В разделе «Выработка норм, определяющих относительные площади пашни, лугов, леса и вод» подчеркивается, что такие нормы должны быть соотнесены с местными климатическими, грунтовыми и почвенными условиями и с характером господствующей сельскохозяйственной культуры. Здесь прямо ставится вопрос о поддержании на каждой пяди земли экологического равновесия, о котором теперь говорят все ученые мира.

В. В. Докучаев предупреждал, что к работе по восстановлению природы наших степей надо относиться со всей ответственностью: следует учитывать положение рельефа, характер грунтовых вод, геологические и метеорологические особенности местности. С такой же осторожностью и ответственностью необходимо относиться, считал

он, и к устройству искусственного орошения, где особое внимание нужно обращать на состав оросительных вод, почвы орошаемых участков и климат. Вода для орошения должна быть «плодородной», благотворно действующей на урожай, а относительно почв необходимо определить их «сельскохозяйственную правоспособность» в принятии искусственно подаваемой воды: «То, что хорошо для солонца, может оказаться вредным для чернозема» [4, с. 185].

При ведении сельского хозяйства следует учитывать такие природные факторы, как вода, воздух, грунты с их водами, почвы с их сельскохозяйственной правоспособностью и культурными требованиями, растительный и животный мир. Все они в такой степени взаимосвязаны, что трудно различить их влияние на жизнь человека. При изучении этих факторов по возможности необходимо иметь в виду всю цельную и неразделимую природу, а не отдельные явления. «Без соблюдения данного условия нечего и думать правильно использовать воду — разумно и успешно бороться с крайностями южного климата; без этого никогда не сможем организовать как следует ни орошения, ни облесения, ни борьбы с оврагами» [4, с. 190].

На глубоких научных разработках В. В. Докучаева базируется концепция поднятия уровня земледелия в стране. Необходимые условия для достижения Россией конкурентоспособности на «хлебном рынке»: 1) разнообразное и интенсивное земледелие; 2) обстоятельное знакомство с естественными силами страны; 3) приуроченность к местным почвенным условиям; 4) использование науки и технических достижений; 5) предварительное испытание приемов и рецептов, выработанных естествоиспытателями и агрономами, применительно: а) к экологическим условиям, б) социальным условиям, в) бытовым условиям, г) особенностям климата, д) разнообразию почв; 6) подготовка кадров ученых и умелых техников-агрономов [3, 4].

Как видим, элементы докучаевской парадигмы естествознания включают как научные аспекты, так и социальные (сельское и лесное хозяйство, прикладную науку, образование, научно-организационную и просветительскую деятельность). Такого глубокого анализа эволюции природной среды и роли разумного антропогенного вмешательства научный мир еще не знал. В. В. Докучаев разработал первую в мире систему устойчивого земледелия, апробированную в Каменной степи и функционирующую по настоящее время.

² Глубокий анализ вклада В. В. Докучаева в естествознание и использования термина «парадигма» по отношению к творчеству великого ученого дается в работе Б. Ф. Апарина, где он с современных научных позиций показал сущность докучаевской парадигмы естествознания [3].

В современном понимании термин «окружающая среда» включает в себя политические, социально-экономические и природные факторы. Существование человека и природы немыслимо без улучшения экологии, поэтому для сохранения природных ресурсов необходима экологизация всех видов природопользования. В современных условиях масштабы воздействия деятельности людей на природную среду таковы, что многие ее негативные последствия приводят к деградации природной среды и сферы обитания человека.

В середине 70-х гг. XX в. новую экологическую парадигму провозгласили У. Кэттон и Р. Данлэп [5]. Ее появление было обусловлено изменением социальной реальности — переходом из «века изобилия» в «век постизобилия», или экологических ограничений, пределов, запретов на человеческую деятельность. Парадигмы человеческой исключительности базируются на следующих положениях:

— помимо генетической наследственности, люди обладают также культурным наследием, поэтому отличны от всех других видов животных;

— социальные и культурные факторы (включая и технологические) являются главными детерминантами человеческой деятельности;

— социальная и культурная среда является определяющим контекстом человеческой деятельности, а биофизическая среда в основном безотносительна к ней;

— поскольку культура обладает свойством кумулятивности, технологический и социальный прогресс может продолжаться бесконечно, а все социальные проблемы так или иначе разрешимы.

Парадигме человеческой исключительности свойственны такие особенности мировоззрения, как антропоцентризм, социальный оптимизм, антиэкологизм, технократизм. Она приводит к возникновению доминирующего взгляда на мир, согласно которому: 1) люди — хозяева своей судьбы и природы, они могут ставить любые цели и использовать необходимые средства для их достижения; 2) ресурсы биосферы безграничны, поэтому средства для реализации цели есть всегда; 3) история человечества есть прогресс, и он бесконечен.

На смену этой мировоззренческой ориентации приходит прямо противоположная экологическая парадигма, которая выступает как научная парадигма, не только охватывающая и объясняющая социальную реальность, но и предписывающая систему ценностей и соответствующих образцов проэкологического поведения.

Основные положения новой экологической парадигмы формируются путем прямого противопоставления ее «парадигме человеческой исключительности».

1. Хотя люди обладают исключительными характеристиками (культура, технология и т. д.), они остаются одним из многих видов, взаимозависимо включенных в глобальную экосистему.

2. Человеческая деятельность обусловлена не только социальными и культурными факторами, но и сложными связями в природной сети, поэтому может иметь неожиданные последствия.

3. Люди живут в биофизической среде, которая налагает потенциальные физические и биологические ограничения на человеческую деятельность, и зависят от этой среды.

4. Хотя изобретательность людей и приобретаемая благодаря ей сила до некоторой степени увеличивают несущую способность среды, все же экологические законы не утрачивают своей обязательности [6].

Новая экологическая парадигма находит отражение в экологической политике многих развитых стран. Наиболее важной чертой этой политики является ориентация на развитие саморегулирования и самоорганизации, на переход к экологически чистым производству и продуктам. В качестве ориентира и цели в XXI в. была принята концепция устойчивого развития, провозглашенная на Конференции ООН по окружающей среде и развитию [7]. Стратегия такого развития ориентирована на достижение устойчивого оптимума нагрузки на природную среду за счет снижения загрязнений, сокращения использования природных ресурсов, экономии электроэнергии. Для каждого вида социальной деятельности, для каждой группы продуктов и изделий предлагается разработать и реализовать устойчивые стратегии.

В наше время нельзя познать природу и ее свойства, если не принять во внимание реальность интенсивных изменений, вызванных в ней техногенезом. Научно-технический прогресс открывает широкие возможности для эффективного использования природных ресурсов в интересах развития различных отраслей хозяйства, населенных пунктов и транспорта; является объективной предпосылкой подъема производства, улучшения условий жизни и труда людей.

Вместе с тем с научно-техническим прогрессом связаны значительные и устойчивые изменения природы, насыщение ее объектами техногенеза и соответствующими инфраструктурами. В свою очередь, природные процессы, попадая под воздействие происшедших перемен, приобретают иную, не свойственную им прежде ориентацию. Однако практически всегда существует опасность, что такие изменения будут сопровождаться побочными последствиями. Например, распашка степей, с которой начинается освоение территории для земледелия, приводит к тому, что поверхность почвы теряет важные свойства: осадки и талые воды не задерживаются почвой, которая ли-

шена замкнутого растительного покрова; имеют место водная и ветровая эрозии почв.

Неблагоприятные побочные явления со временем могут достичь таких масштабов, что вызовут необратимый сдвиг баланса природного вещества и серьезные нарушения природно-пространственной структуры. В результате может произойти значительное ухудшение качества природных условий и ресурсов — необходимых предпосылок развития производства и самого существования человека.

Усиление антропогенного пресса на природу привело к появлению ареалов с заметно ухудшенными условиями среды. Возникают экологические проблемы, связанные с загрязнением среды, с эрозией и деградацией почв и т. д., что способствует росту социальной напряженности. Комплекс неблагоприятных экологических проблем возникает и в том случае, если общая антропогенная нагрузка превышает природные возможности территории по саморегуляции и самоочищению.

Примером нарушения экологического баланса может служить процесс антропогенного опустынивания на территории Прикаспия. Экологические и социально-экономические последствия этого негативного явления достаточно освещены в научных исследованиях [8, 9, 10, 11]. Вместе с тем в комплексе с другими факторами деградации природных экосистем необходимо обратить внимание и на социальные аспекты. В условиях опустынивания на территории Калмыкии отмечаются такие явления, как обеднение пастбищ, снижение жизненного уровня населения, вызванное экономическими и политическими факторами, миграция сельского населения из мест постоянного проживания, усиление психологического фактора, связанное со всеми вышеуказанными явлениями.

Политика устойчивого развития территории должна базироваться на экономической регуляции и стимулировании природоохранной деятельности сельскохозяйственных пользователей, экологическом просвещении и развитии экологических ценностей у населения, на правовом и государственном обеспечении экологической деятельности субъектов сельскохозяйственных отношений. Одним из перспективных путей исследования в области познания природы и общества является ориентированность на комплексное изучение взаимоотношений человека и окружающей природной среды. Примером может служить программа «Формирование межрегионального природно-экономического комплекса экологического сельского хозяйства в степной зоне юга России». Концептуальную основу этой программы составляет аргументированный тезис о том, что выбор основных методов управления природными ресурсами должен также принадлежать гу-

манитарной экологии, сочетающей интеграцию природоохранных и социально-политических действий, направленных как на сохранение ландшафтно-экологического равновесия в природе, так и на создание сбалансированной природно-хозяйственной системы, в которой будут находиться необходимые для развития общества естественные ресурсы.

Реализация этой программы в республике находится на начальном этапе. Во избежание ошибок прошлого рекомендуется четко определить пределы естественного развития кормовой базы и рассчитать оптимальное поголовье скота. Анализ ошибок катастрофических ситуаций на юге России позволил выявить проблемную цепочку: рост поголовья — слабость кормовой базы — запредельная нагрузка на степные экосистемы — истощение земли. Деградация земель ведет к разрушению биоценотической структуры природных экосистем, что препятствует развитию процессов саморегуляции и самовосстановления. Так, в начале 1970-х гг. на Черных землях выпасалось более 3 миллионов овец, было построено 2 700 кошар, пробурено 600 артезианских колодцев и 840 шахтных колодцев, организовано 14 машино-животноводческих стоянок — в результате перегрузка пастбищ более чем в 4 раза превышала фактическую урожайность угодий. Следует знать, что экосистема считается устойчивой, если число видов растений не меняется в течение достаточно длительного времени и сохраняется их биологическое разнообразие. Необходимо практиковать дифференцированное природопользование и привести его в соответствие с биоклиматическими, почвенно-гидрологическими и хозяйственно-экономическими условиями. По биоклиматическим параметрам большая часть территории Калмыкии относится к умеренно аридной и среднеаридной зоне с индексом аридности 0,4–0,6 и 0,6–0,7 соответственно. Слабоаридная зона с индексом 0,4 охватывает западную (степную) часть, а сильноаридная с индексом более 0,7 занимает юго-восточную (пустынную) часть. Для каждой из этих зон характерен свой набор почвенных комплексов и их пастбищных модификаций. Вследствие этого необходим строго дифференцированный подход к хозяйственному использованию объектов.

Стратегия рационального природопользования должна включать применение комплексных мероприятий и формирование адаптивных ландшафтов с более высоким уровнем эффективного природопользования. Необходима организация сбалансированного соотношения между эксплуатацией, консервацией и улучшением природно-ресурсного потенциала территории. Поэтому все планы комплексного хозяйственного

развития должны быть ориентированы на сохранение ландшафтно-экологического равновесия в природе.

Основная цель человеческой деятельности — эффективное природопользование, при котором ценность результатов общественно-производительной активности превышает ценность потребляемых природных ресурсов, но при этом последние должны не истощаться, а, напротив, сохранять биологическое разнообразие и быть ежегодно возобновляемыми природными ресурсами. Для успешной реализации этого проекта важнейшее место в системе мероприятий по охране, восстановлению и успешному функционированию природных экосистем отводится экологическому мониторингу, в задачу которого входят: прогнозы изменчивости экосистем, обоснование устойчивости эксплуатации возобновляемых ресурсов, выявление экологических факторов, действующих на здоровье людей; комплексные оценки эколого-социальных и экономических систем и экологическое прогнозирование. Контролируемые параметры состояния экосистем включают: интегральные показатели, характеризующие естественную специфику экосистем и уровень их антропогенной деградации, а также показатели состояния абиотических и биотических составляющих экосистем.

Проблема взаимоотношений экологии, социально-экономической и политической обстановки на современном этапе является важнейшей не только для нашего региона. Современное общество в своем развитии подошло к тому рубежу, когда понятия «цивилизация» и «экология» становятся неразрывными. Об этом говорилось на заседании Президиума Госсовета РФ (г. Москва, 26.05.2010 г.), где было отмечено, что в стране на сегодняшний день еще не создана комплексная система экологического мониторинга, природоохранная деятельность регулируется множеством не только не связанных, но порой и противоречащих друг другу законов и правил, а единая система государственного регулирования отсутствует. Невозможно объективно оценить и наносимый экологии ущерб. В одних регионах системы мо-

нитинга просто нет, в других она не совершенствовалась лет тридцать.

Экологическая ответственность должна быть жесткой и строиться в соответствии с экологическими стандартами. Правовое и государственное обеспечение экологической деятельности должно базироваться на комплексной системе экологического мониторинга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
2. Докучаев В. В. Избранные сочинения. М.: Сельхозгиз, 1949. Т. 2. 426 с.
3. Апарин Б. Ф. Докучаевская парадигма естествознания. К 160-летию со дня рождения основателя генетического почвоведения В. В. Докучаева. М.: Триз-Профи, 2006. 24 с.
4. Докучаев В. В. Дороже золота русский чернозем / сост., вступ. ст. и коммент. Г. В. Добровольского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 544 с.
5. Catton W., Dunlap R. T. A new ecological paradigm for post-exuberant sociology // Amer. Behavior. Scientist. 1980. Vol. 24. № 1. P. 15-47.
6. Навроцкий Б. А., Полянинов Л. Я. Человек. Город. Экология. Волгоград: Комитет по печати, 1996. 112 с.
7. Конвенция Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке. Женева: ЮНЭП, 1995. 78 с.
8. Габунщина Э. Б., Ташнинова Л. Н. Экологический императив // Выбор России: сб. ст. Элиста: КИОН РАН, 1985. С. 71–85.
9. Ташнинова Л. Н. Экологическая парадигма процессов опустынивания // Республика Калмыкия на пути к устойчивому развитию: сб. науч. тр. Т. 3. Элиста, 1998. С. 51–53.
10. Ташнинова Л. Н. Геокомпонентная парадигма устойчивости природных экосистем Калмыкии // Вестник КИСЭПИ. 2000. № 1. С. 63–69.
11. Ташнинова Л. Н., Ташнинова А. А. Экосистемы Калмыкии: ландшафтно-экологические аспекты сохранения биоразнообразия // Вестник КИГИ РАН. № 1. 2009. С. 80–89.

ЮБИЛЕИ

**К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ ЭПИЧЕСКОГО ЦИКЛА ПЕСЕН
«ДЖАНГАРА» ВЫДАЮЩЕГОСЯ ДЖАНГАРЧИ ЭЭЛЯН ОВЛА***Э. Б. Овалов*

В 2010 г. исполнилось 100 лет со времени издания десяти песен «Джангара», записанных у джангарчи Ээлян Овла (1857–1920). Песни зафиксировал и подготовил к изданию студент четвертого курса Санкт-Петербургского университета Номто Очиров, ученик известного востоковеда профессора В. Л. Котвича.

Труд Номто Очирова был высоко оценен В. Л. Котвичем, который впоследствии в статье «Джангариада и джангарчи» отмечал: «Открытие новых песен «Джангара» произвело немалую сенсацию в научных кругах столицы. Особенно важно то, что на этот раз удалось записать целый цикл песен, представляющих собой органическое целое, в то время как раньше исследователи имели дело с отдельными песнями» [1, с. 197–198].

Осознавая большое значение Джангариады не только для калмыцкой, но и для мировой эпической культуры, В. Л. Котвич решил встретиться с Ээлян Овла. Летом 1910 г. он приехал к джангарчи, произвел сверку текстов эпических песен, записанных Номто Очировым, записал текст одиннадцатой песни и полные названия песен.

В том же году десять песен «Джангара» тиражом в 1000 экземпляров из репертуара Ээлян Овла были изданы на старописьменном калмыцком языке *тодо бичиг*. Об этом событии Н. Очиров в статье «О записи оригинала „Джангара“» писал: «Таким образом, еще 50 лет тому назад эту замечательную героическую поэму народного творчества калмыков — «Джангар» — я запечатлел литографическим способом и сделал достоянием калмыцкого народа на вечные времена. Свое отношение к этой великой поэме я выразил в послесловии, которым снабдил свою публикацию» [2, с. 53].

Запись и издание эпических песен имели и имеют большое научное и культурное значение. Это издание усилило интерес калмыцкой интеллигенции к эпосу и, как отметил А. Ш. Кичиков в статье «Великий джангарчи Ээлян Овла», «... способствовало возникновению джангарчи новой формации, распространению эпоса среди читателей и слушателей, привлекло внимание исследователей» [3, с. 76].

В своем послесловии к изданию «Джангара» 1910 г. Н. Очиров отмечал: «В настоящее время, когда забываются древние сказания и старинные предания, когда прежние выдающиеся джангарчи ушли из жизни, а новейших рапсофов становится все меньше и меньше, ради сохранения для гря-

дущего времени сделаны записи от джангарчи Икибухусского аймака Багадербетовского улуса Ээлян Овла. Публикуются десять глав (песен) о делах славного Джангара, чтобы их читали люди нынешнего поколения, их дети и далекие их потомки, чтобы главы-песни эти служили предметом душевного восторга и воодушевления» [4].

Любовь к своему народу, его культуре, любовь к народному эпосу связала неразрывной нитью молодого ученого Номто Очиров и талантливый джангарчи Ээлян Овла.

Ээлян Овла родился в 1857 г. в аймаке Ики-Бухус Багадербетовского улуса. Его дяди Дэлтер и Маргаш были одаренными певцами эпоса, учителями Овла. Джангарчи Дэлтер начал обучать племянника исполнению «Джангара» с десятилетнего возраста. К двенадцати годам Овла усвоил эпический репертуар своих родственников. Юноша Овла долго не мог овладеть техникой исполнения «Джангара» (песни которого обычно поются), вероятно из-за того, что страдал заиканием. Лишь самозабвенная любовь к эпосу, упорство и постоянная помощь учителей-дядей помогли ему преодолеть эту трудность. В результате упорного труда Овла одержал победу над природой: перестал заикаться.

По совету своего дяди (Дэлтера) Овла стал джангарчи. Он начал выступать уже самостоятельно и вскоре своим вдохновенным исполнением эпоса заслужил уважение и любовь народа. Его приглашали на праздники и свадьбы в ближайшие и дальние хотоны. Будучи еще молодым человеком, Овла много ездил по хотонам и улусам родной степи, встречался с интересными людьми, знатоками и ценителями устного поэтического творчества калмыцкого народа.

С годами Ээлян Овла стал великолепным знатоком жанров калмыцкого фольклора и в первую очередь героического эпоса «Джангар». Его сказительский дар наиболее полно раскрылся в последние десятилетия XIX — начале XX в. Воспевая подвиги богатырей во имя защиты интересов народа, он отражал веру своего народа в светлое будущее, мечту о свободной и радостной жизни.

1910 год оказался знаменательным для Ээлян Овла: во-первых, его посетил уважаемый человек, большой ученый В. Л. Котвич, во-вторых, калмыцкие студенты привезли ему из Санкт-Петербурга экземпляр «Джангара», от-

печатанного литографическим способом. Можно предположить, что эти события вдохновили рапсода. Его слава росла: исполнение им песен эпоса на свадьбах, народных праздниках всегда было большим событием для слушателей. После одной из поездок по хотонам Ээлян Овла тяжело заболел и умер в ноябре 1920 г., когда ему было всего 63 года.

Эпико-песенную традицию Ээлян Овла продолжил его племянник Окон Шараев, который позже помог овладеть мастерством джангарчи Окону Бадмаеву, а тот в свою очередь Телтя Лиджиеву. Сегодня в Калмыкии немало последователей эпической традиции Ээлян Овла: Кутлан Мукабенов, Баатр Манджиев, Дмитрий Шараев и другие — приверженцы канонического текста «Джангара».

Народ Республики Калмыкия чтит память знаменитого джангарчи. На его родине в поселке Ики-Бухус создан Дом-музей Ээлян Овла, в столице республики ему воздвигнут памятник.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филология и история монгольских народов: памяти акад. Б. Я. Владимирцова: сб. ст. М., 1958. 348 с.
2. Очиров Н. О. О записи оригинала «Джангара» // Ученые записки КНИЯЛИ. Вып. 5. Сер.: Филология. Элиста, 1967. С. 52–54.
3. Кичиков А. Ш. Великий джангарчи Ээлян Овла // Там же. С. 73–84.
4. Жаңһр: Тэк Зула хаани үддл Таңсг Бумба хаани ач Үзн алдр хаани көвүн үйин өнчн Жаңһрин бөлг. Сказитель Ээлян Овла: на старописъм. калм.; зап. Н. Очиров; изд. В. Л. Котвич. СПб., 1910.

О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УРЮБДЖУРА ЭРДНИЕВИЧА ЭРДНИЕВА. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Н. Г. Очирова

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор Урюбджур Эрдниеви́ч Эрдние́в (1910–1999) широко известен как исследователь в области археологии и этнографии, талантливый педагог, крупный организатор науки и образования в республике, ему принадлежит одно из видных мест в становлении калмыковедения как науки.

У. Э. Эрдние́в родился, как он писал в автобиографии, «в 1910 г., в одном из трех осенних месяцев, скорее всего в октябре (по-калмыцки — *һал тээдг сар*, когда калмыки приносят жертвоприношения своему очагу-огню), в семье бедного калмыка Батаева Эрдни» [1]. Его родители умерли рано от сыпного тифа, и мальчик остался сиротой. Забота советской власти о ликвидации безграмотности в стране, подготовке кадров привели юного подпаса Урюбджура сначала в Гашун-Бургустинскую, а затем и в Калмбазаринскую школы-интернаты, где он получил начальное, а затем и семилетнее образование. Это дало ему возможность поступить в Калмыцкий педтехникум, окончив который, он начал работать учителем, затем инспектором начальной школы, а в 1931 г. был назначен заведующим Малодербетовским улусным отделом народного образования. Молодой руководитель активно включился в решение поставленной государством задачи — обеспечение всеобщего начального образования в степной республике.

В 1933 г. правительство республики послало У. Э. Эрдниева в числе наиболее способной молодежи на учебу в Московский институт истории, философии и литературы. В 1938 г. (после окончания с отличием МИФЛИ) выпускника знаменитого вуза направили трудиться в только что организованный Калмыцкий педагогический и учительский институты, находившиеся в то время в г. Астрахани. Здесь он с 1938 г. по 1941 г. работает старшим преподавателем, заведующим кафедрой истории и деканом историко-филологического факультета.

В августе 1941 г. Урюбджур Эрдниевич ушел на фронт и с оружием в руках защищал свою Родину, участвовал во многих боевых операциях на самых различных участках Великой Отечественной войны: был командиром взвода, командиром батальона, преподавателем в артиллерийском училище и авиашколе в городах Энгельсе и Вольске. В 1944 г. в звании старшего лейтенанта он, как и многие калмыки-фронтовики, был уволен с военной службы из-за национальной принадлежности и отправлен в ссылку вслед за семьей в Алтайский край. Здесь он вместе со своим народом пережил все тяготы и страдания депортации, несмотря на то, что он был фронтовиком-офицером, членом КПСС, имел престижное образование и большой опыт научно-педагогической деятельности.

Однако, как гласит калмыцкая пословица: «Алтн шорад даргдшго» («Золото в песке не утаишь»), У. Э. Эрдниев сумел и здесь проявить свой характер и добиться того, чтобы ему дали возможность работать по профессии, что удалось в те годы небольшой части калмыков. В годы ссылки он работал в Соколовской средней школе в Алтайском крае, преподавал латинский язык в медицинском училище, читал лекции в Новокузнецком и Кемеровском пединститутах, работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте (ВНИИГидроуголь).

Глубокий интерес Урюбджура Эрдниевича к древней истории проявился в том, что уже в 1950 г. он завершил работу над диссертацией, посвященной деятельности Гая Юлия Цезаря — «План восточного похода Цезаря и попытки его осуществления». Он собирался представить эту работу на рассмотрение в диссертационный совет Московского государственного университета. Однако его статус спецпереселенца помешал осуществлению этих планов.

Хотя становление У. Э. Эрдниева как ученого началось еще в предвоенные годы, но именно в Кемеровском пединституте сформировался интерес исследователя к изучению археологии. Участие в полевых раскопках, анализ полученных материалов и изучение новых источников по древнейшей истории позволили ему подготовить и опубликовать ряд работ: монографии «Городище Маяк» и «Памятные места города Сталинска», статьи в журналах «Природа», «Советская археология» и др. По результатам археологических изысканий У. Э. Эрдниевым была написана обобщающая работа «Археологические памятники в верховьях реки Томи», которая должна была быть представлена в качестве кандидатской диссертации, но из-за того, что автор по-прежнему имел статус спецпереселенца, и этот его труд не был принят к защите.

Таким образом, научный интерес У. Э. Эрдниева в этот период определяется в области ар-

хеологии Сибири, а именно Кузбасса. Изыскания У. Э. Эрдниева в Кузбассе, до того времени совершенно не изученном археологами, положили начало ликвидации белых пятен на карте западной Сибири. Результаты этих исследований позволили У. Э. Эрдниеву, в частности, доказать, что шорцы, проживающие в районе Кузбасса, являются аборигенами этих мест с эпохи неолита, что имело большое научное и политическое значение. Ряд материалов, найденных ученым в тех экспедициях, сейчас экспонируются в Новокузнецком музее, рядом с археологической коллекцией находится и портрет ученого. Здесь чтят память профессора У. Э. Эрдниева, немало сделавшего для сохранения историко-культурного наследия народов Сибири.

Вернувшись из сибирской ссылки на родину и в декабре 1959 г. поступив на работу в Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ныне КИГИ РАН), У. Э. Эрдниев полностью переключается на исследование научных проблем калмыковедения. Возвращение в родные степи вдохновляло калмыцкую интеллигенцию на скорейшее восстановление республики. У. Э. Эрдниев был в числе тех, кто сосредоточил свои усилия на дальнейшем развитии науки и образования, прерванном Великой Отечественной войной и незаконной ссылкой калмыцкого народа.

Придя в научно-исследовательский институт на должность старшего научного сотрудника, Урюбджур Эрдниевич со свойственной ему энергией в короткое время создает сектор археологии и этнографии, который затем возглавляет. С этого времени в значительной степени расширяется круг его научных интересов. Владея обширными и глубокими познаниями в области традиционной культуры калмыцкого народа, он обращается к этнографическим исследованиям.

С этих пор научная деятельность У. Э. Эрдниева в одинаковой мере посвящена как исследованию археологических памятников, так и изучению этнографии калмыцкого народа. Общеизвестно, что ученый является одним из основоположников данных направлений в исторической науке Калмыкии. Незаурядный талант У. Э. Эрдниева позволил ему в обеих этих областях науки достичь блестящих результатов и признания в широких кругах научной общественности.

В 1961 г. У. Э. Эрдниев, имевший значительный опыт работы археолога-полевика, приступает в сотрудничестве с профессором Саратовского университета И. В. Синицыным к исследованию памятников археологии на территории республики. В период 1961–1974 гг. У. Э. Эрдниев и И. В. Синицын исследовали 518 курганов с 2 024 погребениями разных исторических эпох — от энеолита (III тыс. до н. э.) до позднего средневековья (XIII–XV вв. н. э.), а также стоянку мезолитического времени.

В эти годы были обследованы такие уникальные памятники археологии, как курганные группы «Элистинский могильник», «Кермен-Толга», «Гашунский» и другие, получившие мировую известность. Материалы полевых раскопок, проведенных археологическими экспедициями У. Э. Эрдниева, хранятся в Национальном музее Республики Калмыкия, а отчеты по ним находятся в Институте археологии РАН и в научном архиве КИГИ РАН, важность этих источников для получения новых знаний остается неопределенной.

Как отмечает П. М. Кольцов, «...археологическое наследие, оставленное профессором У. Э. Эрдниевым, значительно как в содержательном плане, так и в количественном отношении. Им написаны работы по каменному веку, энеолиту, бронзе, и ранним кочевникам» [2, с. 38].

Тематика первых работ У. Э. Эрдниева в области этнографии связана с опытом его предыдущей работы в археологии: научные публикации были посвящены хозяйству, в том числе традициям земледелия, особенностям материальной культуры. Археологу, исследовавшему памятники разных эпох на территории Сибири и Калмыкии, изучавшему типологию хозяйства и культуры народов, являвшихся коренными жителями его родной земли в древности, опыт теоретических исследований пригодился в этнографических изысканиях. Уже ранние работы по этнографии калмыков свидетельствуют о том, что в научных исследованиях У. Э. Эрдниев отстаивал собственное мнение, вступая в полемику с авторитетными исследователями. Так, в отличие от Д. Банзарова и Б. Я. Владимирцова, он приходит к выводу о том, что ойраты, как и другие северные монголы, называвшиеся «лесными», задолго до вхождения в монгольскую империю Чингис-хана были знакомы со скотоводством, а охота и рыболовство были у них подсобным занятием.

В 1965 г. У. Э. Эрдниев защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: «Хозяйство и материальная культура калмыков в конце XIX — начале XX в.» в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР [3, с. 19]. У. Э. Эрдниеву в то время было уже 55 лет, и это была уже третья крупная работа, которая могла быть защищена в качестве кандидатской диссертации. Однако таким был тернистый путь ученого.

Одной из вершин научной деятельности ученого является его монография «Калмыки. Историко-этнографические очерки» [4]. Это первый фундаментальный труд, посвященный всестороннему исследованию проблемы этногенеза, сложения калмыцкой этнической общности, истории и изменений, произошедшим в хозяйстве, материальной и духовной культуре, в семейном и общественном быту калмыцкого народа за время его

пребывания в составе России. Книга У. Э. Эрдниева существенно отличалась от работ его предшественников. Она была написана не просто наблюдателем, а человеком, жившим и выросшим в гуще народной жизни. В этом труде впервые было дано всестороннее описание этнографии калмыцкого народа. Автор, обратившись к исторической этнографии своего народа, сумел создать солидный труд, отвечающий современным требованиям этнографической науки. Богатый материал, собранный ученым в результате многократных экспедиций в районы республики, позволил ему восстановить утраченные черты хозяйства, материальной и духовной культуры и быта калмыков. В работе обстоятельно исследованы и использованы архивные документы, находящиеся в фондах Национального государственного архива Республики Калмыкия, в частности многочисленные отчеты главного попечителя калмыцкого народа, попечителей улусов, доклады должностных лиц, официальная переписка, материалы экспедиций, осуществленных в разные периоды в калмыцких степях, и многое другое. У. Э. Эрдниев высказывает ряд новых положений об этническом составе калмыцкого народа, количестве различных видов калмыцкого скота, земледелии, хозяйственной специализации калмыцких улусов, рыболовстве и других занятиях населения, а также о социальном расслоении калмыцкого общества, народном образовании, изменениях, вызванных распространением на степняков-кочевников русского законодательства. У. Э. Эрдниевым при написании этой работы были широко использованы архивные материалы Волгоградской, Саратовской областей и Ставропольского края. Кроме того, автором проанализирована обширная историческая, этнографическая и лингвистическая литература как на русском, калмыцком, так и на других языках.

В работе рассматривается ряд важных проблем: семейные отношения, свадебные обряды, роль сородичей в них, впервые дано подробное их описание и разработана терминология. В книге обстоятельно описаны все жанры фольклора, виды искусства, игры и спортивные состязания, убедительно показано, что у калмыков была своеобразная национальная, главным образом, культовая архитектура, сложная по своему происхождению и стилю.

Автор книги дает анализ характера религиозных верований калмыков, определяет отличия архаичных форм религиозных представлений от ламаистских (буддийских). Интересным является суждение автора о том, что крещенные калмыки фактически оставались ламаистами (буддистами).

Впервые дается ценный фактический материал о разнообразном и богатом народном знании, игравшем большую роль в жизни народа: сведения о космогонических представлениях, народном ка-

лендаре, естественных знаниях, народной математике и мерах.

Работа У. Э. Эрдниева «Калмыки. Историко-этнографические очерки», как и многие другие его труды, широко используется в образовательной деятельности вузов и средних учебных заведений. Монография выдержала четыре издания, последнее из которых в дополненном виде подготовлено к публикации профессором К. Н. Максимовым, автором новых разделов, расширяющих историческую часть данной работы [4]. Этот труд был положен в основу защиты У. Э. Эрдниевым докторской диссертации.

За годы своей более чем 60-летней научно-педагогической деятельности У. Э. Эрдниев проявил себя как крупный организатор исторической науки в Калмыкии. Со времени открытия в 1970 г. Калмыцкого государственного университета до 1990 г. он являлся бессменным руководителем кафедры истории СССР и многое сделал для ее становления и укрепления кадрами. Много сил он отдавал молодежи, делаясь богатым опытом преподавательской деятельности. У. Э. Эрдниев обладал редким качеством собирать вокруг себя талантливую и преданную работе молодежь [5, с. 14].

Через всю свою жизнь профессор У. Э. Эрдниев пронес любовь к древней истории, прежде всего к истории античного мира. Работая после окончания МИФЛИ в самых разных высших учебных заведениях, он до конца своей педагогической деятельности неизменно читал курс лекций по истории древнего мира.

У. Э. Эрдниев был одним из немногих калмыцких ученых-авторов первой обобщающей работы по истории Калмыкии — «Очерков Калмыцкой АССР», подготовленной в первое десятилетие после восстановления автономии республики, т. к. из-за отсутствия национальных кадров после сибирской ссылки были приглашены ученые из других регионов для ее написания.

Спустя сорок лет после выхода в свет первого издания монографии У. Э. Эрдниева «Калмыки. Историко-этнографические очерки» Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-

Маклая совместно с Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН подготовил новую обобщающую монографию по этнографии калмыков — том «Калмыки» в серии «Народы и культуры». В нем отражены новейшие достижения науки в области этнографии калмыцкого народа. В год 100-летнего юбилея профессора У. Э. Эрдниева книга вышла из печати в издательстве «Наука» в Москве. Коллективная монография написана учениками и последователями патриарха исторической науки Калмыкии и учениками его учеников.

На доме, в котором долгие годы жил и работал У. Э. Эрдниев, установлена мемориальная плита. Состоялось юбилейное заседание Ученого совета КИГИ РАН, на котором выступили ученые-археологи из Германии и Южного научного центра РАН, Калмыцкого государственного университета. В юбилейных мероприятиях приняли участие представители правительства и Народного Хула (Парламента) Республики Калмыкия, мэрии г. Элиста, министерства образования, культуры и науки РК, дочери, внуки и другие родственники ученого.

У. Э. Эрдниев — удивительный и многогранный человек, оставивший глубокий след в науке и образовании Калмыкии и Западной Сибири, в жизни и памяти благодарных ему людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив КИГИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 57.
2. Кольцов П. М. Археологические исследования У. Э. Эрдниева // Научное наследие профессора Урюбджера Эрдниева / под редакцией Г. М. Борликова. Элиста: Изд-во «Джангар», 2005. С. 35–55.
3. Колесник В. И. У истоков исторической науки в Калмыкии // Там же. С. 16–22.
4. Эрдниев У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.; 2-е издание. Элиста, 1980. 282 с.; 3-е издание. Элиста, 1985. 282 с.; 4-е издание. Элиста, 2007. 427 с.
5. Убушаев В. Б. У. Э. Эрдниев — патриарх исторической науки Калмыкии // Научное наследие профессора Урюбджера Эрдниева / под редакцией Г. М. Борликова. Элиста: Изд-во «Джангар», 2005. С. 7–15.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ (к 95-летию известного востоковеда Б. Х. Тодаевой)

Видному российскому ученому, выдающемуся востоковеду, Почетному гражданину Республики Калмыкии, заслуженному деятелю науки Республики Калмыкия Буляш Хойчиевне Тодаевой исполнилось 95 лет со дня рождения.

Жизнь и научная деятельность одной из ярких представительниц калмыцкой интеллигенции, нашей современницы, известного монголоведа Буляш Хойчиевны Тодаевой являются образцом верного служения науке, обществу и своему народу.

Б. Х. Тодаева родилась 28 января 1915 г. в селе Ики-Манлан Малодербетовского улуса Калмыцкой степи. В 1931 г., успешно окончив Малодербетовскую среднюю школу, Буляш Тодаева работает секретарем бюро райкома комсомола. Вскоре Буляш Хойчиевна поступает в Сталинградский педагогический институт, затем переводится в Астраханский педагогический институт и в 1938 г. с отличием заканчивает его. После окончания института Б. Х. Тодаева возвращается в Калмыкию и работает преподавателем калмыцкого языка в Элистинском педагогическом училище, трудится в Институте усовершенствования учителей.

В марте 1941 г. Б. Х. Тодаеву направляют на учебу в аспирантуру Института языков и письменностей народов СССР. В 1946 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Семантика и синтаксические функции падежей в монголо-ойратских наречиях». После защиты Б. Х. Тодаева работает научным сотрудником в тюркско-монгольском секторе Института языка и мышления АН СССР (1946–1950) и одновременно

старшим научным сотрудником тюркского сектора в Институте методов обучения Академии педагогических наук РСФСР (1948–1949). В 1951 г. в Москве выходит в свет первый в отечественном монголоведении фундаментальный труд — «Грамматика современного монгольского языка: фонетика и морфология» Б. Х. Тодаевой. Ее монография была высоко оценена научной общественностью, в печати. Со времени выхода в свет данной работы прошло много лет, но можно со всей определенностью сказать, что она и поныне остается одним из самых глубоких и серьезных лингвистических исследований в монголоведной науке.

Одной из ярких страниц в жизни и научной деятельности Б. Х. Тодаевой является работа с супругом — профессором Г. П. Сердюченко в составе советской научной экспедиции в Китайской Народной Республике (1955–1957). Эти годы были до предела насыщены изучением сложной многовековой культуры Китая, чтением лекций, встречами с учеными, поездками по стране. Б. Х. Тодаева успешно работала в Академии национальных меньшинств научным консультантом по монгольским языкам, читала курс современного монгольского языка на кафедре монгольской филологии. Буляш Хойчиевна принимала деятельное участие в организации и проведении лингвистических экспедиций по изучению языков и наречий монгольских народностей, проживавших на территории Китая. В 1957 г. в Пекине издаются ее «Лекции по грамматике современного монгольского литературного языка», которые стали первым в отечественной науке трудом по монголоведению на китайском языке. Три года, проведенные в Китае, показали многообразие интересов и высокий интеллект Б. Х. Тодаевой, ее по праву считают одной из первых ученых, стоявших у истоков исследования монгольских языков и создания монголоведной науки в Китае.

Полевые экспедиции Б. Х. Тодаевой оказались весьма плодотворными, богатый и разнообразный в жанровом отношении материал открыл перед специалистами в области монголистики и алтаистики широкие перспективы для сравнительно-исторического изучения монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских языков. Благодаря ее трудам в монголоведной науке появились новейшие данные о районах расселения монгольских народностей на территории Китайской Народной Республики, особенностях дагурского, дунсянского, баоаньского, монгорского, монгольского и ойратского языков.

Накопленный в научных экспедициях уникальный материал был отражен в целом цикле ее фундаментальных научных трудов. «Монгольские языки и диалекты» (1960), «Дунсянский язык» (1961), «Баоаньский язык» (1964), «Язык желтых уйгуров» (1966, в соавторстве с Э. Тенишевым), «Монгорский язык. Исследование, тексты, словарь» (1973), «Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь» (1981), «Язык монголов Внутренней Монголии. Очерки диалектов» (1985), «Дагурский язык» (1986) и многие другие работы, вышедшие из-под пера Буляш Хойчиевны Тодаевой, явились значительным вкладом в отечественную и мировую монголоведную науку.

Говоря о значении цикла ее трудов по монгольским языкам, финский ученый, профессор Ю. А. Янхунен пишет: «Работы Б. Х. Тодаевой по монгольским языкам Куку-Нора являются до сих пор одними из самых обширных и надежных источников информации по этим своеобразным разновидностям монгольской речи, которые даже на сегодняшнем этапе остаются малоизвестными и малоизученными. Можно даже сказать, что Б. Х. Тодаевой удалось „спасти“ языки кукунорских монголов для мировой монголистики. Без работ Б. Х. Тодаевой языки кукунорских монголов остались бы неизвестными для целого поколения российских и зарубежных монголоведов. Вышеназванный цикл работ является непреходящей ценностью и достойным вкладом ученого в монголоведные исследования».

Особое место в работах Б.Х. Тодаевой занимает изучение героического эпоса «Джангар». В монографии «Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар», изданной Калмыцким НИИФЭ (ныне КИГИ РАН) в 1976 г., Б. Х. Тодаева впервые ввела в научный оборот богатейший лингвистический материал эпического памятника калмыков.

Итогом многолетней кропотливой и плодотворной работы Б. Х. Тодаевой является фундаментальный труд «Словарь языка ойратов Синьцзяна» (по версиям песен «Джангара»), изданный Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН совместно с Калмыцким книжным издательством. В основу очередного крупного

исследования ученого легли синьцзянские версии 60 песен «Джангара» (в 2-х тт.), материалы, собранные советской экспедиционной группой в 1955–1956 гг. в Китае, художественные произведения писателей, фольклорные сборники и журналы разных годов.

Последние годы характерны для Б. Х. Тодаевой новым подъемом творческих сил, упорным трудом во благо отечественной науки. Ею подготовлены труды «Синьцзянский героический эпос «Джангар» (в 3-х тт.), состоящий из 70 эпических песен, переложенный с «Тодо бичиг» на современный калмыцкий язык, «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая». В настоящее время подготовлены к изданию «Детский фольклор ойратов Синьцзяна», «Ойратский эпос «Гэсэр» и др.

Б. Х. Тодаева внесла неоценимый вклад в отечественную и мировую гуманитарную науку: современное монголоведение в России и за рубежом невозможно без основополагающих трудов Б. Х. Тодаевой.

Свидетельством высокого научного авторитета Б. Х. Тодаевой является то, что ее имя занесено в Энциклопедию ведущих языковедов мира.

Б. Х. Тодаева навсегда вошла в историю Республики Калмыкия, в историю науки, внесла неизмеримый вклад в развитие культуры своего народа, приумножив духовное наследие, доставшееся нам от предыдущих поколений.

За заслуги перед отечественной наукой, большой вклад в развитие российского монголоведения Б. Х. Тодаева награждена орденами «Дружбы народов», «Знак Почета», медалями СССР и КНР. За большой вклад в развитие духовной культуры калмыцкого народа ей присвоено звание Почетного гражданина Республики Калмыкия, она удостоена звания «Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия». Б. Х. Тодаева является Почетным членом Общества монголоведов Российской академии наук.

От всей души поздравляем Буляш Хойчиевну со знаменательным юбилеем, желаем крепкого здоровья, счастья и новых творческих успехов!

Н. Г. Очирова

БАКШИ МОНГОЛЬСКОЙ ФИЛОЛОГИИ (к 70-летию профессора Г. Ц. Пюрбеева)

Пюрбеев Григорий Церенович, главный научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Калмыкия — признанный в нашей стране и за рубежом

высококвалифицированный специалист в области монгольского языкознания и монгольской филологии.

Область научных интересов Г. Ц. Пюрбеева связана с изучением проблем фразеологии, синтаксиса, терминологии, ономастики, языка письменных памятников и фольклорных произведений, лексикологии, лексикографии, культурологии монгольских языков. Его исследования представляют собой концептуально ценные труды по монгольской филологии, известные широкому кругу специалистов в стране и за рубежом. Научные работы «К вопросу об устойчивых сочетаниях слов и фразеологизмах (на материале монгольских языков)», «Глагольная фразеология монгольских языков» стали основополагающими трудами по монгольской фразеологии, на основе которых проводились все последующие исследования на материале конкретных монгольских языков. Терминологические исследования ученого нашли отражение в монографии «Современная монгольская терминология» (1984) и многочисленных научных статьях. Работы профессора Г. Ц. Пюрбеева в области синтаксиса явились не только показателем уровня исследования тех или иных теоретических проблем на материале монгольских языков, но и стали своеобразным развернутым планом для последующих синтаксических исследований монголистов. Монографические работы Г. Ц. Пюрбеева «Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения» (1977) и «Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения» (1979) являлись первыми наиболее полными и системными описаниями строя синтаксических образований современного калмыцкого литературного языка, имели новаторский характер и внесли значительный вклад в дальнейшее развитие калмыковедения и монголоведения.

Григорий Церенович Пюрбеев — соредатор тома «Монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский и японские языки» в серии «Языки мира» (1997), редактор трудов Б. Х. Тодаевой «Словарь

языка ойратов Синьцзяна», «„Джангар“. Героический эпос ойрат-монголов» в 3-х томах, соавтор и ответственный редактор фундаментального лексикографического издания «Большой академический монгольско-русский словарь» в 4-х томах (2000–2002). Г. Ц. Пюрбеев является руководителем нового монгольско-русского лексикографического проекта «Большой русско-монгольский словарь».

Наряду с творческими исследованиями Г. Ц. Пюрбеев участвует в решении и разработке практических вопросов методики преподавания калмыцкого языка в образовательных учреждениях Республики Калмыкия. Г. Ц. Пюрбеев являлся главным консультантом Государственной комиссии по реформированию современной калмыцкой орфографии и редактором «Орфографического словаря калмыцкого языка» (1999).

Профессор Г. Ц. Пюрбеев успешно руководит аспирантами и соискателями, под его руководством более 10 человек защитили кандидатские и докторские диссертации. Г. Ц. Пюрбеев, профессор-консультант Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета, неоднократно был председателем Государственной аттестационной комиссии.

Крупнейший ученый-монголовед, доктор филологических наук, профессор Григорий Церенович Пюрбеев ведет большую научно-организационную деятельность: он член Экспертного совета по филологии ВАК РФ, член Ученого Совета Института языкознания РАН, член Правления Общества монголоведов РАН, член диссертационных советов при Институте языкознания РАН и Калмыцком государственном университете, член редколлегий «Бюллетеня» ОМ РАН.

Г. Ц. Пюрбеев активно участвует в организации и проведении международных и всероссийских конференций и симпозиумов по монголоведению и алтаистике как в нашей стране, так и за рубежом.

За заслуги в развитии отечественной науки Г. Ц. Пюрбееву присвоены звания «Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия» и «Почетный гражданин Республики Калмыкия». За многолетний и плодотворный труд, огромный вклад в укрепление российско-монгольских отношений он награжден медалями Российской Федерации и Монголии.

Сердечно поздравляем Григория Цереновича с юбилеем, желаем крепкого здоровья, счастья, дальнейших творческих успехов и новых научных достижений!

Е. В. Бембеев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

В 2010 г. Институт выступил как организатор и соорганизатор шести Всероссийских и региональных научных конференций и четырех «круглых столов».

21 апреля 2010 г. в преддверии празднования 65-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. состоялась Российская научно-практическая конференция «Вклад регионов Юга России в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Проведение представительного всероссийского форума ученых в Республике Калмыкия стало важным событием в научной жизни регионов Юга России. В работе конференции приняло участие более 70 человек, в том числе ученые КИГИ РАН, КГУ (Калмыцкого государственного университета), из регионов Юга России (Ставропольского края, Ростовской области, Чеченской Республики, Кабардино-Балкарской Республики), ветераны Великой Отечественной войны, участники боевых действий, представители творческой интеллигенции и др. На конференции обсужден широкий круг вопросов, связанных с теоретическими и методологическими аспектами изучения Великой Отечественной войны, историографии, истории народного хозяйства и экономики республик, краев и областей Северного Кавказа и Нижнего Поволжья в военные годы.

22–24 апреля 2010 г. состоялась Региональная научная конференция «Становление и развитие высшего профессионального образования в национальных республиках Юга России». На конференции рассматривались этапы становления, а также современные проблемы и перспективы развития высшей школы на Юге России. В работе конференции приняли участие свыше 50 участников из соседних областей и республик Южного федерального округа.

Советом молодых ученых КИГИ РАН совместно с Советом молодых ученых и специалистов при Главе Республики Калмыкия и Правительством Республики Калмыкия 26–29 мая 2010 г. проведен Межрегиональный молодежный экологический форум «Экология. Инновации. Человек», посвященный «Году сайгака» в Республике Калмыкия. Формат форума включал выставку инновационных проектов, пленарное и два секционных заседания, в рамках которых было заслушано 28 докладов, посвященных проблемам оптимизации природопользования, сохранения и восстановления экосистемы региона.

31 мая 2010 г. Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН совместно с Министерством здравоохранения и социального

развития РК провел Республиканскую научно-практическую конференцию «Здравоохранение и образование в Калмыкии: история и современность», посвященную 140-летию со дня рождения Семена Рафаиловича Залкинда (1869–1941 гг.). В рамках научного мероприятия были заслушаны и обсуждены доклады, связанные с историей развития здравоохранения и образования в Калмыкии, а также сообщения о жизни и деятельности видного организатора медицинского дела и просветителя, первого заведующего отделом здравоохранения Калмыкии С. Р. Залкинда.

16–17 июня 2010 г. в г. Санкт-Петербурге в Институте восточных рукописей РАН состоялись Научные чтения, посвященные памяти выдающегося монголоведа, крупнейшего специалиста в области монгольской текстологии, ойратоведа А. Г. Сазыкина (1943–2005 гг.). Организаторами научных чтений выступили Институт восточных рукописей РАН и Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. В них приняли участие сотрудники КИГИ РАН, ИВР РАН, Музея этнографии и антропологии им. Петра Великого (Кунсткамеры), Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета и др. Ученые выступили с докладами по проблемам изучения письменных памятников, истории, литературы и фольклора, языкознания, религии и культуры монгольских народов.

100-летию жизни и деятельности Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта Басана Бадминовича Городовикова была посвящена Российская научно-практическая конференция «Б. Б. Городовиков — видный военный, государственный и общественно-политический деятель», которая состоялась 12 ноября 2010 г. Участники конференции обсудили широкий круг вопросов, связанных с научным осмыслением личности Б. Б. Городовикова в контексте военной и социально-политической истории страны и республики, отметили огромный вклад выдающегося общественно-политического деятеля в социально-экономическое и культурное развитие Калмыкии.

19 апреля 2010 г. состоялся круглый стол «Калмыкия в Великой Отечественной войне», посвященный празднованию 65-летия Победы в Великой Отечественной войне. В нем приняли участие ветераны ВОВ, ученые КИГИ РАН и представители общественности республики. Ветераны выступили с воспоминаниями, собственными оценками военных событий и видением войны «изнутри», которые, безусловно, являются бесценными свидетельствами о самом масштабном и трагическом событии в истории XX в.

Круглый стол, состоявшийся 26 ноября 2010 г. на базе Музея-заповедника «Старая Сарепта» (г. Волгоград), был посвящен знаменательной дате — 100-летию первого издания эпического репертуара джангарчи Э. Овла в записи Номто Очирова. В работе круглого стола приняли участие специалисты Музея «Старая Сарепта», ученые КИГИ РАН, члены Фонда «Наследие» им. Н. Очирова, представители администрации и национальных диаспор Волгограда. В докладах были освещены научные изыскания, проводимые по изучению эпоса «Джангар», жизни и деятельности выдающегося ученого и просветителя Номто Очирова, истории немецкой колонии Сарепта, миссионерской деятельности гернгутеров среди калмыцкого поселения.

Совместно с Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия 30 ноября 2010 г. был проведен круглый стол «О подготовке результатов Всероссийской переписи населения 2010 года». Его целью явилось обсуждение ряда важнейших проблем, касающихся итогов Всероссийской пере-

писи населения 2010 г. В рамках дискуссии специалисты, ученые и эксперты высказали также предложения и пожелания относительно обработки и публикации данных переписи.

В 2010 г. состоялись совместные расширенные заседания Ученых советов КИГИ РАН и Калмыцкого государственного университета, посвященные 70-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической, просветительской деятельности известного ученого-монголиста, доктора филологических наук, профессора Г. Ц. Пюрбеева (25 июня 2010 г.), 100-летию со дня рождения видного ученого, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора У. Э. Эрдниева (1 октября 2010 г.). В рамках этих заседаний были заслушаны научные доклады, в которых были освещены актуальные проблемы современного языкознания, истории и археологии, обозначены дальнейшие задачи и перспективы в исследованиях в области монгольской филологии, этнографии монгольских народов и археологии.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В 2010 г. подписан договор между КИГИ РАН и Археологическим центром Ландесмузея Земли Шлезвиг-Гольштайн (Германия) о проведении совместного проекта по теме «Поселения в степи преисторического и средневекового времени в волго-манычских степях». Проект получил поддержку Фонда Александра фон Гумбольдта (Германия) в рамках программы «Партнерство институтов на 2010–2013 гг.».

В этом же году КИГИ РАН достигнута договоренность с Восточным отделом Библиотеки Академии наук Венгерской Республики (Будапешт, Венгрия) об осуществлении совместного научного проекта по изданию калмыцкого материала из архива выдающегося венгерского ученого XIX в. Габора Балинта из Сенткатолна (188 рукописных страниц). С венгерской стороны руководителем проекта выступает известный ученый-монголовед, профессор А. Биргалан.

Институтом подписаны Соглашения о дальнейшем сотрудничестве на 2011–2015 гг. между КИГИ РАН и Институтами Академии наук Монголии — Институтом языка и литературы, Институтом международных отношений, Институтом истории, Международным институтом по изучению кочевых цивилизаций.

В 2010 г. заведующий отделом письменных памятников и буддологии, д. филос. н. Б. А. Бичеев, по приглашению Северо-Западного университета национальностей г. Ланчжоу

(провинция Ганьсу, КНР) провел ряд лекций и консультаций со студентами данного вуза. В процессе работы за рубежом ученый провел встречи с ведущими монголооведами Пекинского института языка и литературы национальных меньшинств (проф. Б. Дамринжав и др.), проф. Педагогического университета г. Синина Д. Кёке, настоятелями буддийских монастырей Китая — Сертох Ринпоче (Гумбум, провинция Ганьсу) и Зая-пандита Ринпоче (Лавран, провинция Цинхай).

В рамках программы «Межконфессиональный диалог» получил грант и в течение месяца проходил стажировку в США научный сотрудник отдела письменных памятников и буддологии КИГИ РАН Ч. А. Санджиев (Нью-Йорк, США, июнь 2010 г.).

В 2010 г. в целях дальнейшего развития и укрепления международных связей в области науки и культуры в Институте состоялись встречи с крупными зарубежными деятелями: геше Лхакдором (директор Библиотеки тибетских трудов и архивов, крупнейшего научного и исследовательского центра по сохранению буддийского наследия Тибета, Дхарамсала, Индия); Его Святейшеством Сакья Тризином (иерарх буддийской школы Сакья, Индия); Алленом Б. Уоллесом (известный буддолог, основатель и президент Института по изучению сознания в г. Санта-Барбара).

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИГИ РАН

Монографии и книги. В 2010 г. вышел третий заключительный том академической «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней» (в 3 томах) В нем рассматривается духовно-культурная история калмыцкого и других народов региона, проживавших на территории Калмыкии в XVII–XX вв., начиная от появления калмыков на Волге и до распада Советского Союза. Основной целью данного тома является выявление особенностей и освещение специфики культуры народов Калмыкии в исторической ретроспективе за четыре столетия.

В коллективной монографии «Калмыки» (в серии «Народы и культуры». М.: Наука, 2010) с позиций современной науки исследуются проблемы происхождения калмыков, этническая история, антропологический облик, развитие материальной и духовной культуры калмыцкого народа.

Во втором издании монографии К. Н. Максимова «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки» (2-е изд., доп., М.: Наука, 2010) привлечен обширный материал рассекреченных фондов центральных архивов России, доступ к которым был открыт в канун юбилейной даты, новой мемуарной литературы отечественных и иностранных авторов. Это дало возможность восполнить пробелы в истории Калмыкии военного периода, а также увидеть в исследуемых явлениях, событиях, фактах реальную картину со всеми позитивными и негативными моментами.

Вопросам реализации государственной политики в социально-экономической сфере в Нижнем Поволжье в 1921–1933 гг. посвящена монография Е. Н. Бадмаевой «Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.)» (Элиста, 2010). Работа дает представление о закономерностях и особенностях развития сельского хозяйства и промышленности, социальной сферы территорий Нижнего Поволжья в указанный период. Анализируются аграрные и индустриальные преобразования периода нэпа и коллективизации, их последствия, характер взаимоотношений власти и общества.

Монография Г. Ц. Пюрбеева «Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис» (2-е изд., перераб. Элиста: КИГИ РАН, 2010) представляет собой второе, дополненное и переработанное издание двух синтаксических работ автора, вышедших в 70-е гг. прошлого века.

Анализу антропологического состава калмыков посвящена монография Н. В. Балиновой «Калмыки: антропогенетический портрет» (Элиста, 2010). В работе вводятся новые материалы по анализу генофонда калмыков на уровне ДНК-маркеров.

В монографии Е. А. Гунаева «Конституционный строй Калмыкии в 90-е гг. XX — начале XXI в.» (Элиста, 2010) исследованы вопросы становления и развития конституционного строя Калмыкии как субъекта Российской Федерации в 90-е гг. XX — начале XXI в. В книге рассмотрены статус республики, правовое положение личности, организация государственной власти и местного самоуправления.

В 2010 г. вышла в свет книга Осорин Утнаш «Антология ойратской поэзии» (Элиста, 2010), представляющая собой первый опыт исследования современной поэзии синьцзянских ойратов в России.

Книга П. Э. Алексеевой «Семейная хроника: на службе Отечеству» (Элиста, 2010) подготовлена к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. На примере одной семьи, члены которой сражались за Отечество на протяжении первой половины XX в., раскрывается одна из трагических страниц истории страны прошлого столетия.

В 2010 г. подготовлена и издана книга Б. Х. Тодаевой «Детский фольклор ойратов Синьцзяна» (Элиста, 2010), которая представляет собой переложение и перевод на современный калмыцкий язык работы Н. Батбаяра, опубликованной Народным издательством Синьцзяна в Китае в 1981 г. на ойратской письменности «тодо бичиг».

Научно-популярные статьи П. Э. Алексеевой, опубликованные за последние десятилетия в различных периодических изданиях, легли в основу ее книги «О людях и времени: сборник статей» (Элиста, 2010). В них представлены малоизвестные страницы истории калмыцкого народа, основанные на редчайших источниках и архивных материалах.

Тематические сборники. Сборник научных статей «Б. Б. Городовиков — видный военный, государственный и общественно-политический деятель (к 100-летию со дня рождения). Материалы Российской научно-практической конференции» (Элиста, 2010) включает доклады отечественных и зарубежных исследователей, посвященные военной, общественно-политической жизни и деятельности Б. Б. Городовикова, истории социально-экономического и культурного развития Калмыкии и в целом Юга России во второй половине XX в.

70-летию со дня рождения и 50-летию научной-педагогической, просветительской деятельности известного ученого-монголиста, доктора филологических наук, профессора Г. Ц. Пюрбеева посвящен сборник «Бакши монгольской филологии. Профессор Г. Ц. Пюрбеев» (Элиста, 2010). В него вошли неопубликованные труды ученого на калмыцком и русском языках, отзывы и статьи

ученых-монголоведов, тюркологов, коллег, учеников и единомышленников о юбиларе.

В 2010 г. продолжается выпуск научного журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН». Первый номер был посвящен 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. В нем представлены результаты новейших исследований исторического, этнологического и социологического характеров, проводимых в Институте.

Материалы научно-практической конференции, посвященной 140-летию со дня рождения организатора медицинского дела и первого заведующего отделом здравоохранения Калмыкии С. Р. Залкинда, вышли в свет в сборнике «Жизнь, отданная людям (к 140-летию со дня рождения С. Р. Залкинда)» (Элиста, 2010).

В сборнике «Материалы Российской научно-практической конференции „Вклад регионов Юга России в победу Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.“» (Элиста, 2010) представлены доклады и выступления, отражающие актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны.

Сборник научных статей «Мир „ясного письма“» (Элиста, 2010) посвящен 360-летию «ясного письма» и 410-летию со дня рождения основателя ойратской письменности Зая-панди-

ты Намкайджамцо. В него вошли научные статьи по актуальным проблемам изучения ойратской письменности, литературы, истории ойратского буддизма.

Материалы региональной научной конференции опубликованы в сборнике «Становление и развитие высшего профессионального образования в национальных республиках Юга России» (Элиста, 2010). В статьях рассматриваются история, современные проблемы и перспективы развития высшей школы на Юге России и ее вклад в социально-экономическое и культурное развитие региона.

Доклады участников Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности П. Т. Надбитова, опубликованы в сборнике «Танцевальный фольклор народов России» (Элиста, 2010). Статьи посвящены проблемам истории танцев, танцевального этикета и фольклора, истории и развитию танцевальной культуры народов России.

В 2010 г. вышли в свет брошюры, посвященные юбилеям известного востоковеда Б. Х. Тодаевой и ученого-калмыковеда М. У. Монраева. В них вошли биографические данные и библиографический указатель научных работ ученых.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В 2010 г. археологическая группа КИГИ РАН (рук. к. и. н. М. А. Очир-Горяева) с учеными Ландесмузея Земли Шлезвиг-Гольштайн приступили к выполнению совместного международного проекта «Поселения в степи преисторического и средневекового времени в волго-маньчжеских степях». Проведены археологические разведки в Городовиковском, Яшкульском и Кетченеровском районах. Заложены разведочные шурфы на поселении Башанта, открыт культурный слой с саманными кирпичами и фундаментом в виде каменной выкладки из тесаного ракушечника и ракушечно-го бута, определены границы памятника (4–6 га), составлен топографический план памятника. Обнаруженные керамика и черепица датируются специалистами предварительно XI–XIV вв. н. э. В окрестностях пос. Ергенинский Кетченеровского района открыто новое поселение с культурным слоем эпохи поздней бронзы (срубная культура).

Сотрудники отдела литературы, фольклора и джангароведения и отдела письменных памятников и буддологии совершили экспедиции в районы. Ими описаны коллекции письменных памятников Лаганского и Джалыковского хурулов (Лаганский район), собран полевой фольклорный материал в с. Сарпа Кетченеровского района и др.

Экологи Центра этносоциальных исследований провели экспедиционные выезды по изучению антропогенной трансформации природных экосистем на территории юго-востока Калмыкии. Они также побывали на Маньчжеском стационаре, на территории Прикаспийской низменности по маршруту Яшкуль — Таван-Гашун — Адык. В результате пространственно-временного мониторинга получили новые данные по современному состоянию природных экосистем и уровня их антропогенной деградации.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

18 июня 2010 г. младший научный сотрудник сектора этнологии КИГИ РАН Т. И. Шараева успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Обряды жизненного цикла у калмыков

(XIX — начало XXI века)» по специальности 07.00.07. — Этнография, этнология и антропология (в Институте этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН).

Материал подготовил *Е. В. Бембеев*

РЕЦЕНЗИИ

**ИСТОРИЯ КАЛМЫКИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ:
в 3-томах. Элиста, 2009.**

«История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» — монументальное трехтомное научное издание, выполненное коллективом ученых Калмыкии, которое по праву можно считать самым важным достижением калмыцкой исторической школы на сегодняшний день. Недаром оно приурочено к такому важному юбилею, как 400-летие добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства.

История Калмыкии как государственно-административного образования в составе сначала Российской империи, потом СССР, а с конца XX в. — Российской Федерации, и история калмыков — народа, давшего свое имя этому образованию, — это не одна, а две истории, но они тесно взаимосвязаны. В данном фундаментальном труде мы находим и историю Калмыкии, и историю народа, пришедшего в начале XVII в. из степей западной Монголии и Джунгарии в Нижнее Поволжье и постепенно ставшего неотъемлемой частью населения России, плотно вплетенного в единый контекст истории и страны в целом и формирования ее этнического многообразия.

Монография удачно построена. Ее первый том охватывает период истории Нижнего Поволжья от палеолита до конца XIX в. В нем также обстоятельно представлена история предков калмыков (ойратов), которая «творилась» на территории западной Монголии и предшествовала их появлению в России.

Второй том посвящен XX в. и его проблемам: революции 1917 г. и ее последствиям, Гражданской войне и трагедии народа, разорванного этой войной на две противоборствующие части, одна

из которых была вынуждена уйти в эмиграцию, ее потомки и поныне живут в разных странах мира. Здесь же изложена история создания Калмыцкой национально-государственной автономии и ее непростой судьбы в советское время. Большой раздел посвящен участию калмыков в Отечественной войне 1941–1945 гг. Депортация народа в восточные районы Сибири изложена как по опубликованным, так и ранее не публиковавшимся архивным документам, что дает возможность более глубоко осмыслить и понять причины произошедшей трагедии и оценить тот ущерб, который она нанесла демографии, экономике и культуре Калмыкии.

Естественно, что трилогию завершает том, посвященный традиционной и официальной культуре, судьбе религии в разные периоды истории Калмыкии, науке, искусству, литературе, здравоохранению, образованию, спорту. Несомненно, что данное издание по широте, полноте и объективности подхода к историческим источникам является показателем высокого уровня, достигнутого исторической наукой не только в Калмыкии, но и в России в целом. Его появление как нельзя лучше украшает торжественный 400-летний юбилей добровольного вхождения Калмыкии в состав России и служит прекрасным путеводителем для всех тех, кто заинтересован в мысленном и эмоциональном прохождении этого трудного, но великого четырехвекового пути.

*С. А. Арутюнов,
член-корреспондент РАН,
заведующий отделом Кавказа ИЭА РАН (Москва)*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аругюнов Сергей Александрович — д. и. н., проф., чл.-корр. РАН, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. E-mail: gusaba@iea.ras.ru.

Бембеев Евгений Владимирович — к. ф. н., ученый секретарь Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: galdma@yandex.ru.

Габунщина Эмма Борисовна — д. с.-х. н., ведущий научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Гацалова Лариса Борисовна — д. ф. н., заместитель директора по научной работе Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН (г. Владикавказ). E-mail: soigsi@mail.ru.

Гунаев Евгений Александрович — научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Канукова Залина Владимировна — д. и. н., директор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН (г. Владикавказ). E-mail: kanukova_z@mail.ru.

Лиджиев Александр Борлаевич — к. ф. н., старший научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: alli.pm@mail.ru.

Максимов Константин Николаевич — д. и. н., проф., зав. отделом истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Манджиева Байрта Барбаевна — к. ф. н., заведующий отделом литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: mbairta@mail.ru.

Намруева Людмила Васильевна — к. с. н., доцент, старший научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: lnamrueva@yandex.ru.

Овалов Эдвин Бадмаевич — к. ф. н., старший научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Омакаева Элара Уляевна — к. ф. н., доцент, заведующий отделом языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: elomakaeva@mail.ru.

Осорин Утнасун — младший научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: Utnasn64@mail.ru.

Очиров Уташ Борисович — д. и. н., ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Очирова Нина Гаряевна — к. п. н., директор Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Очирова Нюдля Четыровна — младший научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: ochir.nudlya@mail.ru.

Сарантуя — д. ф. н., проф. Северо-Западного университета национальностей (г. Ланчжоу, КНР). E-mail: msrty@126.com.

Судаев Николай Дмитриевич — д. и. н., проф. Ставропольского государственного университета (г. Ставрополь). E-mail: info@stavsu.ru.

Сулейманов Ахмет Мухаметвалеевич — д. ф. н., проф. Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа). E-mail: office@bspu.ru.

Ташнинова Людмила Николаевна — к. б. н., ведущий сотрудник отдела аридной экологии Института аридных зон Южного научного центра РАН (ЮНЦ РАН). E-mail: kigiran@elista.ru.

Тетюев Алим Инзрелович — д. и. н., доцент, главный научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра РАН (г. Нальчик). E-mail: alim-tetuev@mail.ru.

Убушиева Данара Владимировна — к. ф. н., младший научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: bib.danara@yandex.ru.

Федоров Василий Игнатьевич — д. и. н., ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ИГИиПМНС СО РАН) (г. Якутск). E-mail: inip@ysn.ru.

Хубулова Эда Владимировна — к. и. н., ученый секретарь Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН (г. Владикавказ). E-mail: soigsi@mail.ru.

Шараева Татьяна Исаевна — к. и. н., младший научный сотрудник сектора этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: sharaevati@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arutunov Sergey Aleksandrovich — Ph.D., the senior lecturer, corresponding member RAS, the head of Institute of Ethnology and anthropology, RAS. E-mail: gusaba@iea.ras.ru.

Bembeev Evgenie Vladimirovich — Ph.D., the academic secretary of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS. E-mail: galdma@yandex.ru.

Gabunshchina Emma Borisovna — Ph.D., the leading researcher of Department of Sociopolitical and Ecological Studies, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS. E-mail: kigiran@elista.ru.

Gatsalova Larissa Borisovna — Ph.D., deputy director on scientific work the North Ossetia Institute of Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz science center, RAS (Vladikavkaz). E-mail: soigsi@mail.ru.

Gunaev Evgenie Aleksandrovich — the researcher of Department of Sociopolitical and Ecological Studies, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS. E-mail: kigiran@elista.ru.

Kanukova Zalina Vladimirovna — Ph.D., the director of the North Ossetia Institute of Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz science center, RAS (Vladikavkaz). E-mail: kanukova_z@mail.ru.

Lidzhiev Alexander Borlaevich — Ph.D., the senior researcher of Department of Linguistics, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS. E-mail: alli.pm@mail.ru.

Maksimov Konstantin Nikolaevich — Ph.D., the senior lecturer, the prof., the head of Department of History and Archeology, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS. E-mail: kigiran@elista.ru.

Mandzhieva Bajrta Barbaevna — Ph.D., the head of Department of Literature, Folklore and Dzhangar Studies, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS. E-mail: mbairta@mail.ru.

Namrueva Lyudmila Vasilevna — Ph.D., the senior researcher of Department of Sociopolitical and Ecological Studies, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS. E-mail: lnamrueva@yandex.ru.

Ovalov Edvin Badmaevich — Ph.D., the senior of Department of Literature, Folklore and Dzhangar Studies, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS. An E-mail: kigiran@elista.ru.

Omakaeva Ellara Uljaevna — Ph.D., the senior lecturer, the head of Department of Linguistics, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS. E-mail: elomakaeva@mail.ru

Osorin Utnasun — the junior researcher of Department of Literature, Folklore and Dzhangar Studies, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS. E-mail: Utnasn64@mail.ru.

Ochirov Utash Borisovich — Ph.D., the leading researcher of Department of History and Archeology, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS. E-mail: kigiran@elista.ru.

Ochirova Nina Garjaevna — Ph.D., the director Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS. E-mail: kigiran@elista.ru.

Ochirova Njudlja Chetyrovna — the junior researcher of Department of Linguistics, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS. E-mail: ochir.nudlya@mail.ru.

Sudavtsov Nikolay Dmitrievich — Ph.D., the prof. of the Stavropol State University (Stavropol). E-mail: info@stavsu.ru.

Sulejmanov Ahmet Muhametvaleevich — Ph.D., the prof. of the Bashkir State Pedagogical University of M. Akmully (Ufa). E-mail: office@bspu.ru.

Tashninova Lyudmila Nikolaevna — Ph.D., the leading researcher of Department of Arid Ecology, Institute of Arid Zones of Southern science center, RAS. E-mail: kigiran@elista.ru.

Tetuev Alim Inzrelovich — Ph.D., the senior lecturer, the senior researcher of the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies of Government KBR and KBSC, RAS (Nalchik). E-mail: alim-tetuev@mail.ru.

Ubushieva Danara Vladimirovna — Ph.D., the junior researcher of Department of Literature, Folklore and Dzhangar Studies, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS. E-mail: bib.danara@yandex.ru.

Fedorov Vasily Ignatevich — Ph.D., the leading researcher of the North Siberian Institute of Humanitarian Studies and Problems of the Small Peoples, RAS (Yakutsk). E-mail: inip@ysn.ru.

Hubulova Eda Vladimirovna — Ph.D., the academic secretary of the North Ossetia Institute of Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz science center, RAS (Vladikavkaz). E-mail: soigsi@mail.ru.

Sharaeva Tatyana Isaevna — Ph.D., the junior researcher of Department of the Ethnology, the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS. E-mail: sharaevati@yandex.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

В журнале публикуются результаты фундаментальных исследований в области гуманитарных наук.

Материалы принимаются в распечатанном на бумаге варианте (1 экз.) и в электронном виде (только на диске или по e-mail) в редакторе Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала, на странице 28 строк, в строке 60 знаков, включая пробелы. При наборе использовать только стандартные гарнитуры шрифтов: Times New Roman. Электронный вариант статьи должен строго соответствовать распечатанному. В электронном варианте не допускается расстановка переносов. Страницы обязательно должны быть пронумерованы. После названия статьи указываются Ф.И.О. автора(ов). Распечатанный вариант статьи необходимо завизировать «живыми» подписями всех авторов. Электронный вариант должен состоять из трех файлов: статья, реферат, сведения об авторе. Названия файлов могут включать только фамилию автора и слова «статья», «реферат», «сведения». Например: Иванов-статья.doc, Иванов-сведения.doc, Иванов-реферат.doc. Если в статье несколько авторов, название файлов дается по первому из них.

Рисунки предоставляются на диске отдельными файлами в форматах jpg (без сжатия), tiff с распечаткой и перечнем подрисовочных подписей или в редакторе Word внутри текста статьи (только в том случае, если рисунки также сделаны в Word). Все обозначения на рисунках должны быть четкими и хорошо отличимыми друг от друга.

Все таблицы должны быть пронумерованы, привязаны к тексту и иметь названия. Принимаются только таблицы, созданные в редакторе Word.

Библиографические ссылки должны быть затекстовые и связаны с текстом цифрами в квадратных скобках. Оформление ссылок на печатные источники и электронные ресурсы производится в соответствии с действующими ГОСТами. Статьи без списка источников и литературы не принимаются.

К материалу прилагаются: реферат на русском и английском языках (с использованием рефератных оборотов – «анализируется...», «показано...», «автор приходит к выводу...» и т.п. – и обязательным переводом на английский названия статьи); ББК; ключевые слова; сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), научная степень, научное звание, должность (с указанием полного названия кафедры и вуза или структурного подразделения научного учреждения); телефоны (кафедры, домашний, мобильный) с указанием кода города; почтовый адрес (домашний и вуза или структурного подразделения научного учреждения) с указанием почтового индекса; e-mail; паспортные данные. Все сведения и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках.

Сведения, как на русском, так и на английском языке предоставляются не в виде анкеты, а одним предложением, например:

Иванов Иван Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры... университета, адрес..., тел..., e-mail... На английском языке точно также.

Ключевые слова даются в одну строчку: отдельная строка – для русских слов, отдельная для английских.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редакции: 358000 Республика Калмыкия, ул. Илишкина, д. 8.

Учреждение Российской академии наук

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН.

Тел. (84722) 3-55-06, факс: 2-37-84 .

E-mail: kigiran@elista.ru

Адрес в Интернете: www.kigiran.com

**Вестник
Калмыцкого института гуманитарных
исследований РАН**

№ 2, 2010

Сдано в набор 01.12.2010. Подписано в печать 27.12.2010. Формат бумаги 60х84 1/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,5. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель: Учреждение Российской академии наук
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

Отпечатано в КИГИ РАН, Республика Калмыкия 358000, г. Элиста, ул. Илишкина, 8